

история / география / этнография

Варвара Пономарева
Любовь Хорошилова

М

ир русской женщины:
семья, профессия,
домашний уклад
XVIII — начало XX века

Ломоносовъ
Издательство

Варвара Пономарева
Любовь Хорошилова

Мир

русской женщины:
семья, профессия,
домашний уклад

XVIII — начало XX века

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(47).06-083
ББК 63.3(2)47-52
П56

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-505-0

© Варвара Пономарева, 2016
© Любовь Хорошилова, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

Предисловие

Полтора века русской истории — со второй половины XVIII до начала XX — представляют собой особый период, сохраняющий внутреннюю целостность. В это время формируется и достигает совершенства литературный русский язык, классическая русская литература от Пушкина до Чехова становится частью мировой культуры, русские университеты проходят путь от их основания до формирования научных школ мирового значения. Это самый европейский период русской истории, время наибольшей открытости России миру. В эти полтора века совершался переход от традиционного общества к современному. Модернизация шла необыкновенно быстро, что вполне характерно для нашей истории, но — случай воистину исключительный — эта модернизация шла эволюционным путем.

На этот же период приходится золотой век русской семьи. В общественной жизни происходят громадные перемены. Семья, впитывая новое, постепенно меняется, показывая

невероятные возможности развития и вместе с тем самосохранения. Семье этой эпохи свойственны одновременно и устойчивость, и динамизм: обретая новые черты, она, несмотря на все трансформации, сохраняет патриархальную основу. Перемены прежде всего коснулись дворянства, купечества и интеллигенции, но даже и в этих сословиях патриархальная семья оставалась численно преобладающей.

Этот внутренне целостный период существования русской семьи до сих пор не получил подобного же целостного описания. В старой русской литературе существовал жанр поучений «отцов детям», старших и умудренных опытом — младшим. Наиболее полный аналитический текст, содержащий отфильтрованный многовековой народный опыт, выраженный в афористической форме, представляет собой «Домострой». «Высокое» и «низкое», материальное и духовное соединилось в этом этикетно-бытовом тексте, рисующем образ «живой жизни» старой России, но воспринимавшемся, к сожалению, позднее как проповедь «темного царства».

Изменения в семье были связаны прежде всего с переменами в положении женщины: сложилась система европейского женского образования, для женщин стала возможной профессиональная деятельность. Изменения начались «сверху» — в более культурной, образованной среде дворянства, купечества и интеллигенции. Многомиллионное крестьянство России по-прежнему жило в рамках патриархальной семьи. Патриархальные семьи численно преобладали и в высших сословиях, однако здесь наметились важные перемены: постепенно разорение дворянства приводило к сокращению больших семей, дающих приют тем, кто не может себя прокормить. И второе — общество с начала XIX века все более отчетливо осознавало, что женщинам необходимо давать образование, которое позволяло бы им подготовить детей к жизни в быстро изменяющемся мире.

Традиционный уклад в России сохранялся и, более того, оставался преобладающим вплоть до конца XIX века. Его хранителем до последних дней Российской империи прежде всего выступали крестьянские патриархальные семьи, численно многократно превосходившие все прочие. В отработанном и выверенном ритме буден одни привычные дела сменялись другими, чередой шли крупные семейные события — сватовство, свадьба, рождение и крещение младенцев, похороны... Поведение людей было отработано и отшлифовано веками, каждый назубок знал свою роль. Патриархальность сохранялась во многих семьях других сословий — мещанских, купеческих и дворянских.

Под наиболее пристальным вниманием находилась «первая семья». Как известно, глава государства играет помимо прочих еще одну важнейшую роль — служить образцом, моделью поведения для своих подданных. Подражание вышестоящим, более благополучным и успешным — рефлекторное или сознательное — вообще свойственно человеческой природе. А образ самодержца, помазанника Божия, к тому же имел для русских людей особенный сакральный смысл.

Как круги по воде, образцы поведения и моды, привычки и домашний обиход распространялись не только в аристокра-

тической среде, но и — пусть постепенно и очень медленно — в провинциальной дворянской, а затем в верхушке купечества. Детали поведения, жесты, манера говорить, пристрастия в еде, распорядок дня, увлечения, прогулки, работа в саду, даже способ подстригать бороду и усы — все это становилось объектом самого пристального внимания и подражания, порой бессознательного. Многие новшества в стиле поведения, манере одеваться, проведении досуга, гигиенических навыках и т. д., как правило, распространяются сверху на остальные слои. Общество прежде всего изменяется, начиная со своей элиты. Для нашей же страны характерно ускоренное прохождение многих важных культурных процессов. И живые примеры были необходимы в том числе и из-за скорости перемен. Для России, где гражданское общество так и не успело сформироваться, общественные инициативы не могли играть столь значительной роли, как во многих странах Западной Европы. И на первый план выходила деятельность власть имущих, прежде всего императорской семьи и самого царя. Именно так начинает формироваться в России благотворительность, мужское и женское образование разных уровней, распространяются идеи гигиены и физической культуры и многое, многое другое. Модернизация России, ее движение по европейскому пути — все происходит «сверху» и идет ускоренными темпами.

Августейшая семья являлась моделью для своего окружения и далее для всего населения страны. Будучи прекрасным психологом, Екатерина Великая, стремясь защитить население от страшной болезни, привила оспу себе и своим близким, сделав так, чтобы об этом событии стало широко известно: по распоряжению царицы среди ее подданных распространялись особые иллюстрированные афишки. И пример царицы оказался заразительным — в прямом и переносном смысле слова.

История семьи, ценность семейных отношений и сама идея семьи по-разному проявляла себя на протяжении двухсот лет русской истории. Новое появлялось и проявлялось через людей «новой» европейской культуры. Для начала XVIII века наиболее ярким воплощением стремления к новому был царь-реформатор Петр Великий.

Занятый проведением глобальных реформ, «подняв Россию на дыбы», император Петр и в своей частной жизни не шел проторенными путями. В первый раз юного царя жени-

ли по всем положенным канонам: из множества претенденток была выбрана подходящая по всяческим соображениям невеста, церковный обычай соблюден в точности. Но семья в старом духе не устраивала царя, который сам преобразовывал страну на европейский лад. Петру во всех его трудах была нужна подруга-единомышленница. Второй раз он женился вопреки обычаю, нарушив все существующие правила, — его избранница не отвечала ни одному из необходимых параметров: не девица, не дворянка и даже не православная! Воспитание и образование ей заменили здравый смысл, готовность к новому, сильный характер, умение нравиться, веселый неунывающий нрав. Это предпочтение царя знаменовало нечто новое, прежде невиданное на постсредневековом пространстве. Жить по старинке, воспроизводя путь, который прошли уже твои предки, было невозможно. Жизнь менялась, все более усложняясь, предлагая все новые варианты поведения. Появлялся выбор. И выбор этот многим людям, особенно тем, кто решал судьбы других, предстояло делать осознанно.

Эпоха правления Петра положила начало развитию семейного права как одной из составляющих общей правовой структуры государства. Один из указов провозглашал принцип добровольности вступления в брак: родственники жениха и невесты обязаны были приносить присягу в том, что не принуждали их к браку.

Долгое время российские монархи не могли подать достойного примера своим подданным в семейной жизни. Ни Елизавета Петровна, ни Екатерина Великая не создали своих собственных полных, гармоничных семей. Но стремление к семье в них было — оно выражалось в любви и внимании к внукам, племянникам и т. д. Здесь переплетались женское тяготение к семье и желание продлить династию, обеспечить спокойную преемственность власти.

Образцовой представлялась современникам семья Марии Федоровны и Павла I (так называемые «страстишки» императора не должны были вредить репутации примерного супруга — и не вредили ей). Павел и Мария Федоровна произвели на свет девятерых детей — четверых сыновей и пятерых дочерей. При их участии еще при жизни Екатерины II был разработан закон о престолонаследии, который утверждал правовой порядок в этом важнейшем деле; таким образом, новое

династическое право на российском престоле было установлено, начиная именно с Павла I. Царствующий дом Российской империи обрел законодательные рамки; теперь каждый его член занимал положенное ему место и обладал определенными правами и обязанностями, нарушение которых влекло за собой и перемены в статусе.

Павел Петрович и Мария Федоровна отстаивали семейные ценности — и собственным примером, и своей деятельностью (Мария Федоровна создала целую сеть воспитательных и благотворительных учреждений), и воспитанием собственных детей. Узнав о намерении сына Константина развестись с женой, императрица-мать предупреждала его, что это приведет к «пагубным последствиям для общественных нравов» и вызовет «огорчительный и для всей нации опасный соблазн»¹. И она была совершенно права. (Почему-то исследователь, размышляющий о судьбах императорской семьи, назвал «видение Марией Федоровной семейных отношений и супружеской любви» «романтическим». Совершенно невозможно согласиться с подобной характеристикой личности — Мария Федоровна была образцом практичности и реалистического взгляда на жизнь, что видно, кстати, из всей ее плодотворной деятельности и высказываний. Так, однажды в своем предписании начальнице Института благородных девиц императрица прямо указывала, что воспитанницы должны быть ориентированы на «bien reel», а не на «bien ideal» — на реальность, а не на идеал.)

В отличие от других детей первенец Павла Петровича и Марии Федоровны Александр Павлович не воспитывался в лоне своей собственной семьи — с момента рождения был на попечении не родителей, а своей державной бабушки.

Императрица Екатерина отнеслась к супруге великого князя во многом так же, как в свое время императрица Елизавета Петровна к ней самой: от приехавшей из Германии принцессы ожидали, чтобы она произвела на свет наследника, будущего правителя великой империи. В этом состояло ее основное предназначение. В своих мемуарах Екатерина вспоминала, как, родив Павла Петровича, она сразу ощутила себя более не нужной, брошенной без самого простейшего ухода: ребенка сразу отняли у нее, поместив под заботливый надзор мамок и нянек, руководимых самой Елизаветой, а про мать забыли

тут же, как только она выполнила свою главную, как предполагалось, жизненную функцию².

Спустя годы сама Екатерина поступила точно так же, как некогда Елизавета: она распорядилась взять у молодой жены великого князя Павла только что родившегося младенца и поместила его под собственный надзор. Это был будущий император России Александр I. Как передавали тогда в русском обществе, «императрица с первых дней отняла внука у отца и матери» и воспитывала его по своему желанию. «Вы свое дело сделали, — говаривала она им, — вы мне родили внука, а воспитывать его предоставьте уж мне: это касается не вас, а меня». Так они не смели и пикнуть. Бабушка нянчилась с ним, и как только он стал мыслить и начал ходить, был почти неотлучно при ней и рос на ее глазах. Она очень им утешалась, видя, что мальчик смышлен и красоты неописанной³. Екатерина сама подбирала ему надежных нянек, бонн и преподавателей, начертала план его воспитания и обучения. Она гордилась своим внуком и любовалась им, видела в нем подлинного преемника своих свершений. При этом наследник фактически был лишен родительской семьи и почти не виделся с матерью и отцом.

Это сыграло поистине дурную шутку с Александром Павловичем. Властитель громадной державы, красавец, которого обожали окружающие, победитель Наполеона, диктовавший свою волю Европе, он не смог насладиться обычными семейными радостями, хотя был женат на преданной ему красавице Елизавете Алексеевне. Душевная близость между супругами возникла трагически поздно, уже накануне смерти Александра. Мы читаем грустную историю отношений императора и его жены в записках фрейлины Варвары Головиной, наблюдавшей эту скоротечную семейную идиллию.

Великий князь Николай Павлович, бывший восемнадцатью годами младше своего брата-императора, никогда не рассматривался в качестве наследника. Его воспитывали как одного из младших сыновей царя, и не более того. Выросший в лоне крепкой патриархальной семьи, в свое время Николай стал примерным мужем и отцом — таким, как это тогда понимали.

Великие реформы 1861 года знаменовали грандиозные перемены. Пошатнулись вековые устои, менялась экономиче-

ская, социальная и психологическая картина повседневности. Кризис, проявившийся в обществе, серьезно отразился на семейных отношениях, что многие испытали на себе: нарастало противостояние «отцов и детей», бунтовала молодежь, убегали из дома в поисках новой жизни девушки, увеличилось число разездов и даже разводов. Воплощением кризиса семьи в ту эпоху стали отношения царя Александра II и его жены Марии Александровны. Решившийся на проведение всеобъемлющих реформ царь оказался столь же радикален и в своей частной жизни. Роман с Екатериной Долгорукой обернулся тем, что фактически царь стал главой сразу двух семейств, в каждом из которых были дети. Не было ничего нового в том, что у императора возник роман с юной фрейлиной, новинкой стало демонстративное признание прав «незаконного», второго семейства.

Презрев мнение окружающих и не щадя ничьих чувств, а главное, того обстоятельства, что сам император — фигура публичная, которая всегда находится под прицелом взглядов окружающих, а все его поступки и слова пользуются чрезвычайным вниманием, Александр II для своего удобства разместил свое второе семейство в буквальном смысле над первым — этажом выше, так что императрица слышала топот маленьких детей у себя над головой. Количество разводов в обществе ошутимо выросло в те годы, распад семьи перестал быть делом редким, как прежде.

Спустя годы наследник царя-реформатора Александр III проводил политику контрреформ, стремясь хоть немного задержать ускоренные реформами середины XIX века перемены и сохранить устои традиционного строя. Его семья — жена Мария Федоровна и девятеро детей — представляли образ патриархальной семьи. (Символично даже совпадение имен жен Александра III и Павла I). Своеобразным знаком времени выглядит эпизод в Борках, когда во время крушения поезда император, славившийся недюжинной силой, удерживал крышу вагона, спасая свою семью. Под стать была ему и императрица, в обстановке распада традиционных норм яростно отстаивавшая их в своей семье. Дети ее были вынуждены считаться с мнением сильной и властной матери. Так, младшая дочь Ольга Александровна долгие годы, не желая идти против ее воли, сохраняла свой брак с принцем Ольденбургским.

Прежний строй жизни тем не менее уходил в прошлое. Цепляясь за клочки расплывающейся государственной ткани, последний император Николай II находил опору только в своем семействе, укрываясь среди близких от всего, что напоминало о переменах.

Единодержавной власти, пронизывающим все снизу доверху отношениям подчинения в традиционном государстве соответствовала господствовавшая веками во всех сословиях патриархальная семья. Все на разных уровнях воспроизводит одну матрицу: каково общество, такова и семья.

Семья была маленьким сколком общества, и не случайно мемуарист, рассказывая об отношениях в своей семье, так описывает отца: «...Характера был чрезвычайно вспыльчивого, над зависящими от него он был неумолимо строг, даже жесток, перед людьми, на вершок выше его стоящими в иерархии — унижался до последней степени, клал земные поклоны, — таково было время его юности»⁴ (речь идет 1770–1780-х годах). Сильная самодержавная власть воспринималась подданными в образах понятных и комфортных — царь-батюшка (Петра I вполне традиционно именуют «Отцом народа»), матушка-царица и подданные, неразумные дети, обязанные всецело подчиняться старшим. «Матушка Екатерина» — эта привычная формула точно отражала ощущения подданных и не была всего лишь фигурой речи. В традиционном обществе все государство мыслилось как единая громадная семья, главой которой был монарх. Это представление хорошо известно нам из художественной литературы: «Государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети» (А. С. Пушкин. «Дубровский»).

«Государь», «домовладыка» — так называется хозяин дома, отец семейства. От главы семьи исходило все: наказания и блага; он кормит, воспитывает, учит, определяет судьбу, выдает замуж и женит, карает и милует. На протяжении долгого времени, вплоть до середины XIX века, все пространство русской повседневности было пронизано патриархальностью.

Замечательна черта российского законодательства, которую современный исследователь называет «архаичной»⁵, — то, что вплоть до 1917 года все нарушения и проступки в области семейных отношений — адюльтер, неуважение к родите-

лям, злоупотребление родительской властью — рассматривались как уголовные преступления, то есть как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела. Но в целостной системе общественных отношений и мировоззрения большинства населения Российской империи это было вполне логично. «Внутрисемейные» преступления, будучи аморальными, подрывали, как считалось, сами основы государства. А. А. Кизеветтер, анализируя русскую семью в ее прошлом, говорит о том, что, согласно «Домострою», семья — «не частный союз, скрепленный только узами крови: это одно из государственных учреждений»⁶. Муж и отец, глава семьи, является ответственным перед государством и церковью за свою семью. Юристы уже в период кризиса патриархальности продолжали подчеркивать, что «строй семьи влияет на весь государственный организм; та или другая ее постановка прямо обуславливает массу государственных и социальных явлений... *История указывает, что горе тому государству, которое расшатало семью и развратило ее*»⁷.

Зарисовки нравов, яркие характеристики современников, рассказы о жизни русских патриархальных семей конца XVIII — начала XIX века мы находим в знаменитых «Рассказах бабушки», пересказанных ее внуком Д. Благово.

Елизавета Петровна Корсакова, в замужестве Янькова, была дочерью состоятельных московских дворян, состоявших в родстве со многими знатными фамилиями России. Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, умерла ее мать. О браке своих дочерей должен был хлопотать отец, но, как представляется, он не торопился сбывать их с рук (две дочери так и остались в старых девах). Елизавета приглянулась молодому человеку, бывшему Корсаковым сродни, — Дмитрию Александровичу Янькову. Но отец все отказывал под вполне стандартным предлогом молодости невесты — раз, и второй, и третий. Неизменно выдвигавшийся один и тот же предлог для отказа постепенно устарел, потому что девице в конце концов исполнилось 25 лет — возраст, безусловно, по тем временам более чем зрелый.

Шли годы, Дмитрий Александрович сохранял постоянство. Наконец отец не устоял. Он вызвал свою дочь и объявил ей, что согласен на ее брак с Яньковым, и если жених ей по сердцу, то так тому и быть. Как вспоминала в старости Елизавета

Петровна, Яньков давно ей «приходился по мысли». Благословляя молодых, отец обратился сначала к жениху: «...Отдаю тебе руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги и в обиду не давай; ее счастье от тебя теперь зависит», а дочери сказал: «Чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что он глава в доме, а не ты, и во всем его слушайся»⁸.

Отец очень точно обрисовал девушке и характер ее будущего мужа, и трудности ее будущей семейной жизни: Дмитрий Александрович, по его словам, был «человек добрый, смиренный, неглупый, наружности приятной, да это и последнее дело смотреть на красоту; ежели от мужчины не шарахается лошадь, то, значит, и хорош...». Но, как и предвидел отец, много неприятностей доставила старшая сестра мужа, которая привыкла командовать братьями, бывшими много младше ее. Отец заранее предупредил дочь: особа эта «пресамонравная, прехитрая, братьями так и вертит... это настоящая золовка-колотовка, хоть кого закроет»⁹. Таким образом, Елизавета Петровна была подготовлена к тому, что ее ждет. Обладая незаурядным характером, она настояла на разделе имущества между братьями и сестрой. Новобрачные с удовольствием обживались в новом доме в своих любимых Горках, обустроивали сад, ездили с визитами к соседям.

Супруги были, несомненно, под стать друг другу. Муж, заботливый, «усердный к Богу», любил советоваться со своей женой, и они решали все вместе, жили душа в душу. Патриархальная семья росла: рождались дети, после смерти отца к Яньковым переехала незамужняя сестра Елизаветы Петровны Анна, появлялись бонны, учителя, долгое время жили родственники и свойственники, брались под крыло чужие дети, часто гостили братья... И тогда Дмитрий Александрович затеял постройку нового, большого дома на Пречистенке, который к ноябрю 1811 года был готов. Но семье довелось пожить в нем совсем недолго: в следующем году «в начале июня Бонапарт переступил нашу границу». Дмитрий Александрович как дворянин Московской губернии занимался организацией ополчения, заготовкой и отправкой провианта из Дмитровского уезда в действующую армию. Французы приближались к Москве, и надо было вывозить семью. Как вспоминала Янькова, «поздно вечером накануне отъезда сидели мы и толковали с мужем обо всем, как будто мы навек прощались; да и вся-

ко думалось: могло быть, что и не свиделись бы. Не дай Бог никому перечувствовать и испытывать, что мы все тогда испытали и пережили...»¹⁰. Решено было Елизавете Петровне с детьми отправиться в тамбовское имение, а Дмитрий Александрович, разумеется, оставался на своей службе в Дмитрове.

Но вот освобождена Москва, горожане стали возвращаться на «родные пепелища». Начинались мирные хлопоты: свежестроенный дом сгорел в московском пожаре, надо было строиться заново; подрастали дети, следовало позаботиться об их будущем. В 1814 году, рассказывает Янькова, «мы решили с Дмитрием Александровичем, что пора вывозить дочерей», и тогда для них были заказаны «белые платья с белыми цветами на корсаже и голове». Но отец не изведал радости выдать дочерей замуж: он занемог, и врачи единодушно советовали жене готовиться к худшему. Умиравший созвал семью, «говорил довольно долго, со всеми вместе и наедине с каждой, и давал нам всем наставления...»¹¹. С дочерьми он говорил об их будущем, о замужестве. И вот наступил конец: «Как мы ни были подготовлены к этой потере, но кончина Дмитрия Александровича всех нас ужасно поразила, точно мы и не ожидали, что нас постигнет это горе. Я совершенно растерялась, и спроси меня, как и что было, ничего не могу вспомнить и не умею рассказать». Вдова вспоминала лишь один эпизод, когда Грушенька, отцовская любимица, упала в обморок на панихиде, и «ее вынесли замертво».

Несколько слов в сторону:
«молчащее большинство»?

«Отец говорил своей дочери», обращал ее внимание, характеризовал, предупреждал... У постели умирающего собиралась семья, и он прощался с каждым, говорил о самом важном... Сколько раз мы читаем в мемуарах, дневниках, письмах подобные замечания! Обратим внимание читателя на это обстоятельство.

Для людей прошлого множество важных тем находились под строжайшим табу, на что постоянно и справедливо сетуют историки. Нельзя было говорить о «телесном низе», умалчивалось о человеческой, особенно женской, физиологии, вопросах личной гигиены. Существовало множество запретных

тем. Хотя, разумеется, речь идет о том, что запрет на эти темы существовал в письменной культуре, а отнюдь не в устной. Между собой люди говорили обо всем, что их волновало. Да и в письменных текстах кое-кто позволял себе смелость — к примеру, такой мемуаристкой была Екатерина II, описывавшая свои болезни, роды и выкидыши, словом, темы отнюдь не возвышенные.

Но, с другой стороны, в патриархальной культуре было принято проговаривать все самое najważнейшее, о чем многие современные люди просто не задумываются или считают неловким говорить. Царил здравый смысл. Было принято, чтобы родители говорили о будущем со своими детьми, вполне нелицеприятно обрисовывали им положение вещей, открывали материальную, практическую сторону жизни, давали советы, излагали свои требования. Общепринятый порядок предполагал, чтобы умирающий, как правило, знал, что умирает, и, при нормальном ходе вещей, готовился к этому — причащался, беседовал со священником, а затем прощался со своими близкими, говорил им слова напутствия. Современный человек, сталкиваясь с такими обстоятельствами, пугается их, обходит молчанием. Люди прошлого не так относились к смерти, как люди современные, воспитанные вне религии; не боялись они и жизни, умели смотреть в глаза реальности.

Во многих воспоминаниях встретишь эпизоды, рассказывающие о том, как умирающий отец семейства прощается со своими близкими. Вот рассказ Анны Григорьевны Достоевской: ее муж «спокойно и добродушно встретил батюшку, долго исповедовался и причастился. Когда священник ушел и я с детьми вошла в кабинет, чтобы поздравить Федора Михайловича с принятием Святых тайн, то он благословил меня и детей, просил их жить в мире, любить друг друга, любить и беречь меня. Отослав детей, Федор Михайлович благодарил меня за счастье, которое я ему дала, и просил меня простить, если он в чем-нибудь огорчил меня»¹².

Современный человек воспитан на уверенности в уникальности своей личности, своего индивидуального жизненного опыта. Это так, и уникальность каждого человека не вызывает сомнений. Однако из духовного пространства большинства современных людей во многом исключен опыт прошедших поколений. Напротив, человек традиционного склада был ориентирован на опыт предков и воспринимал свою личность и свой жизненный опыт прежде всего на общем родовом или

сословном фоне. Опираясь на знания и жизненными навыками, привитыми ему с детства, он не должен был в такой степени, как человек постиндустриального общества, каждый раз сталкиваться с выбором. Человеку традиционного общества не надо было задумываться над многими вопросами человеческих взаимоотношений — существовали разработанные, освященные традицией и/или религией формы, в которые они отливались.

Современный человек нередко мучается не только над действительно важными решениями, которые ему следует принять, но и ломает голову над вполне обыденными ситуациями, не зная, как ему вести себя в них, что делает его жизнь более напряженной и подверженной стрессам. Виной этому не только многократно усложнившийся мир, но еще и прервавшаяся особенно резко в нашей стране связь с прошлым, с его традиционными ритуалами, этикетом... Простейшая ситуация: как обратиться на улице к незнакомому человеку? Большинство, как мы слышим каждый день, окликает прохожих: «мужчина», «женщина». Готовых, удобных и естественных форм современная жизнь не предлагает. Как обращаться к старшему или младшему, как себя вести и что говорить в торжественных случаях — радостных или печальных? На свадьбу приглашают разудалого инокультурного тамаду, который не знает ни жениха, ни невесты, а поздравляя именинника с днем рождения, нередко поют чужое: «Happy birthday to you!»

«...Никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых»¹³, — такие мысли мы встречаем у людей прошлого и настоящего.

...Между тем Елизавете Петровне Яньковой и ее семейству надо было начинать жизнь заново. Во многих женских воспоминаниях мы читаем строки, подобные следующим: «Очень мне трудно было первое время заставить себя приняться за дело по управлению имениями. В важных делах Дмитрий Александрович всегда со мною советовался, и мы с ним сообща решали, но я никогда не входила во все подробности хозяйства, и хотя я была замужем невступно 23 года, никогда я не следила, как и когда что делается, а теперь мне приходилось самой все решать»¹⁴.

Елизавета Петровна Янькова при помощи близких, а главное, благодаря своему сильному характеру справилась со все-

ми трудностями, решила все жизненные задачи: управляла хозяйством, выдавала замуж дочерей, стала замечательной бабушкой, которая сумела передать внукам все богатство своей жизни — ценности материальные и духовные.

Бабушка — совершенно особый член семьи: если в современной семье есть бабушка, мы понимаем: семья патриархальная (хотя, конечно, нет правила без исключений). Это значит — в семье сохраняются традиции. Здесь каждый день на столе в определенное время — горячее, здесь пекут пироги, царят устойчивость и постоянство, звучат многократно повторяемые рассказы о прошлой жизни.

В иерархии патриархальной семьи бабушки обладали значительным влиянием¹⁵. Лидия Васильчикова вспоминала, как певица Надежда Плевицкая рассказывала ей, что «родители ее примирились с ее публичным пением, только когда узнали, что в семье, где она живет, была бабушка — в глазах крестьян мерило почтенности и приличия»¹⁶. В условиях изменяющегося общества бабушки — важнейший элемент, обеспечивающий преемственность, связь времен. Важна их роль в передаче социального опыта, сохранении устоев и поддержании приличий.

Рассказы бабушки, записанные ее внуком Дмитрием Благово, рисуют картину жизни патриархального семейства Яньковых чуть ли ни благостную — это картина семейной гармонии, достатка, взаимной любви и уважения. Семейство Яньковых принадлежало старомосковскому большому свету, сильному своими традициями, родственными связями, знакомствами. Всякий поступок здесь был на виду, и жили здесь с оглядкой на соседей, соблюдали обычай, уважали этикет. В семьях, подобных этой, культурная работа по созданию русского образца европейской культуры, начавшаяся столетие назад, достигла своего результата. И материальные средства, и духовные достижения, и, наконец, возможности информационного обмена — все это было в распоряжении столичного дворянства. Театры и библиотеки, Московский университет и другие учебные заведения, клубы и магазины, в целом богатая пестрая городская среда и, что главное, само столичное общество — все это было генератором богатейшей палитры впечатлений, создавало особый культурный тон, которому следовало соответствовать, поднимало планку, ниже которой невозможно было опуститься, не исключив себя из этого общества.

Мохов М. Бабушка и внучка. 1839

Не так было в глубокой провинции. Вдали от столиц насчитывалось множество семей дворян небогатых, бедных и однодворцев, и условия их существования сильно отличались от столичных. Гораздо медленнее сюда доходили новшества, тяжелее прививалась новая европейская культура, велика была сила инерции, скудны материальные средства. Всего недоставало: ни денег, ни образованных людей, ни книг. В избытке находилась лишь земля: «велика Федора, да дура», — так некогда сказал о своей любимой родине Петр Андреевич Вяземский.

В провинции богатый и знатный человек, подобный, к примеру, пушкинскому Троекурову, и спустя десятилетия диктовал свою волю соседям, которые порой вынуждены были забывать на время о своем пятисотлетнем дворянстве и фамильной чести. Скудость культурных сил создавала здесь питательную почву для произвола, деспотизма, самодурства.

Небогатую провинциальную среду, в которой он родился и вырос, описывает С. Т. Аксаков: это последние десятилетия XVIII века, Симбирская губерния. То есть то же время, когда Дмитрий Александрович Яньков создавал свою семью. Глава патриархального семейства, находящегося в центре повествования Аксакова, — Степан Михайлович Багров. Десятилетия назад он вышел в отставку полковым квартирмейстером, чтобы заняться хозяйством. «Разумеется, при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо», овладел лишь первыми правилами арифметики, но при этом «природный ум его был здоров и светел», — писал спустя десятилетия Багров-внук¹⁷.

Несколько слов в сторону:
о невежестве человека патриархального общества

...Тут нам трудно удержаться от замечания. Очень часто в воспоминаниях мемуаристы употребляют подобные фразы: некто «не получил никакого образования», был «невежественным» или: некая особа «была неплохо образованна для своего времени» и т. п. На самом деле уровень образованности человека традиционного общества вряд ли стоит измерять современными мерками. Плохо знал грамоту, не разбирался во французской литературе, не знал физики, химии, матема-

тики или, может быть, не имел навыков каждодневного чтения — но обязательно ли такой человек невежественен? Очень часто из его дальнейшей характеристики выясняется, что он был знатоком Священного писания, отличался восприимчивостью к слову, был остер на язык, речь его изобиловала яркими образами и пословицами, он твердо знал, что такое хорошо и что такое плохо, уважал обычаи повседневной жизни и соблюдал традиции, прекрасно разбирался в людях, определяя цену каждому, а его меткие характеристики и словечки повторяли соседи. А еще он хорошо чувствовал и знал жизнь природы. И, разумеется, мог с легкостью перечислить своих предков до, скажем, шестнадцатого колена.

Люди патриархальной культуры владели другим способом постижения мира, во многом утерянным нами вследствие нашего отчуждения от природы, религии, прошлого. И этот способ постижения мира был адекватен цивилизации, в которой они жили. Усложнение жизни потребовало другой подготовки, других знаний — но это будет уже во времена их внуков. И будут ли внуки, а тем более правнуки столь же адекватны той реальности, в которой они оказались, — вот вопрос...

«Знаток всякого хозяйственного дела», Багров «неусыпно и неослабно смотрел за крестьянскими и господскими работами». И только лишь «приведя в порядок свое хозяйство», Степан Михайлович женился на небогатой девице Арине Васильевне, происходившей из старинного рода Неклюдовых. Именно древнее дворянское происхождение ставил он выше богатства и чинов. Будучи отличным хозяином, Степан Михайлович «смотрел редко, но метко», а спуску не давал никому. При этом он был снисходителен к «просьбам и нуждам» соседей и крестьян, верен своему слову. И потому «не было человека, кто бы ему не верил; его слово, его обещание было крепче и святее всяких духовных и гражданских актов», и со всех сторон к нему ехали соседи ближние и дальние «за советом, судом и приговором», и он был «истинным благодетелем дальних и близких, старых и новых своих соседей». Высшей похвалой ему звучит характеристика, данная внуком: Степан Михайлович Багров «нравственно воспитывал своих соседей».

И вот этот «добрый, благодетельный и даже снисходительный человек», патриарх, кормилец и защитник, оставил у внука с раннего детства стойкое впечатление страха. Очень силь-

на была в деде темная сторона: он «омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам». В гневе он терял контроль над собой, причем доставалось любому, кто только под руку попадет, это было «ужасно и отвратительно». Так, однажды, когда дочь солгала ему и не хотела признать обман, с ним случился чудовищный приступ бешенства: Степан Михайлович «таскал за волосы старую и тучную свою жену», а все домашние, и дочери, и сын с молодой женой убежали и спрятались в роще, даже переночевали там же (кроме невестки с младенцем-сыном на руках, которая укрылась на ночь в людской). Гнев истощил силы старика, и в изнеможении он заснул, а наутро, по обыкновению, был в добром расположении духа, как будто вчера и не случилось ничего: «во вчерашнем диком звере сегодня уже проснулся человек», — пишет Аксаков.

Спустя тридцать лет тетки Багрова-внука дрожали от страха, вспоминая день, когда их отец узнал о нежеланном им браке его двоюродной сестры: тогда «бабушка лишилась косы», ходила с пластырем на голове, и лишь через год зажила ее страшная рана. А ведь старик прекрасно знал, что простодушная и недалекая Арина Васильевна не заслуживает суровой кары. Многие дни проводили его близкие в напряжении, «в безмолвном ожидании какой-нибудь вспышки». Подобная атмосфера в семье неизбежно искажала характеры, ломала слабых, приучала к притворству, хитрости, подлости. Выработывались малопривлекательные варианты подчиненного поведения зависимых от старшего членов семьи. Как и в любом человеческом сообществе, в патриархальной семье выстраивалась иерархия, и здесь она была особенно жесткой. С другой стороны, эта иерархия обеспечивала покровительство вышестоящего, а стремление иметь надежную защиту всегда было одним из важнейших мотивов человеческого поведения, и для многих подчинение являлось психологически удобным.

Борьба за выживание порождала жесткие формы человеческого общежития. Патриархальная семья формировалась и многие века существовала в экстремальных условиях и была нацелена на благоденствие прежде всего самых ценных, наиболее приспособленных ее членов; слабые отсеивались, приносились в жертву во имя главного — сохранения рода. Это

и создавало феномен, предполагавший доминирование сильного, который подчиняет слабых и обеспечиваем им при этом «опору и защиту». Глава семьи воспринимался как кормилец и защитник, как посредник между членами своей семьи и внешним миром. Слабые подчинялись, ощущая, что им не достанет сил выжить самим по себе, сильные брали на себя бремя ответственности и обеспечивали семье определенный уровень жизни.

Со временем условия жизни людей менялись, становились менее тяжелыми, но патриархальные отношения в большинстве семей сохраняли прежнюю жесткость; семья оставалась в большей или меньшей степени очагом насилия, а ее глава позволял себе дикие вспышки — и как подтверждение своего статуса, и как необходимую психологическую разрядку, и просто потому, что мог себе это позволить.

Степан Михайлович Багров был умный, сильный, сверхэнергичный пассионарий; для таких доминирующих личностей часто не находилось никаких сдерживающих начал. Существовая в культурном вакууме, «среди долины ровныя», как лес без подлеска, они становились сами для себя мерой всех вещей. Если не было внутренней нравственной опоры, такой сильный и по характеру, и по своим возможностям человек, ничем не сдерживаемый, порой терял человеческий облик. Аксаков рассказывает о другом главе семейства, зяте своего деда, который организовал из крепостных настоящую разбойничью шайку, грабил соседей, завел гарем, устраивал пьяные оргии. Жестокость этого изувера, не встречая отпора, все усиливалась, и в конце концов он был убит собственными крестьянами.

Формально российский закон уже с 1845 года запрещал мужу физически наказывать жену. Но по сути и обычай, и закон были на стороне главы семейства, какие бы варварские выходки по отношению к домашним он себе ни позволял. Говорили: «Люби жену как душу, тряси ее как грушу»: исключительно для «учения» жены мужа заводили плетку, которую называли «дурак». В XIX веке, с наступлением новых времен, эта плетка сохранялась как элемент ритуала бракосочетания. Хотя и сплетенная из шелка, она была весьма показательным символом.

Все, что сознательно не выносилось за пределы семейного круга, никого постороннего не касалось — такой позиции

власти придерживались вплоть до конца существования Российской империи; превыше всего ставилась «святость брачных уз».

Согласно законам Российской империи, муж провозглашался главой семейства; он должен был обеспечивать семью. Как гласила статья 106 (ПСЗ. Т. X. Ч. 1), муж был обязан «любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи», «доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей». Жена, в свою очередь, была «обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» (статья 107).

Как вспоминала Анна Ивановна Волкова, выросшая в Замоскворечье в традиционной купеческой семье, при жизни дедушки ее родители испытывали на себе всю тяжесть его деспотизма, зависели во всякой мелочи от старика, который контролировал все стороны их жизни. По отношению к детям в семье царил строгость в еще большей степени, от них ожидали беспрекословного послушания. Дед был деятельным человеком, настоящим хозяином и главой семьи, держал всех в полном подчинении и частенько реализовывал свою самодержавную власть — собственноручно сек детей, «завязав рубашку на голове». Но вот патриарх умер, и отец Анны Ивановны сам стал главой семьи. Диктат одного сменился тиранией другого, однако новый глава не только не отличался талантами прежнего, но и был человеком неуравновешенным и, в сущности, неуверенным в себе, отчего его выходки были еще более отвратительными. Подтверждая свое главенство, он был скор на расправы, любил жестокие шутки, от которых страдали больше всего его собственные дети. Как вспоминала Волкова, «послушание так сильно было внушено нам, детям, что мы нередко исполняли все бессознательно». Особенно тяжело приходилось их тихой, образованной матери, любительнице чтения. Не случайно она утасла очень рано, когда ей еще не было и тридцати лет¹⁸.

Дело не только в ощущении безнаказанности, но и в том, что главе семьи важно было регулярно поддерживать свой статус. Кроме того, такое его поведение отчасти провоцировалось

отсутствием сопротивления. Когда же слабые бунтовали и поступали вопреки воле сильного, это не нарушало общего хода жизни, патриархальный строй которой все равно неизбежно восстанавливался. Так ряска на болоте, потревоженная брошенным камнем, быстро затягивает мелькнувшее было зеркало воды.

Сын Багрова, Алексей, был мягким, податливым человеком, склонным к мечтательности. На фоне сильного отца особенно было заметно, как недостает ему самостоятельности и самолюбия; тем не менее он женился вопреки воле отца, авторитет которого, казалось, был для него превыше всего. Молодой человек выбрал в жены девушку необычной судьбы Софью Николаевну Зыбину. Она рано стала хозяйкой в доме своего отца, во второй раз оставшегося вдовцом с маленькими детьми на руках. Во всем она не подходила Алексею Степановичу, и здравомыслящий отец не одобрил выбор сына. «Она тебе не пара и нам не с руки... дворянка вчерашняя, а ты потомок самого древнего дворянского дома», она-де «горожанка, ученая, бойкая, привыкла после мачехи повелевать в доме и привыкла жить богато, даром что сама бедна... а наше житье ты сам знаешь», — вот что говорил Степан Михайлович Алексею. А жили Багровы, как он сам говаривал, «по-старинному, по-деревенски». Так, к примеру, сам Степан Михайлович никогда не целовал руки жены, как было принято в свете, а напротив, в моменты душевного расположения протягивал руку своей Арине Васильевне, «в знак милости».

Отец советовал «рубить дерево по себе»: невесту, говорил он, следует выбрать «смиренькую, тихонькую, деревенскую родовую дворяночку, да при этом с хорошим приданым, с состоянием»; «выйдешь в отставку, да и заживешь припеваючи». Начерченный отцом план будущего не соблазнил молодого человека. Алексей Степанович Багров настоял на своем и вопреки воле отца и желанию матери и сестер ввел в свою деревенскую семью женщину европейской формации, отличающуюся от своих новых родственниц всем — обликом, привычками, манерами, разговором, туалетами, самим строем мысли и души. Антрополог сказал бы, что взять в качестве жены женщину чуждой культуры было в традиционном обществе необходимым механизмом, способствующим его укреплению за счет внедрения новых знаний и навыков. Молодой Багров

породнился с такой женщиной, которая возвысила их семью, а плодом их брака стал выдающийся русский писатель...

Софья Николаевна, вступив в новую семью, сумела приспособиться к непривычным условиям жизни. Молодая женщина заранее, задолго до встречи, решила понравиться свекру, а познакомившись с ним, неожиданно для себя самой полюбила своенравного старика. Как писал С. Т. Аксаков, она «умела его вполне оценить: ... старец необразованный, грубый по наружности, жестокий в гневе, но разумный, добрый, правдивый, непреклонный», который «поступал прямо, говорил только правду». Европейски образованная девица Софья Николаевна могла, демонстрируя свое утонченное воспитание, усесться в гостиной с книгой, но поступила иначе: повела себя как женщина патриархального общества в лучшем смысле этого слова.

Ее свекор имел обыкновение вставать раньше других в доме и пить чай на заднем крыльце. И вот Софья Николаевна встала с рассветом, убрала волосы, надела нарядное платье и красивая, свежая, с сияющим лицом предстала перед свекром. Она попросила разрешения пить с ним чай, старик позволил — и «все кипело у нее в руках. Чай она приготовила именно так, как любил старик, крепкий, горячий, и ни капли не пролила». Их беседа была разговором двух очень разных и в то же время в чем-то очень схожих натур: «Степан Михайлович любил живых, бодрых и умных людей», он сам обладал такими чертами, именно их он и нашел в своей невестке. Этот эпизод встречи людей двух разных культур — один из самых сильных в аксаковской хронике. В лице Софьи Николаевны мы видим, как традиционный женский образ обретает новые черты под влиянием европейского образования.

Отметим еще одну важную сторону характера человека патриархальных времен. Рассказывая о своем деде, Аксаков говорит: «Он мало понимал романтическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, унижением, дрянностью в мужчине»¹⁹.

Семья как духовная и душевная общность сложилась довольно поздно. Лишь с конца XVIII — начала XIX века жизнь в семейном кругу начинает восприниматься как высшая ценность. В распространении этого нового идеала важная роль

принадлежала художественной литературе. Выдающиеся русские писатели Г. Р. Державин, Н. А. Львов и В. В. Капнист воспевали в своих произведениях романтическую любовь, общность интересов супругов.

В купеческой среде романтические представления об отношениях между мужчиной и женщиной распространились гораздо позже. Когда купеческий сын Сергей Алексеевич Шукин женился на Марье Казьминишне Тумановой, это был брак по любви. Молодая жена происходила из культурной московской семьи: ее отец служил управляющим в аристократических имениях; обиход ее родной семьи отличался от традиционного уклада купцов-старообрядцев, в котором вырос муж (события происходили в конце первой трети XIX века). «Страстная привязанность супругов не укладывалась еще в рамки быта», казалась «если не смешной, то странной, не вполне благопристойной». Молодой муж то и дело уезжал по торговым делам, скучал по жене и писал ей очень часто — настолько часто, что это «вызывало неудовольствие» у старших. Марья Казьминишна просила его даже в письме: «Посылай мне письма через какой-нибудь случай, друг мой, а не по почте»²⁰.

...Духовный мир женщины с конца XVII века менялся. Прокламируемые «Домостроем» ценности, великие библейские добродетели жены, матери, хозяйки — верность, скромность, доброта, чистота духовная и физическая — сохраняли свое значение. Однако у женщины появилась возможность проявлять больше самостоятельности. Теперь, чтобы быть хорошей женой, хозяйкой и матерью в патриархальном духе, ей пришлось сознательно или неосознанно чем-то жертвовать.

В этом смысле интерес для нас представляют два образа русской литературы — чеховская Душечка и Анна Каренина. Лев Толстой, как передавали, был очарован Душечкой, считал ее идеальной женщиной. Его Анна Каренина, продукт высокой дворянской культуры, во многом Душечке противоположна, и сопоставление их имен может показаться смехотворным. Но они сходны в одном — в том, о чем мы ведем речь: для обеих важнее всего выстроить близкие отношения с мужьями. Обе признавали главенство мужского мира, превосходящего значением их собственный, стремились воплощать

себя в любимых людях, но при этом рассчитывали, что мужа будут обеспечивать их, всячески о них заботиться²¹. С мужем Алексеем Александровичем Карениным у Анны были самые доверительные отношения. Она изучила его привычки, круг чтения, любимые темы разговоров, все, что было действительно важным для него; ее волновало нарушение им его привычек («когда он ложился пятью минутами позже, она замечала и спрашивала о причине»), духовное общение с мужем было для нее важнейшей ценностью: «всякие свои радости, веселье, горе она тотчас сообщала ему», «глубина ее души» всегда была открыта перед ним. Такой она была и с Вронским: «все предметы, которыми занимался Вронский, она изучала по книгам и специальным журналам, так что часто он обращался прямо к ней с агрономическими, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами», и Вронский «ценил это, сделавшееся единственной целью ее жизни, желание не только нравиться, но служить ему...».

К женщинам европейского образования предъявлялись иные требования, нежели прежде: идеальная жена должна была разделять интересы мужа. Для этого ей следовало быть образованной, то есть знать современную литературу и следить за новинками, уметь говорить на французском языке (а может быть, еще и на немецком и английском), музицировать, но также и рожать, кормить, учить и лечить детей. Если прежде мать обучала началам грамотности и религии, то теперь она должна была обеспечить детям образование.

Эти перемены в образе женщины-жены и женщины-матери не привели, разумеется, к кризису патриархальной семьи, но вызвали ее трансформацию. Два процесса шли параллельно — изменение женщины и изменение самой семьи. Перемен в мужском мире было несравненно меньше. В обществе хорошо чувствовали изменение требований к женщине; в печати, гостиных, на театральных подмостках — повсюду говорили о новых правах женщин, о женском образовании. Романы Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского полны упоминаний о «женском вопросе».

Вот точка зрения на «женский вопрос» писательницы Агаты Кристи, которая также жила на переломе эпох: «В повседневной жизни женщины творили все, что хотели, при этом делая вид, что полностью признают мужское превосходство,

чтобы мужа ни в коем случае не потеряли лица. “Ваш отец знает лучше, дети мои”, — оставалось священной формулой. К настоящему рассмотрению проблемы, однако, приступали в конфиденциальной обстановке: “Я уверена, Джон, что ты совершенно прав, но мне интересно, подумал ли ты...” Однако в одном отношении авторитет мужа был незыблем. Муж — это глава семьи. Выходя замуж, женщина принимала как свою судьбу его место в мире и его образ жизни. Мне кажется, что такой уклад отличался здравым смыслом, и в нем коренилась основа будущего счастья. Если вы не можете принять образ жизни вашего мужа, не беритесь за эту работу, иными словами, не выходите за него замуж»²². Это было общим местом поведения людей традиционного уклада, частью не просто этикета — стиля жизни.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга», — этой знаменитой фразой начинается Лев Толстой роман «Анна Каренина». Во всех счастливых семьях их члены признают взаимные права друг друга — и друг на друга, свою взаимозависимость. Муж обязан жене так же, как и жена — мужу. Вспомним, как Пьер Безухов, прежде вольный во всех своих поступках и времяпрепровождении, женившись на Наташе Ростовой, с удивлением ощутил себя связанным по рукам и ногам — теперь он принадлежал жене (то же чувство испытал и Левин после женитьбы на Китти).

Патриархальная семья появилась в глубокой древности, а существует до сих пор. Это структура очень устойчивая, а следовательно, гибкая и изменчивая. Формы, в которые она отливаается, находятся в зависимости от ряда факторов — экономических, исторических, религиозных, психологических, географических, национальных.

Удивительным образом устойчивость патриархальной семьи подтверждают биографии выдающихся русских писателей на протяжении второй половины XIX века, да и в наше время мы находим примеры такого рода. Вокруг сильной личности, будь то Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. М. Горький, А. Н. Толстой и вплоть до С. М. Михалкова (ряд имен можно продолжать долго), собирается множество родственников и приживальщиков. Где есть сильный человек, склонный к семейственности и доминированию, там под его крылом неиз-

бежно оказываются дети, свои и чужие, и нахлебники, и просто слабые близкие, которые по тем или иным причинам не могут сами обеспечить себе достойную жизнь.

Чтобы встать во главе большой патриархальной семьи и соответствовать этой роли, нужна личность особого типа — лидер, способный брать на себя бремя ответственности за других, обладающий организаторскими навыками, умеющий вести хозяйство (и это не всегда мужчина). Патриархальная семья держится властью главы, будь то мужчина или женщина. И бывает, что с кончиной своего главы семья распадается.

Много отдавая, такие люди и много требуют — часто абсолютного подчинения. В патриархальной семье всякий подчинялся порядку, уверенный, что это — правильно, что так и должно быть. Порядок, установленный в семье, воспринимался как единственно разумный, непреложный. Смысл его был в сохранении целого, порой в ущерб отдельным членам семьи. Долгое время именно патриархальная семья со всеми своими достоинствами и недостатками была главным средством для выживания человека и его становления — как социального, так и физического.

Модель патриархальной семьи наполнялась разным содержанием — от дружбы и взаимопонимания, как у Яньковых, до злобы и ненависти, как у Волковых (хотя и здесь, как вообще в отношениях между людьми, все было неоднозначно). Все зависело от уровня образованности членов семьи, наличия взрослых детей, от культурного окружения, наконец, от степени материальной обеспеченности. Психологический климат часто менялся с годами, во многом завися от того, каким будет следующее поколение, — бывало, родители менялись благодаря влиянию взрослых детей, которые могут изменить к лучшему атмосферу в доме, привнося более гуманные понятия и привычки.

По правилам традиционного общества вдовы, старые девы и дети находили приют и покровительство в родственной семье, под защитой сильного лидера. При этом они, как и прочие домочадцы, должны были всецело подчиняться воле отца семейства. Когда читаешь воспоминания XVIII — первой половины XIX века, возникает впечатление, что буквально все были между собой в родстве или свойстве. И «бедный

родственник» мог обратиться к своему более благополучному собрату: «...родство было священным словом. Частехонько случалось, что приедет, бывало, из отдаленной губернии, с чадами и домочадцами, почтенная мать семейства, которая называла Марию Андреевну тетушкой, потому что доводилась по мужу троюродной племянницей моему дедушке, и поселялась на несколько месяцев в доме, с тем чтобы лечить больную дочь или пристроить сына в корпус, и дом был постоянно оживлен приезжими лицами»²³.

Не знакомые прежде дворяне, впервые встретившись, считали своим долгом выяснить родственные связи — «счестся родством, свойством»: «Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнав мою фамилию, Каролина Ивановна сочлась со мной свойством; и я узнал в ней вдову фон В., дальнего нам родственника, храброго генерала, убитого в 1772 году»²⁴.

Для традиционного общества, где главными были кровные связи, выяснение степени родственной близости имело вполне практический смысл. Не случайно существовала хорошо разработанная система терминов родства. Не считались чужими люди, которых сейчас мы не сочли бы даже «седьмой водой на киселе». Поэтому особое значение имела репутация человека — она бросала отсвет на его окружение, и потому так осмотрителен должен был быть каждый — ведь он всегда находился на виду, и его добрая слава была важна для всех близких.

Вот рассуждение, типичное для патриархального общества: отец бабушки Василий Никитич Татищев (прадедушка) имел сестру (то есть тетку бабушки), которая была сначала замужем за Теряевым, а потом за Станкевичем — «вот почему нам те и другие родня»²⁵. Знает ли кто из нас о тетке своей бабушки? А родственников мужа бабушкиной тетки? Мир людей традиционного общества был необыкновенно взаимосвязан, буквально «пророшен» друг в друга. Читая мемуары выросшей в купеческой среде В. П. Зилоти, дочери П. Н. Третьякова, выясняем: в родне у Третьяковых в конце XIX века была чуть не вся купеческая Москва²⁶.

Классическая патриархальная семья доиндустриального периода в Вавилоне или Древнем Риме, средневековой Франции или Англии — не важно, где и когда, — включала в свой состав не только «ближнюю и дальнюю родню», но и людей,

не состоявших в кровном родстве с ее главой. Материально устойчивая семья с сильной личностью во главе принимала под свою кровлю не только родственников, но и свойственников, воспитанников, старых гувернеров, приживалок разного рода, бедных соседей. «Как во всяком помещицьем доме тогда, у Балавенских жили разные приживальщики»²⁷.

Богатая помещица, вырастившая своих детей, принимала на воспитание чужих, помещик, подобно старому князю Болконскому, любил садиться за стол с архитектором, чтобы иметь просвещенного собеседника, барин-самодур вроде пушкинского Троекурова требовал, чтобы его развлекали выполнявшие роль шутов обедневшие дворяне, помещица из скуки, жалости или того и другого вместе (как бабушка Дмитрия Благово Елизавета Петровна Янькова) призревала старушку-бонну, иностранку, которой просто некуда было идти, и очень часто, пригласив гувернантку или учителя для того, чтобы дать образование своим чадам, богатые дворяне приглашали в свой дом пожить детей соседей, которые тоже могли принимать участие в уроках. И так далее, и так далее — перечень возможных житейских ситуаций бесконечен...

Сиротам, бедным родственникам, приживалкам часто очень несладко приходилось в домах богатых хозяев, но они были сыты, имели крышу над головой, многим удавалось получить образование, а девушкам — даже небольшое приданое, помогавшее выйти замуж. Во все времена острословы подтрунивали над этим в стихах и прозе: «воспитанниц и мосек полон дом» (А. С. Грибоедов. «Горе от ума»).

Пореформенная публицистика тоже относилась к этой стороне жизни большой семьи с насмешкой, выводя на передний план одни только неприглядные стороны такого сожительства, безусловно существовавшие. С этим недоброжелательным и однобоко поверхностным взглядом полемизирует автор статьи «Приживальщики и приживалки», укрывшийся под псевдонимом «Старушка из степи»²⁸. Автор рассказывает, что в 1820—1830-е годы, во времена его детства и юности, об общественной благотворительной деятельности «не было и помину», но «вдовы, сироты, старые девы и проч. находили всегда себе уголок в обширных покоях деревенских и городских домов»: «живали у нас и барышни, сироты-соседки, которым матушка сама давала уроки»; «почти постоянно жил у нас

сосед». «Простой обильной пищи было предостаточно своей», что позволяло беспрепятственно сажать за стол ежедневно по множеству «чужих ртов».

Подобная точка зрения, которую в пореформенную эпоху приходилось защищать, прежде разделялась общественным мнением, была общим местом, не требовавшим никаких обоснований. Князь П. А. Вяземский писал: «В старых домах наших многочисленность прислуги и дворовых людей была не одним последствием тщеславного барства: тут было также и семейное начало. Наши отцы держали в доме своем, кормили и одевали старых слуг, которые служили отцам их, и вместе с тем призывали и воспитывали детей этой прислуги. Вот корень и начало этой толпы более домочадцев, чем челядинцев. Тут худого ничего не было: а при старых порядках было много и хорошего, и человеколюбивого»²⁹.

В литературе вплоть до начала XX века мы встречаем описание больших семей, которые включают не только ближайших кровных родственников, но и, казалось бы, людей вполне посторонних. Откроем книгу Лидии Чарской, самой популярной детской писательницы того времени. В повести «Тайна старого леса» разорившийся дворянин, принятый на работу лесничего в богатое поместье, поселился в сторожке «со всею семьею. Их было пятеро: лесничий, его жена, сын, пятилетний мальчик... и молодая вдова, Антонина Марко, подруга Норовой, с трехлетней девочкой Ксенией». Антонина с детства не разлучалась со своей более благополучной подругой, а когда ее муж разорился, последовала за ними в лесную глухомань; причем глава семьи Норов — вовсе не великодушный добряк, а скорее, напротив, замкнутый мизантроп. Состав богатой городской семьи Раевых в другой повести Чарской, «Счастливчик», — бабушка, внук и внучка (родители детей умерли), няня, француз-гувернер и русская пожилая гувернантка, с ними же с малолетства живет бедная сирота, взятая на воспитание, а затем, в конце истории, в лоно патриархальной семьи легко входят бедная вдова, учительница музыки, и ее болезненный сын, гимназический товарищ внука. И таких примеров можно привести множество.

Повествование писательницы, как всегда, мелодраматично, заострено, многим героям Чарской суждены невероятные приключения, но в своих деталях рассказ вполне отражает

жизненные реалии. Родившееся в начале XX века поколение людей еще сохраняло традиции патриархального общества, и на протяжении по крайней мере его жизни мы наблюдаем уже в советское время семьи, где жили племянники, двоюродные бабушки и одинокие тетушки, доживали свой век старушки-няни или домработницы, оказывалась материальная помощь и поддержка нуждающейся дальней родне.

Патриархальная семья выполняла очень важную социальную функцию, давая работу, стол и кров многим людям. Но пришло время, и рухнул патриархальный уклад. Множество людей переселилось в города в поисках заработка. И тогда на смену множеству патриархальных гнезд пришли ночлежки, увеличение числа бродяг, выросла преступность и проституция.

С обеднения патриархальных семейств начинается изменение структуры общества. Большую роль приобретает личная инициатива и предприимчивость — надо приобрести специальность, найти жилье в чужом большом городе, подыскать работу. Функцию патриархальной семьи по призрению слабых вынуждено было брать на себя государство — его роль возрастала, ведь нужно было регулировать условия жизни сотен тысяч людей, не по своей воле менявших привычный образ жизни.

Где-то нам попалось очень яркое высказывание: в традиционном обществе женщина — это жена, будущая жена или жена бывшая. Все другие женские роли по сути «неправильные»: играя их, женщина чувствует сама и ей постоянно дают это понять окружающие, что она ущербна. При этом порой складывались ситуации, когда старая дева занимала очень высокое положение в иерархии дома. В патриархальной семье во имя общих интересов могло поощряться безбрачие дочерей. Этим могли преследоваться разные цели, в том числе и материальные (приданое девушки в таком случае оставалось в семье).

Материальная сторона вообще определяла многое: богатая, обладающая властью старая дева, как и богатая вдова, с одной стороны, и бедные вдовы и старые девы — с другой, вызывали диаметрально разное отношение окружающих. Вспоминается саркастическое замечание Сомерсета Моэма: «Старая дева

всегда бедна. Если она богата, то мы называем ее обеспеченной незамужней женщиной средних лет».

Елизавета Ивановна, дочь известного московского книгопродавца и издателя И. В. Попова, содержавшего университетскую типографию, была «старой девой». Дела семьи сложились так, что ей пришлось перебиваться уроками, большую часть жизни жить в домах родственников. Однако Елизавета Ивановна не была обыкновенной приживалкой. В 1840-х годах она служила гувернанткой в доме высококультурной семьи Д. Н. и Е. А. Свербеевых, была близка к кругу московских славянофилов, много читала, имела прекрасную память, вела обширную переписку, участвовала в издательских проектах. Внутреннее самоощущение Елизаветы Ивановны не совпадало с ее внешним образом милосердной, отказавшейся от себя и растворившейся в других людях «бабушки». Она страдала от собственной ненужности, неприкаянности, безденежья, «остро переживала свое положение человека без своего места — в буквальном и переносном смысле, ситуацию полной зависимости от доброй или злой воли покровителя»³⁰. Как полагает И. Савкина, Попова пыталась отмежеваться от женского мира в его патриархальной трактовке и «поместить» себя в идеологическую значимую сферу мужского (совместная деятельность и переживания в кругу славянофилов).

Женщины, подобные Елизавете Ивановне Поповой, были прекрасно образованны, начитаны, обладали повышенной рефлексией — и при этом бедны, зависели от чужой воли, не имели ни своей семьи, ни определенного положения в обществе, не проживали женскую жизнь. Такие, как они, напоминали одаренного крепостного, которому по воле барина давалось хорошее образование и творческая профессия, и от того жизнь его зачастую становилась еще более тяжелой.

В патриархальной семье роль женщины вполне очевидна и ясна: «верная супруга и добродетельная мать». В детстве послушная отцу, выходя замуж, она переходит в подчинение мужу. Такова освященная религией и законом практика, такова идеальная модель. Зависимость жены была тем более полной, что она, как правило, бывала моложе мужа на много лет. Разница в возрасте нередко со временем приводила к тому, что во главе семьи становилась женщина — хотя бы потому, что средняя продолжительность жизни мужчин короче, чем у женщин.

В России всегда было множество вдов, и этим женщинам порой приходилось брать на себя функции кормильца, глав семей.

Идеал патриархального общества — волевой и сильный мужчина, глава семьи, кормилец, заботливая жена, послушные дети — то и дело нарушался. Но при этом сам порядок патриархальной жизни сомнению не подвергался — основы его сохранялись неизменными.

Если глава семьи умирал, а дети были слишком малы, чтобы помогать матери, вдове следовало сделать выбор: либо принять на себя обязанности главы семьи и трудиться, как мужчина, либо искать покровительства более успешных родственников. На первый вариант решались немногие и шли на него только в случае крайней нужды, поскольку в патриархальном обществе человек редко оставался один на один со своими бедами, родственные связи поддерживали его на поверхности. Бедная вдова с детьми, сироты, старые девы — все они находили приют в доме богатых близких людей. Осиротевшие дети не оставались без крыши над головой — всегда находился кто-нибудь, кто позаботился бы об их пропитании и образовании. К концу XIX века относится замечание меуаристки: «По условиям быта того времени молодая вдова не могла жить одиноко, она должна была войти в состав какой-нибудь родной семьи»³¹.

Согласно российским законам, вдове полагалась одна седьмая часть наследства, не считая, разумеется, ее приданого. Согласно петровскому указу 1714 года, она также получала в пожизненное владение недвижимое имение мужа³². Император позаботился и о том, чтобы вдовы служивших на государственной службе получали определенное обеспечение. Вдовы и сироты гражданских чиновников должны были получать пенсии, в том случае если чиновник успел ее выслужить (пенсия вдовы была, как правило, равна половине пенсии мужа). Большинство, впрочем, и при Петре, и значительно позже него получало крохотное содержание, которого едва хватало на жизнь. Согласно переписи 1897 года, женщин, получавших пенсии, было всегда больше, чем пенсионеров-чиновников: так, в Санкт-Петербурге на 4240 мужчин приходилось 13 033 женщины, для которых основным источником средств являлась пенсия³³.

Еще при Екатерине II началось учреждение Вдовьих домов для вдов чиновников и военных, где бедные вдовы получали стол и кров, принося при этом пользу — ухаживая за больными. В 1815 году была установлена официально категория «вдов сердобольных». Прослужив десять лет, вдова получала право на собственную пенсию и могла жить во Вдовьем доме за казенный счет. Открывались приюты для вдов и сирот чиновников, основанные на средства императора, членов его семьи, пожертвования. И все же этого было совершенно недостаточно.

В незавидном положении находились вдовы священников. По закону дом и земля умершего священника переходили его преемнику, которым, по обычаю, должен был стать сын, а если у него были лишь дочери, то за одной из них и закреплялось владение, а женившийся на ней получал место священника. Остальные дочери оставались «невестами без места», то есть без прихода. Отсюда и пошло это выражение.

«Вдовья доля», «горькая вдовица»... Вот запись в дневнике А. И. Герцена о его кузине и бывшей детской влюбленности — Татьяне Пассек: «Она... теперь вдова, в крайности, с двумя детьми и третьим неродившимся. Будущность ее ужасна, не представляется ни пристанища, ни куска хлеба. Конечно, найдутся люди, но хлеб милостыни, что ни говори, — с песком»³⁴. Общественный статус вдовы, ее положение всецело зависело от материальной обеспеченности. Молодая обеспеченная вдова — это потенциальная героиня романа. Перов в своей «Вдовушке» рисует романтический образ молодой, прелестной особы; вспомним также Одинцову из «Отцов и детей» и Беловодову из «Обрыва», свободных и располагающих собой женщин, независимых материально и юридически. Но таких было ничтожно мало.

Истинное положение вдов нечасто обсуждалось в прессе. Женщины в возрасте, бедные, потерявшие привлекательность — не лучшие героини романа, живописного полотна или фельетона... Обратимся к воспоминаниям современников.

...В 1828 году помещик Гонецкий возвращался со своей дочерью, только что закончившей курс в институте благородных девиц, в свое поместье и по дороге остановился на отдых на почтовой станции. Александре Гонецкой исполнилось шест-

надцать лет, и она очень мало знала о реальном мире. На той же почтовой станции менял лошадей их сосед, Николай Григорьевич Цевловский. Эта встреча преопределила их судьбу. Очень скоро они поженились. Цевловскому было тридцать восемь лет, то есть он был более чем вдвое старше своей юной жены. Распределение ролей в семье Цевловских соответствовало традиционной схеме, и удивительно ли, что рассказ об этом Александры Степановны во многом совпадает с приведенными ранее словами Елизаветы Петровны Яньковой? «Николай Григорьевич точно обозначил роли в хозяйстве каждого из нас: я должна была заботиться о детях, заботиться домашним хозяйством, скотным двором, прислугою, а в его распоряжении относительно крепостных и сельского хозяйства я не имела права вмешиваться...» — вспоминала Александра Степановна³⁵. Впрочем, забот ей хватало и в домашнем кругу: за двадцать лет брака она родила шестнадцать детей, да еще трое появились на свет мертвыми.

Такое число детей в одной семье не было чем-то исключительным, ведь контроля над рождаемостью практически не было, детей рожали «сколько Бог даст» — не зря по этому поводу остро слов князь Петр Андреевич Вяземский заметил в 1877 году: «Старое время было урожайнее нашего». Так, мать мемуариста Э. И. Стогова умерла родами, это был ее семнадцатый ребенок; князь П. А. Оболенский и его жена, урожденная П. А. Вяземская, произвели на свет двадцать детей, причем десять из них умерли еще при жизни родителей; тринадцать детей росло в семье графа Л. Н. Толстого; М. Ф. Полторацкий и его жена имели двадцать два ребенка, у великого хирурга Н. И. Пирогова было тринадцать братьев и сестер; литературовед В. Б. Шкловский вспоминает, что у одного его деда было 13 детей, а у другого — 14, и так далее, так далее... Родившийся уже в 1909 году С. М. Голицын восклицает в своих воспоминаниях: «двоюродных братьев и сестер я насчитал пятьдесят четыре (!!!). И у всех них были жены и мужья. С умершими младенцами, незамужними и неженатыми их насчитывается 75»³⁶. Как выражаются социологи, «высокая рождаемость вплотную подходила к физиологическому пределу»³⁷.

Многодетность была санкционирована Церковью, запрещавшей меры по ограничению рождаемости. В какой-то мере многодетность умерялась повышенной смертностью, ведь да-

же в начале XX века детская смертность в российских столицах составляла 25—30 детей до года на 100 рождений³⁸.

Но вернемся к Цевловским. Николай Григорьевич оказался беспечным хозяином, жил на широкую ногу, принимал гостей, завел даже крепостной театр — и накопил огромные долги. А тут в России вспыхнула эпидемия холеры, которая не обошла стороной поместье Цевловских. Заболел и Николай Григорьевич. Перед смертью он призвал к себе жену и «раскрыл перед нею картину ее настоящего материального положения». Он сказал, что ситуация тяжела настолько, что у нее не хватит денег даже на жалованье управляющему, и она должна будет отныне заниматься хозяйством сама³⁹. Очевидно, что умирающий верно оценил характер своей жены и ее возможности. Он понимал, что эта труднейшая задача окажется ей по плечу. И действительно, Александра Цевловская, умная, сильная, твердая, еще молодая, была хорошо подготовлена к роли главы большого семейства, хозяйки, управляющей большим разоренным хозяйством. Сначала, оставшись одна (ее опорой оказалась лишь старушка-няня), она растерялась перед лицом поистине античной трагедии: вслед за любимым мужем один за другим умерли шестеро ее детей: «С момента болезни отца во весь последующий период не проходило и недели без похорон и тяжелых больных», — вспоминала мемуаристка⁴⁰. Удара сыпались на ее голову один за другим. Небольшую сумму, отложенную хозяином, украли, и семья осталась совершенно без денег. Более месяца «никто в доме не проспал как следует ни одной ночи», а сама Александра Степановна и няня «еле ноги передвигали ноги от усталости и отчаяния».

Но прошел самый тяжелый период, мертвые были преданы земле, больные выздоровели, и жизнь вступила в свои права. Александра Степановна стала во главе семьи и установила новые порядки. Детям, привыкшим жить на широкую ногу, пришлось привыкать к другому образу жизни: в доме царила жесточайшая экономия, бережливость была доведена до крайней скупости.

И опять можно говорить о типическом. Повседневный обиход семьи Цевловских, взаимоотношения матери с детьми, так подробно описанные младшей дочерью — Елизаветой, многими своими чертами удивительно напоминают картину жизни героев щедринской «Пошехонской старины», вплоть до мело-

чей. Как и мать Салтыкова-Щедрина, она всю свою материнскую любовь отдала одному своему сыну, первенцу, распределяла имущество, ущемляя материальные интересы других детей; она любила давать прозвища; приказывала подавать на стол прокисшее и испорченное, до последнего храня еще свежие припасы, пока они тоже не испортятся, и только тогда их было дозволено есть, и так далее. Необходимость выживания в жесточайших условиях уродовала натуру этих одаренных, незаурядных и красивых женщин.

Однако в большинстве воспоминаний, как правило, доминирует идеал, очевидный стереотип «хорошей женщины» патриархального общества: верная, добродетельная, преданная и любящая жена, послушная дочь, мудрая мать. Реальные черты характера героинь порой приходится вычитывать между строк. Практика русской жизни чаще требовала силы характера, несгибаемой воли, ума и предприимчивости — черт, традиционно считавшихся характерными для мужчины. А на страницах воспоминаний конца XVIII — начала XX века часто царят женщины-«ангель» — нежные, покорные, любящие. Таков был канон описания жены, матери, сестры.

Александра Степановна Цевловская сама установила для себя образ жизни, который не всякий мужчина смог бы выдержать: «Матушка, кроме праздничных дней, ежедневно с рассветом выходила из дому на поля, и первый раз мы видели ее только перед обедом, когда она возвращалась крайне утомленная... Она вся отдалась хозяйству, вся ушла в новое для нее дело, и у нее в первые годы нашей деревенской жизни не оставалось свободной минуты, чтобы думать даже о родных детях». Особенно тяжело приходилось ей поначалу, ведь она ничего не знала о сельских работах. Но скоро Цевловская стала докой в сельском хозяйстве, изучив его до тонкостей: «Она... отправлялась наблюдать за полевыми работами, переходила с одного поля на другое, с одного луга на другой, а осенью шла в овин, где происходила молотьба, из овина направлялась на скотный двор. В то же время она присматривала и за мельницею, и за постройкою, если она производилась, ходила даже в лес, если там рубили дрова...» — и так изо дня в день. В праздничные дни она сидела за бумагами, занимаясь канцелярской работой. Александра Степановна прекрасно знала своих крестьян, их быт.

Многие соседи поначалу находили ее поведение странным, ведь она работала как простой управляющий и не позволяла «барствовать своим дочерям». Но вскоре насмешливое отношение к ней сменилось «истинным почтением». Прямая, всегда твердая в своих убеждениях, скрупулезно честная, точная в оценках, опытная и жесткая, всеми этими чертами напоминающая старика Багрова, она, подобно ему, стала советчиком своим соседям-помещикам, арбитром в их спорах. Столбовая дворянка, особа «с языками и манерами», Александра Степановна вразрез со взглядами окружающих «не конфузилась своей бедности», считая, что каждый должен трудиться. Она говорила своим детям прямо — так, что их коробила ее прямота, — что они «нищие», и поэтому им особенно важно получить хорошее образование.

Денег на хороших учителей у семьи не было, и Александра Степановна сама взялась учить свою младшую дочь Елизавету французскому языку. Вечером на уроки не хватало ни сил, ни времени, она едва добиралась до постели, а вставала не позже шести часов утра. И вот она распорядилась будить дочь в четыре, чтобы, позанимавшись два часа французским, успевать к работам вовремя. Больше свободного времени у нее просто не было.

Дети откровенно боялись ее — ее тяжелой руки, резкости, нелицеприятной прямоты. «Ежедневная крайняя усталость», когда, не щадя себя, она доходила до крайнего нервного и физического напряжения, находила выход в яростном остервенении: она таскала за волосы, щипала, била своих детей. Как и Салтыков-Щедрин, Елизавета Водовозова и боялась своей матери, осуждала ее, и одновременно — восхищалась ею. Александра Степановна вырастила своих детей, дала многим из них образование. Но дети оказались обделены материнской лаской и заботой, на что Водовозова неоднократно жалуется на страницах своих воспоминаний. Настоящая близость и взаимопонимание между матерью и детьми пришли позже, когда Александра Степановна, со всеми своими патриархальными взглядами, твердыми убеждениями в правильности своей жесткости, понемногу приняла образ жизни и взгляды дочери-шестидесятницы: «...Совершенно незаметно ни для себя, ни для других душою молодого кружка нашей местности сделалась не я, только что нашпигованная новыми идеями, а моя

мать, в то время уже старая женщина... Матушка с жадностью набросилась на чтение... отдавшись чтению, она начала впитывать в себя новые понятия»⁴¹.

Нередко бывало, что сильная женщина играла в семье главную скрипку и при живом муже. Примеров не счесть. Обратимся к Пушкину: «Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкина дворецкого. Он ее боялся, как огня» («Пиковая дама»); как мы помним, мать Татьяны Лариной «самодержавно» управляла мужем; «Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также больше занималась и детьми»⁴². Слабый, безвольный подкаблучник, тем не менее, мог с успехом играть роль главы семьи, если жена помогала ему в этом. Короля, как известно, играет свита, и внешне все обставлялось так, будто бы отец, как и положено, распоряжается всем. При этом государство, Церковь и обычай были на стороне мужчины: жена всецело зависела от воли мужа. Даже в начале XX века муж мог с полным основанием написать любимой жене: «Ну, собака, не забывайся. Помни, что ты моя жена и что я могу тебя каждый день через полицию вытребовать. Могу даже наказать тебя телесно»⁴³. В интеллигентной среде, понятно, такое возможно было только в шутку, но очевидно, что далеко не все семьи были интеллигентными...

Но при таком положении находилось немало женщин, которым нравилось демонстрировать свою власть. Чаще всего фактическим главой семьи, порой даже не скрывая своего главенства, становилась богатая, вдобавок еще и знатная женщина, вышедшая замуж за человека ниже ее по положению и материальному достатку.

В русском обществе при всей его патриархальности хватало экономически независимых женщин — условием этого было получение приданого или наследства. Петровский указ 1714 года признавал приданое женщины ее личной собственностью, хотя на практике, разумеется, не так уж редко случалось, что муж принуждал жену предоставлять эту собственность в его распоряжение. Уже с середины XVIII века женщины приобрели право продавать и закладывать принадлежащие им имения. Как констатирует современный исследователь, «в целом же история гражданских и личных прав жен-

щин России XVIII века свидетельствует о поступательности и динамичности процесса укрепления юридического статуса женщин»⁴⁴.

Российское право исходило из положения, что супруги раздельно владели имуществом. Жена могла иметь отдельную собственность — приданое, полученную по наследству или в дар, а также купленную, — и распоряжаться ею. Показательно при этом, что она не была обязана участвовать в расходах на семейную жизнь, даже располагая независимыми средствами, — обеспечивать семью должен был ее глава.

Правда, как это частенько было в России, указ «сверху» оказался намного прогрессивнее общественного сознания: «В течение долгого еще времени судебные места России не могли усвоить себе мысли, чтобы женщина имела право полной собственности, чтобы она сама по себе, одна совершала продажи, заклады и покупки. На женщину смотрели не как на полного человека, а как на часть его, на что-то приставное»⁴⁵. Инертность мышления и деспотизм обычая препятствовали подавляющему большинству женщин пользоваться своими правами в полной мере.

Замужняя женщина в имущественном отношении была свободна, а в личном — подчинена мужу. Например, чтобы разъехаться с мужем, необходимо было получить от него паспорт. Право наследования мужчины и женщины законом было определено различно. Правило того времени гласило: «Сестры при братьях не наследницы». Женщина могла наследовать имущество только по прямой линии или по завещанию. Она не вправе была наследовать имущество деда, дяди и тети, если у нее был брат, которому отдавалось преимущество⁴⁶.

Привыкшая повелевать в отцовском доме, где исполнялись все ее капризы, Варвара Петровна Лутовинова перенесла эту привычку в собственную семью. После смерти отца она осталась богатой и воистину самодержавной хозяйкой в большом имении с громадным числом крепостных. Она ощущала себя царицей в своих владениях: даровала слугам придворные звания (дворецкий звался министром двора, юноша, ведавший перепиской, — министром почт). Из отставных солдат Варвара Петровна создала отряд местной полиции. В назначенные дни она творила расправу, «брила лбы», ссылала провинившихся в дальние деревни, разлучая при этом семьи.

Но Варвара Петровна не была просто примитивной жестокой крепостницей. Она, например, занималась благотворительностью: устроила приют для бедных дворянок, которые выполняли несложные работы — занимались рукоделием, заготавливали грибы и ягоды на зиму. В своем селе она открыла училище, где детей обучали грамоте и церковному пению. Учеников Варвара Петровна любила экзаменовывать сама. Она получила широкое образование, отличалась умом, тонко чувствовала музыку, обладала богатейшей библиотекой, постоянно пополнявшейся современной литературой. Ее письма к сыну говорят о незаурядном литературном даровании.

В 28 лет она выбрала в мужа красавца-гусара Сергея Тургенева, который был моложе ее на шесть лет. Своенравная, она доминировала в этом браке. Семейную жизнь Тургеневых удачной назвать было никак нельзя: властный характер жены вызывал протест у мужа, и женившийся «на деньгах», он очень быстро стал открыто ей изменять. Неудивительно, что выросшие в такой семье дети не получили уроков патриархальной семейной жизни, и судьба Ивана Сергеевича Тургенева — тому подтверждение.

Большие материальные средства, сосредоточенные в руках одного человека, нередко порождали уродливые ситуации. Мать Салтыкова-Щедрина, распоряжавшаяся деньгами семьи, скуповато выдавала их сыну, каждый раз попрекая его этим. Крепко державшая в руках хозяйство, она считала себя вправе вмешиваться в отношения сына и его жены, которая была бесприданницей, существом в ее глазах низшего порядка. Возникла странная, противоестественная зависимость от матери, где почтение, любовь и даже восхищение смешивались в разных долях со страхом, обидой, а порой и ненавистью. Когда мать умерла, Салтыков-Щедрин пережил тяжелейший кризис, заболел и очень долго выздоравливал; до самой кончины переживания запутанных отношений с матерью не отпускали его. Схожими были отношения с матерью и И. С. Тургенева.

Тем не менее подобный порядок вещей воспринимался как необходимость — против него роптали, но его принимали, ибо считали, что такое устройство жизни, пусть даже самое жесткое, — лучше, чем хаос. Существовали как нормы жизни почитание родителей, подчинение их воле, почтительное об-

ращение с ними даже в случае их явной неправоты, желание родительского благословения в решающие моменты жизни.

Набор жизненных положений бесконечен, женщина могла попадать и попадала иногда в самые тяжелые ситуации. Но в патриархальном обществе, нацеленном прежде всего на защиту своих сочленов, она была в целом защищена лучше, чем в обществе постиндустриальном. Современный исследователь считает: женщине традиционного общества свойственно «никогда ничего не требовать и не ожидать многого»⁴⁷. Трудно найти что-нибудь более далекое от истины, чем подобное утверждение. В традиционном обществе женщина и требовала, и получала очень многое, но при этом самое важное, по-настоящему ценное для нее находилось в шкале ценностей, весьма отличной от шкалы ценности современной жительницы Европы. Традиционная модель предполагает большую ответственность мужчины в защищенности и обеспеченности женщины и детей. Требования к мужчине были высоки: от обязанности обеспечивать во всех смыслах, кормить, одевать и обувать — до мелочей, вроде необходимости непременно подавать руку, пропускать вперед, усаживать на лучшие места.

Вот как Агата Кристи характеризует поколение своих бабушек: «Надо отдать справедливость женщинам викторианской эпохи: мужчины ходили у них по струнке. Хрупкие, нежные, чувствительные, они постоянно нуждались в защите и заботе. И что же, разве они были унижены, растоптаны или вели рабский образ жизни? Мои воспоминания говорят мне совсем о другом. Все подруги моей бабушки отличались редкостной жизнерадостностью и неизменно достигали успеха во всех начинаниях: упрямые в своих желаниях, своенравные, в высшей степени начитанные и прекрасно обо всем осведомленные. И, представьте себе, они невероятно восхищались своими мужчинами. Искренне считали их потрясающими парнями — гуляками и волокитами»⁴⁸. При этом ценность семейных отношений стояла на первом месте и не подвергалась сомнению.

Справочники по этикету инструктировали мужчину в его отношении к женщине: «Эгоизм и равнодушие должны исчезнуть... Можно не бояться быть чересчур внимательным и услужливым. Мужчина обязан избавлять женщину от всякого беспокойства и утомления». С другой стороны, женщина патриархальной культуры «не заставляет себя просить, а берет

себе по праву лучшее место повсюду, и лучшие куски за столом: женщина это рабыня, заставляющая прислуживать себе, мужчина — повелитель, который повинуется»⁴⁹; женщине должно доставаться все лучшее («комната ее должна быть лучшей в доме»).

Понятно, что это была всего лишь декларируемая норма. Но именно она и важна, как устанавливающая образец, дающая пример того, как должно себя вести достойному члену сообщества. В жизни было все: и семейное насилие, и унижающая бедность, грубость, но само звание «порядочной женщины» давало право на уважение со стороны окружающих. «Порядочные женщины» не вызывали общественной агрессии. Дама. Мать. Хозяйка. Эти персоны стояли высоко, вызывали почтение, иногда осмысленное, а иногда и рефлекторное, при их появлении вставали с мест важные сановники, замирали вольные речи, все, хочешь не хочешь, подтягивались — и это воспринималось как норма.

Но если женщина нарушала общепринятые правила, она мгновенно становилась изгоем. Большой шум вызвала история с письмом депутата Государственной думы монархиста и черносотенца В. М. Пуришкевича общественной деятельнице Анне Павловне Философовой, которое содержало откровенные оскорбления в ее адрес. Более того, в лице Анны Павловны Пуришкевич оскорблял всех «новых» женщин. Впрочем, это была привычная поза Пуришкевича, публично заявлявшего: «Женщина прежде всего самка и таковой останется всегда и везде». Пуришкевича, как представляется, мучили страх и чувство бессилия перед лицом серьезных перемен в российском обществе, и это вызывало особую агрессию против женщин, в положении которых эти перемены проявлялись особенно отчетливо.

Женские общества, «передовые» читательницы журналов, журналистки и общественные деятельницы справедливо приняли оскорбления Пуришкевича на собственный счет. Они выступали с протестами, письмами, обращениями с просьбой «принять меры на будущее время к ограждению русских женщин от непристойного образа действий со стороны некоторых депутатов Государственной думы»⁵⁰. Но женщины начинали в те времена играть по мужским правилам и выходили тем самым из разряда почтенных, традиционно ведущих

себя, а значит, автоматически заслуживающих уважения дам. И впоследствии при обсуждении разных аспектов «женского вопроса» правые депутаты не раз позволяли себе оскорбительные оценки и заявления по поводу женских способностей, поведения и т.д.⁵¹ Тогда как порядочная женщина традиционного общества, соответствовавшая норме, не могла подвергнуться публичным оскорблениям (хотя, разумеется, бывали исключительные случаи, которые только подтверждали общее правило).

Общественные потрясения всегда становятся испытанием для семьи, глобальные перемены всегда вызывают изменения в семейном строе. Но патриархальная семья — это очень гибкая система, она способна меняться, подлаживаться к разным условиям жизни. Перемены же в патриархальной семье зависят прежде всего от изменений в положении женщины в обществе. А это положение в 1860-е годы, эпоху Великих реформ, претерпевает радикальные изменения. «...В этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникли ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера»⁵².

...Генерал Василий Васильевич Корвин-Круковский, начальник московского арсенала, выйдя в отставку, уехал хозяйствовать в родовое имение в Витебской губернии. Такое решение им было принято не случайно: шел 1858 год, генерал понимал неизбежность кардинальных перемен в общественной жизни и полагал, что в период реформ помещик должен жить в деревне и заниматься делами поместья — иначе семье грозило разорение.

Жена генерала Елизавета Федоровна была намного его моложе. Он обращался с ней, как с ребенком, даже и в преклонные годы (характерно, что он обращался к ней «Лиза», она всегда — «Василий Васильевич»). Елизавета Федоровна, лютеранка, была дочерью и внучкой ученых — геодезиста Ф. Ф. Шуберта и математика Ф. И. Шуберта, она получила хорошее образование. В семье много читали, следили за литера-

турными новинками, музицировали. У Корвин-Круковских было трое детей: Анна, будущая мировая знаменитость Софья и младший сын Федор. По утрам отец занимался хозяйственными делами, а остальное время проводил в кабинете. «Кабинет этот, лежащий совершенно в стороне от других комнат, составлял как бы святую святых в доме; даже мать наша и та никогда не входила в него, не постучавшись предварительно; детям и в голову бы не пришло явиться в него без приглашения», — вспоминала дочь генерала⁵³ (кабинет отца в пространстве быта — тема особая, и мы к ней еще вернемся).

Василий Васильевич придерживался вполне традиционных взглядов в воспитании детей, полагая, что прежде всего необходима строгость. Но, думается, это была скорее внешняя манера: «В сущности, отец наш вовсе не был строг с нами, но я видела его редко, только за обедом; он никогда не позволял себе с нами ни малейшей фамильярности, исключая, впрочем, тех случаев, когда кто-нибудь из детей бывал болен. Тогда он совсем менялся. Страх потерять кого-нибудь из нас делал из него как бы совсем нового человека... никто не умел так приласкать нас, так пошутить с нами, как он»⁵⁴. Думается, что именно безграничная любовь отца и придала его дочерям впоследствии смелости прожить свою жизнь так, как они находили нужным.

Старшая дочь Круковских, Анна, отличалась привлекательной внешностью и привыкла быть царицей на всех детских балах. Родители очень гордились ее успехами. Девушка подросла, а в деревне женихов не было. Анна очень скучала. Раз в год ей шили новые наряды и отправляли на месяц в Петербург, к родным. Анна выезжала на балы в Дворянское собрание, посещала театры, появлялась тут и там, но «подходящих женихов не представлялось». Месяц проходил, и суету Петербурга сменяла скука деревенской жизни... Быстрота уходящего времени особенно остро ощущалась девушкой, которая повзрослела и никак не могла устроить свою судьбу. У священника соседнего прихода был сын. Нескладный, очень некрасивый юноша, явно не годившийся в герои романа дворянской девушки, он тем не менее был талантлив и смел. Ему прочили хорошую духовную карьеру, но он не пошел по стопам предков и после окончания семинарии поступил на естественное отделение университета. Приехав домой, он потряс

своего отца — «понес ахинею, якобы человек происходит от обезьяны и якобы профессор Сеченов доказал, что души нет, а есть рефлексы». Попович давал помещичьей дочке читать статьи из самых передовых журналов и даже запрещенный «Колокол» Герцена. Старый священник послушал-послушал своего сынка, да и отказал ему от дома, велел больше в этих краях не появляться...

На Анну разговоры с поповичем произвели сильнейшее впечатление. Она изменилась даже наружно: стала одеваться в простые черные платья, зачесывала волосы назад, занималась с крестьянскими детьми, обучая их грамоте. Ящичками выписывала книги: «Физиология жизни», «История цивилизации», — словом, все то, чем зачитывалась в те годы передовая Россия.

Наконец она осмелилась потребовать (!) у отца, чтобы он отпустил ее учиться в Петербург. Сначала ошеломленный генерал попытался обернуть все в шутку, но в конце концов дал волю гневу: «Если ты сама не понимаешь, что долг всякой порядочной девушки жить со своими родителями, пока она не выйдет замуж, то спорить с глупой девчонкой я не стану!» — вскричал он.

Отношения между Анной и отцом испортились, оба не скрывали взаимного раздражения, в семье наступил мучивший всех домашних разлад. Общая атмосфера действовала и на младших детей, и, как вспоминала Софья Ковалевская, «чувство субординации во мне очень ослабло». Анна времени даром не теряла и однажды, набравшись смелости, отправила свой рассказ в столичный журнал «Эпоха». Редакция приняла его в печать, а автору было направлено комплементарное письмо, подписанное самим Федором Михайловичем Достоевским! Разумеется, все происходившее Анна держала в секрете, письма приходили на имя экономки Круковских, державшей сторону девушки. Но радость так распирала Анну, что она посвятила в тайну свою младшую сестру. Софья была восхищена.

Рано или поздно тайное должно было стать явным. Как-то конверт со штемпелем журнала «Эпоха» попался на глаза Василию Васильевичу, и тот вскрыл его. Самым худшим было то, что именно в это письмо были вложены деньги — гонорар Анны за повесть, более трехсот рублей. Тайком получен-

ные молодой девушкой деньги от незнакомого мужчины — это было позором. «Бедный мой отец! Он так ненавидел женщин-писательниц и так подозревал каждую из них в поступках, ничего не имеющих общего с литературой! И ему-то было суждено стать отцом писательницы», — писала Софья⁵⁵. Старый генерал был человеком вспыльчивым, азартным (некогда он слыл страстным картежником), ему стало по-настоящему плохо от стыда и обиды.

Круковский призвал к себе дочь. Он кричал на нее: «От девушки, которая способна тайком от отца и матери вступить в переписку с неизвестным мужчиной и получать с него деньги, можно всего ожидать! Теперь ты продаешь твои повести, а придет, пожалуй, время — и себя будешь продавать!» Мать была всецело на стороне отца, но только поначалу: «у нас в семье произошел феномен, часто повторяющийся в русских семьях: дети перевоспитали родителей», как впоследствии говорила позже Софья Васильевна. И вправду, такие ситуации не раз встретишь в документах той эпохи. Постепенно Елизавете Федоровне (напомним, что она была лютеранка и выросла в семье ученых) стало любопытно, потом ее все больше охватывала тайная гордость: ее дочь — признанная писательница! И она стала всячески смягчать настроения мужа, уговаривать его пойти дочери навстречу. И отец сдался: он решил выслушать повесть, предложив дочери прочесть ее вслух в кругу семьи; «с этого дня в нашем доме началась эра мягкости и уступок»⁵⁶.

Генерал разрешил дочери писать Достоевскому — при условии, конечно, что дочь будет показывать ему переписку. Более того, он обещал даже лично познакомиться с ним, когда будет в столице, хотя и ворчал при этом: «Он журналист и бывший картежник. Хороша рекомендация!» Шаг за шагом отец сдавал свои позиции. Дочери получили возможность поехать с матерью в Петербург, чтобы учиться.

В те годы в моду среди передовой молодежи вошли фиктивные браки⁵⁷. По российскому законодательству девушка не имела права без разрешения отца, а замужняя женщина без разрешения мужа выехать за границу; без разрешения нельзя было даже получить паспорт.

Софья Корвин-Круковская хотела получить образование за границей. И она решилась на крайнюю меру — вступила

в фиктивный брак с молодым ученым Владимиром Онуфриевичем Ковалевским. Думается, этот шаг был вызван, скорее, влиянием старшей сестры Анны, которой Софья восхищалась, чем действительной необходимостью. Генерал Корвин-Круковский, хотя и был человеком патриархального общества, тем не менее, как мы уже видели, был готов к восприятию современных идей и превыше всего ценил свою семью. Дочери могли бы настоять на своем, как это бывало и прежде, но они стремились быть самостоятельными во всем. Отец, кстати, спустя несколько лет сполна продемонстрировал способность менять свои взгляды под влиянием дочерей, когда помог «неблагонадежному» субъекту — мужу Анны французу Жаклару. Во времена Парижской коммуны тот был приговорен к заключению в крепости, и старый генерал подкупил тюремщиков, выплатив им двадцать тысяч франков, и устроил бегство зятя, став сам таким образом преступником⁵⁸.

В эпоху реформ в обществе усиленно распространялась мысль о том, что диктат семьи «губит молодые силы». Для современников было очевидным, что русское традиционное общество с середины XIX века вступило в полосу разложения, и, соответственно, глубокий кризис переживала патриархальная семья.

Показательна в этом смысле семейная история графов Толстых. Лев Толстой был признанным классиком уже при жизни, авторитетом, арбитром общественного мнения, чьи суждения всех интересовали, толковались и перетолковывались.

Когда-то Александр Герцен сказал, имея в виду запутанные личные взаимоотношения в своем кругу Герценов-Огаревых-Тучковых, что «мы стали европейской сплетней». В начале XX века вышли наружу непростые и самые интимные коллизии семьи Толстых. Достоянием общественности стали ссоры, денежные расчеты, взаимные претензии, обсуждались крупные и мелкие обиды пожилых супругов, живших в браке уже почти пятьдесят лет. Софью Андреевну дружно осуждали — как жену, как мать, как женщину, а великому писателю, напротив, горячо сочувствовали.

В свое время Лев Николаевич Толстой стремился стать главой большого семейства — и стал им. Он отстаивал патриархальные ценности и в жизни, и в своих произведениях. В отличие от других великих русских писателей — И. А. Гончарова,

И. С. Тургенева, А. П. Чехова — он воплотил в жизни свой идеал, имел большую семью, любящую жену, хлебосольный дом. Жена Толстого, Софья Андреевна, старательно следовала прописанной ее мужем в гениальных его произведениях роли патриархальной жены: заботилась об удобстве мужа, рожала детей и сама кормила их вразрез с обычаями, принятыми в ее кругу, хлопотала по хозяйству: «Мама́ я тоже вижу мало: она всегда или за работой, или кормит одного из своих многочисленных детей, или с быстротой молнии строчит что-нибудь на своей ножной швейной машине, или же переписывает какую-нибудь рукопись для папа́»⁵⁹.

Семья не слишком интересовалась тем, что скрывалось в душе матери, полагая, что ей необходимы домашние хлопоты, и только тогда она бывает довольна, когда целиком погружена в них: «Папа́ совершенно справедливо это заметил, говоря, что, когда все в доме вырастут, ей надо будет заказать гуттаперчевую куклу, у которой был бы вечный понос»⁶⁰, — так весьма опрометчиво судила старшая дочь. И хотя из всех сестер Берс именно Софья Андреевна наиболее отвечала идеалу патриархальной жены и матери, нереализованная ее сущность нет-нет, да и прорывалась наружу. Она обладала литературным дарованием, была очень честолобива, мечтала блистать в свете. Все три сестры — Елизавета, Софья и Татьяна Берс — были литературно одарены, сочиняли, вели дневники (их отец был человеком больших дарований, не случайно он в свое время сблизился со своим будущим зятем, они стали друзьями, вели конфиденциальные беседы, а затем долгие годы переписывались). Яркие образы, сравнения, прекрасный язык, глубина размышлений, тонкий психологизм их переписки и дневников восхищают. В них жил очаровательный женственный мир, что вошел в романы великого писателя.

Л. Н. Толстой в «Анне Карениной» говоря о чувствах Левина, появившегося в доме Щербацких, описывает собственные впечатления о семье Берсов: «...Он в первый раз увидел ту самую среду старого дворянского, образованного и честного семейства, которой он был лишен смертью отца и матери. Все члены этой семьи, в особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтической завесой, и он не только не видел в них никаких недостатков, но под этой поэтической, покрывавшей их завесой

предполагал самые возвышенные чувства и всевозможные совершенства. Для чего этим трем барышням нужно было говорить через день по-французски и по-английски; для чего они в известные часы играли попеременно на фортепьяно... для чего в известные часы все три барышни с m-lle Ginon подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках... — всего этого и многого другого, что делалось в их таинственном мире, он не понимал, но знал, что все, что там делалось, было прекрасно, и был влюблен именно в эту таинственность совершавшегося».

Незаурядная личность Софьи Андреевны вовсе не исчерпывалась привычной ролью жены и матери. Ей страстно хотелось проявить себя, она ревновала к отношениям между мужем и его теткой, светской дамой, фрейлиной Александрой Андреевной Толстой. Племянник, бывший младше Александры лет на девять, был влюблен в нее в молодости, долго сохранял свое чувство, поддерживал с нею многолетнюю доверительную переписку. Софья Андреевна, ощущая, насколько она недополучила образования, всей душой желала быть подобной Александре Андреевне, но, как она трезво рассуждала, в таком случае ей не следовало бы иметь семьи.

Европейское образование в России становилось доступно женщинам, и наряду с этим все острее ставился вопрос — можно ли сочетать его с ролью патриархальной жены и матери?

Дворянкам удавалось справляться с этой дилеммой. Рожая помногу детей, они отдавали их на руки кормилицам. Стремление дворянки самой кормить своих детей расценивалось как чудачество. Матери из «образованных» классов сами своих детей не кормили. Подобный порядок господствовал и в Европе. С трудностями столкнулась Анна Григорьевна Достоевская, у которой в Швейцарии родилась дочь Соня: «...В Швейцарии обычно выкармливают детей искусственным образом, коровьим молоком, на бутылке и питательных порошках. Иные же матери отсылали своих новорожденных верст за шестьдесят в горы на грудь крестьянкам»⁶¹. Обычай приглашать кормилиц появился на рубеже XIX — XX веков и в недворянских семьях. Как вспоминал В. Б. Шкловский, «был тогда обычаем в состоятельных и средних семьях: матери сами не кормили, а нанимали кормилиц»⁶².

На рубеже XIX—XX веков европейское общество было весьма серьезно обеспокоено этой проблемой. Она обсуждалась в печати, на съездах врачей, ученых. (Оставляем за скобками нередкие случаи, когда девушки специально беременели, чтобы сразу после родов отдать своего ребенка на сторону и заработать, выкармливая чужого.) На Международном антропологическом конгрессе в 1899 году профессор анатомии Болингер из Мюнхена утверждал, что «все увеличивающаяся смертность младенцев в Германии происходит от того, что их не кормят грудью», и в некоторых местностях умирает почти половина младенцев, вскармливаемых искусственно. Приводилась в пример Швеция, где еще в XVIII веке правительство назначало штраф для женщин, не кормящих своих детей грудью, и этим «достигло прекрасных результатов»⁶³.

В Германии правительство пыталось бороться с вредным обычаем. Были предложены даже «премии за кормление грудью», причем действительность кормления должен удостоверить врач⁶⁴. В России натуральное кормление также всячески пропагандировалось. Так, в семейном журнале для чтения «Новь» разъяснялась польза материнского молока и рассказывалось, как именно надо кормить ребенка грудью⁶⁵...

Но вернемся к Софье Андреевне. Речь идет о приоритетах — имея такого мужа, как Толстой, надо было на первое место ставить его интересы. А у Софьи Андреевны было тринадцать выживших детей! Больше десяти лет быть беременной, каждые полтора-два года рожать (были еще и выкидыши), лет пятнадцать или больше выкармливать, а во время беременности или выкармливания — менять пеленки, баюкать, укладывать спать, развлекать... Современной среднестатистической матери одного-двух малышей с пакетом памперсов и стерилизованными баночками гомогенизированной пищи наготове и представить себе подобный труд невыносимо. А ведь еще был дом, хозяйство, гениальный муж (общеизвестно, что Софья Андреевна не по одному разу переписывала объемистые произведения Толстого!). Нужны были железное физическое и психическое здоровье, чтобы выдерживать подобные нагрузки.

Даже при наличии кормилиц, нянь и многочисленной прислуги необходимость постоянного хозяйского присмотра для правильной жизни большой семьи прекрасно понимал и сам Толстой, о чем неоднократно говорил в своих произведениях

ях («Дарья Александровна знала, что само собой не бывает даже каши к завтраку детям и что потому при таком сложном и прекрасном устройстве должно было быть положено чье-нибудь усиленное внимание». — «Анна Каренина».).

По мере взросления детей матери семейства легче не стало. Софья Андреевна подсчитала, что, когда дети подросли, ей, уже постаревшей, приходилось держать дом, в котором одновременно жило 38 человек, не считая служащих. Это была воистину большая патриархальная семья⁶⁶. «Трудно даже представить, что почти единоличным редактором и корректором двенадцатитомного издания оказалась одна женщина, которая в то же время вела хозяйство огромной семьи, она же была бухгалтером издательства, она же принимала подписку на издание... Впоследствии она писала дочери, что ушла в работу так, как мужики уходят с горя в кабак», — писал исследователь жизни Толстого⁶⁷.

Сам Толстой менялся в течение жизни, она же не поспевала за ним и все более чувствовала себя ущемленной, отодвинутой в тень мужем и выросшими детьми. Долгие годы Софья Андреевна старательно подавляла свою индивидуальность, остро ощущая недовольство своей жизнью. И это недовольство выплескивалось наружу неврозами, истериками. В пятьдесят лет она безнадежно влюбилась в музыканта С. И. Ганеева, который вовсе не интересовался женским полом, стала сочинять свои собственные литературные произведения, не ограничиваясь переписыванием мужниных и вступая с ним в сознательное или невольное соревнование.

Острое противоречие между супругами особенно усугубилось, когда Толстой написал «Крейцерову сонату». Классик был страстным и чувственным мужчиной, и, пока он был молод, редкая молодуха в округе избегла его внимания; в пожилые же годы он жестоко осуждал себя за прежние увлечения, страдал, мучился сам и мучил окружающих. Весь клубок концентрированных болезненных эмоций он выплеснул в «Крейцеровой сонате». Увидев «Крейцерову сонату» опубликованной, Софья Андреевна почувствовала себя оскорбленной. В противовес повести мужа она сама написала роман, стремясь противопоставить дикому, смятенному миру «Крейцеровой сонаты» свой женский мир, пытаясь показать его гармоничным и светлым, каким в жизни он не был.

Незаурядные люди, подобные Толстому, Герцену, Блоку, нередко полем экспериментов делали собственную семью, что порождало лишь трагедии. В 1861 году Александр Герцен в письме к дочери Наталье писал об своих отношениях с женой: «Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом — наша деятельность. Ну и смотри, пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающими в борьбе с миром традиций мы были, так сказать, дерзки, считая, что все сойдет с рук...»⁶⁸

Как уже неоднократно говорилось, патриархальная семья сохраняет свою устойчивость благодаря своей восприимчивости, она может меняться в зависимости от окружающих перемен. В воспоминаниях Сергея Евгеньевича Трубецкого описывается переломное время для русских семей — эпоха после революции 1917 года, когда остатки семьи, долгое время сохранявшей патриархальный уклад, пускали корни в эмиграции. Это был очень короткий период, который тем не менее вместил огромные перемены⁶⁹.

В нашей стране традиция больших семей, где воедино слиты кровное родство, исторические предания, владение и управление собственностью, была прервана.

Воспитание девочек

Воспитание невозможно без идеала. И такой идеал воспитания патриархальной девушки самым подробным образом был прописан в знаменитом «Домострое». Обращает на себя внимание всесторонняя продуманность образа девушки, жесткость предъявляемых к ней требований. «Домострой» называет такие необходимые для девушки черты: приветливость, кротость, терпение, приятность, обходительность, услужливость, девственное целомудрие, сострадательность, милосердие, стыдливость (особо оговорена способность краснеть), бережливость и довольство тем, что имеет, благотворение, благодеяние и щедрость, воздержание в еде и питье, верность и правдивость. Девушка должна почитать отца и мать, охотно слушать других, сохранять чистоту телесную, укрощать свои желания и хотения, а в целом — во всем держаться разумного. Таков идеал девушки патриархального общества.

Девочка с куклой.
Фото из архива Ф. А. Петрова.
Конец XIX в.

Временем решительной и жесткой ломки традиций стала Петровская эпоха. То новое, что требовалось теперь для социализации человека, нельзя было получить лишь благодаря дедовским преданиям и бабушкиным поучениям, ведь и зрелые люди не слишком хорошо ориентировались в быстро изменявшемся мире. В 1717 году впервые вышло пособие, которое должно было помочь закрепить в юных умах правила поведения хорошо воспитанного молодого человека — «Юности честное зерцало». Составленный сподвижником императора Петра Я. В. Брюсом свод правил был ориентирован на воспитание современного русского европейца.

Показательно, что первые же строки «Зерцала» отсылают к наиболее древнему своду этических норм — Библии, предписывая «отца и мать в великой чести содержать». Это первое и главное правило неоднократно перетолковывается на других страницах. «Честное зерцало» наставительно твердит о том, что отрок должен придерживаться золотой середины, не быть ни скупым, ни расточительным, не злословить, не предаваться блуду, игре или пьянству, всегда быть «добрым, прилежным и трудолюбивым». Все это вечные и определяющие нормы для людей разных культур.

В сущности, по-настоящему новое, что появляется на страницах «Зерцала», — это правила поведения молодого человека в обществе, в свете. В петровской России появляется человек общественный, и этот человек должен уметь себя вести в изменившихся и усложнившихся условиях, играть разные роли, точно находить верный тон в общении с равными себе, с вышестоящими и слугами. Патриархальная простота нравов исчерпывала себя, жизнь изменялась и буквально на глазах все более усложнялась.

Основными достоинствами юной девушки всегда были скромность, послушание, целомудрие, религиозность, трудолюбие, хозяйственность, миловидная внешность. Помимо этого, разумеется, важнейшее значение имело приданое и достойная родня. Послепетровская эпоха добавила к этому списку определенный уровень образованности, для каждого со словия свой.

Время вносит свои коррективы. В семье наиболее значительным лицом становится ребенок. Семья всерьез занимается подготовкой детей, которые должны теперь не просто

повторять опыт родителей, а овладевать новыми знаниями и умениями, дабы поддерживать свой социальный статус. Отныне проявляется особый, пристальный интерес к воспитанию, распространяется представление о том, что детей надо специально учить, готовить, уделять этому особое внимание. С конца XVIII века воспоминания непременно содержат подробный рассказ о годах учения. В журнале за 1802 год мы встречаем красноречивую фразу о том, что сейчас «времена, когда редкий в России не занимался мыслию о распространении просвещения и способах к оному...»⁷⁰.

В пространстве традиционной культуры гендерные роли были определены четко. В традиционной семье главное место среди детей отводилось наследнику, первенцу. Как правило, именно мальчикам уделялось больше внимания, будь то семья крестьянина, купца или царя. Мальчики подготавливались к роли мужчины — главы семьи. Взрослый сын в случае смерти или тяжелой болезни отца должен был занять его место во главе семьи, принять все его заботы на себя. В своих воспоминаниях В. В. Вересаев пишет: «...Семья наша была большой, детей нас было восемь человек, мы росли, расходы наши увеличивались. Часто, по-видимому, отцом овладевало отчаяние, что он не сможет сам поставить на ноги всех детей, и иногда он говорил нам, старшим двум братьям: “Я воспитал вас, а ваше дело будет, когда я умру, воспитать младших братьев и сестер”»⁷¹.

Что же нового появляется в воспитании девочки? То же, что и в воспитании юноши, — «науки и искусства», которые помогали наладить ей контакт с современным миром и обществом: прежде всего современный этикет, иностранные языки, литература, музыка, танцы. Все это до середины XIX века предназначалось едва ли не исключительно дворянским девушкам; результаты этого воспитания были отчетливым социальным маркером, который демонстрировал принадлежность к сословию.

Обучение детей, подготовка их к будущей жизни, социализация — искони были важнейшими функциями семьи, но теперь эти задачи настолько усложнились, что далеко не каждая семья могла справиться с ними сама. Родителей, которые оказывались в состоянии нанять учителей разного профиля, находилось немного. Понадобились частные и государственные

школы, помощь родственников или соседей. В наибольшей степени государство было озабочено подготовкой юношей — будущих офицеров и чиновников. Поэтому сначала возникли ориентированные на мальчиков военные корпуса (в 1731 году был открыт Сухопутный Шляхетный корпус), появился университет и его гимназии в Москве (1755). Но очень скоро, уже в 1764 году, в Петербурге был открыт первый Институт благородных девиц, за которым последовали и другие женские учебные заведения. В конце XVIII века в России раньше, чем в других странах, начинает складываться система женского образования: институты, пансионы, епархиальные училища, наконец, с середины XIX века — женские гимназии. Сохраняется и домашнее образование.

Излишняя ученость в глазах общества могла только повредить девушке, создать ей репутацию «синего чулка»⁷². Образованнейший человек александровского времени, долго живший в Петербурге Жозеф де Местр пишет дочери: «Самый большой порок для женщины, милое мое дитя, быть мужчиной... Ты хорошо знаешь, милая моя Адель, что я не враг просвещения, но во всех вещах надобно держаться середины: вкус и образование — вот то, что должно принадлежать женщинам. Им не надобно стремиться возвысить себя до науки, и не дай Бог, чтобы заподозрили их в таковой претензии. Что же касается до приличного им образования, то надлежит строго соблюдать меру: дама, а тем паче девица, может дать понять о нем, но никогда нарочито оное не должна показывать»⁷³.

Учебная программа в женских и мужских учебных заведениях различалась по набору предметов и глубине их изучения. При обучении девочек наибольшее внимание уделялось языкам (в том числе русскому в институтах благородных девиц), музыке, литературе и танцам, гораздо меньшее — естественным наукам и математике. Этот подход, без всякого сомнения, отражал не только общественные стереотипы, но и реальные потребности жизни. Василий Андреевич Жуковский в 1824 году писал главной надзирательнице при воспитании наследника Великого князя Александра Николаевича графине Ю. Ф. Барановой: «План учения для Великих княжон тот же, как и для Великого князя, с той только естественною разницею, что предметов учения должно быть гораздо менее»⁷⁴.

Однако то и дело мы встречаем упоминания о том, что в культурных семьях дочерям дают основательное образование, не боясь сделать их «синими чулками». Больше возможностей найти квалифицированных преподавателей предоставляли столицы. Известно, к примеру, насколько были популярны в качестве домашних учителей профессора Московского университета; они преподавали науки во многих дворянских семьях, в том числе и девушкам. Так, университетские преподаватели Н. И. Надеждин, Ф. Л. Морошкин, М. А. Максимович, С. Е. Раич давали уроки сразу двум старшим детям семьи Сухово-Кобылиных: Александру, будущему драматургу, и Елизавете, будущей известной писательнице (в замужестве Салиас де Турнемир). По страницам воспоминаний С. П. Жихарева (начало XIX века) рассыпаны сведения об уроках, которые брали у университетских преподавателей девицы хороших московских фамилий: графини Гудович, сестры Скульские, Извекова, сестры самого мемуариста и др.⁷⁵

Общество начала XIX века усвоило и пропагандировало важнейшую идею: главная задача женщины — воспитание и образование детей. Жозеф де Местр писал дочери: «Женщины не изобрели ни алгебры, ни телескопа, ни очков, ни парового насоса, ни вязального станка и т. д.; но зато они делают нечто более великое сравнительно со всем этим: на их коленях обрывается то, что есть самого лучшего на свете: честный мужчина и порядочная женщина. Когда девица хорошо воспитана, послушна, скромна и набожна, она вырастит детей, которые будут похожи на нее, а это и есть величайшее в свете творение. Ежели не выйдет она замуж, то, обладая всеми сими внутренними достоинствами, она так или иначе принесет пользу окружающим»⁷⁶. Роль матери начинает пониматься более широко: она не только воспитывает, но и учит (и учится) сама, подбирает учителей своим детям. Именно уровень образования матери оказывал определяющее влияние на домашнее обучение ее детей. Образованная мать продумывала учебную программу, выбирала учителей, следила за уровнем преподавания, обсуждала с детьми прочитанное и пройденное.

Полтора года лет назад в русском обществе возникло убеждение, лучше всего выраженное великим хирургом Н. И. Пироговым: какова мать, таково и общество. Педагоги и публицисты той эпохи повторяли: «Как бы ни была сложна задача

мужского воспитания, но воспитание женское представляет еще более сложную педагогическую задачу — это обязанности матери будущего семейства, гражданки, воспитательницы будущего поколения»⁷⁷. Воспитанник Московского университета Пирогов, привлекая внимание общества к женскому образованию, продолжал университетскую традицию. Задолго до эпохи реформ, во второй половине XVIII века, кружок университетских просветителей обращал особое внимание на женскую читательскую аудиторию. Уже тогда подчеркивалась роль матерей в воспитании новых поколений, в частности просветитель Н. И. Новиков «чрезвычайно высоко ценил влияние женщин на образование ума и сердца людей и говорил: “грамотная мать и в игрушку будет давать своему дитяти книги, а таким образом и мы пойдем вперед с молоком, а не с сединами”. Поэтому он был всегда покровителем всякой женщины, занимавшейся чтением русских книг, во время издательской деятельности своей с особенной охотой печатал литературные труды женщин и входил в письменные сношения с теми дамами и девицами, которые занимались словесностью и науками»⁷⁸. Это мнение разделяют и современные педагоги, полагающие, что «успеваемость ребенка зависит от образования матери».

Родители девочек предпочитали, при возможности, давать дочерям образование дома. И лишь введение массовых женских гимназий — реформа исключительно успешная — в середине XIX века окончательно переломило традицию. В больших семьях детей делили на группы — по возрастному, а не по половому признаку. Этот порядок был удобен и выработан самой жизнью; его придерживались как в аристократических, так и совсем простых семьях. Дочь Л. Н. Толстого рассказывает, что «наша детская компания разделялась на две группы — больших и маленьких — big ones и little ones»⁷⁹. В доме князей Львовых «дети делились на три серии — двое старших братьев, Алексей и Владимир, и двое младших, Сергей и я, между этими сериями 10—12 лет разницы, и сестра Мария, младше меня на четыре года»⁸⁰. Такой же порядок, как вспоминает советский литературовед, был обыкновенным некогда и в семье его отца: «Четырнадцать человек детей моего деда были разделены бабушкой на три отряда: когда одни ели, другие учились, третьи гуляли»⁸¹.

В семьях с большим числом детей, как правило, совместное обучение мальчиков и девочек продолжалось до подросткового возраста. Затем для мальчиков приглашались учителя, с ними рядом появлялись гувернеры, и с этого момента они существовали в своем особом мире: «...Мальчики от меня отошли. Я с ними виделась редко. Они жили внизу с Федором Федоровичем»⁸² и отныне не посвящали сестру в прежде общие игры и разговоры. И это понятно — мальчиков готовили к поступлению в университет или к военной карьере.

Купечество сохраняло привычный уклад и в конце XIX века. В старинных купеческих семьях предполагалось, что мальчики должны, продолжая традицию, стать купцами, научиться получать хорошие доходы, развивать дедовское дело. Для этого их учили «писать по-русски не столько правильно, сколько по-конторски красиво, считать, знать четыре арифметических правила, счета, учитывать векселя». Многие вели торговлю с немцами и поэтому мальчиков обучали немецкому. Получение более глубокого образования не приветствовалось — как утверждали в этой среде, «наука плохо кормит». Более того, считалось, что, если юноши будут слишком хорошо образованны, они начнут «брезговать» отцовским делом, и тогда оно будет обречено⁸³. Купеческие дочери должны воспитываться в строгости, быть послушными и скромными, уметь вести хозяйство. Их, как правило, обучали дома.

Подобный подход был общим для патриархальных семей разных сословий. Характерные результаты показало анкетирование, проведенное среди крестьян Центральной России в начале XX века, незадолго до революции. Отцы семейств в целом за получение детьми образования, но если против обучения мальчиков высказалось всего 4 процента, то обучение в государственных школах девочек вызывало возражение уже у 20 процентов. Причем девочек, по мнению анкетированных, следовало обучать в гораздо меньшем объеме, им достаточно знать молитвы, немного читать и писать; их учение должно было носить религиозно-нравственный характер, дабы подготовить их к роли будущих матерей и воспитательниц детей⁸⁴.

Были, однако, и противоположные примеры, когда отцы, сами не получившие настоящего образования, великодушно стремились дать его своим дочерям. Во время ревизии Борисоглебской женской гимназии с родителями учащихся бе-

седовал инспектор учебного округа. Среди его собеседников были местный купец, сам не получивший никакого образования, и полицейский урядник, также человек малообразованный, но гордившийся своей дочерью, которая получала высшие баллы по всем предметам. В этой гимназии к моменту ревизии учились 246 гимназисток, из них 76 процентов принадлежали к купеческому, мещанскому и крестьянскому слоям⁸⁵.

«В семье нас держали строго,
очень строго...»

В литературе встречаются многочисленные рассказы о том, что мать не была ласкова с детьми, об отчужденности между детьми и родителями. Общий уклад патриархальной семьи исключал близость между родителями, стоявшими на самом верху, и теми, кто занимал низшие ступени семейной иерархии, — детьми. В том, что между родителями и детьми зачастую существовала большая дистанция, немалую роль играл фактор многодетности. Так, мать мемуаристки Водовозовой Цевловская прямо говорила: «Женщина, рожавшая шестнадцать раз, не может быть нежной матерью». Также важное значение имели патриархальные представления о том месте, которое занимают в семье и обществе дети.

Отец институтки Александры Гонецкой «не только ни разу не навестил ее, но, будучи человеком весьма зажиточным, не посылал ей даже ни гостинцев, ни денег, хотя по натуре вовсе не был скупым. Он не выказывал ни жене, ни дочери никаких чувств, так как находил, вероятно, что простые человеческие отношения к близким могут уронить в их глазах его авторитет главы семейства... Он наставительно и торжественно внушал ей, что она обязана видеть в нем только отца, а не свою “подружку-милушку”... Ни малейшего спора не только с дочерью, но и с женою он не допускал, усматривая в этом унизительную для себя фамильярность»⁸⁶.

Конечно, взаимоотношения отца и детей часто принимали и иной характер, но общим все равно было сохранение дистанции со стороны отца, чувство почтения и страха со стороны детей. Мы уже приводили подобного рода свидетельства

современников, и этот ряд можно продолжать, кажется, до бесконечности: «Отец любил меня страстно, но в обращении со мной он был необыкновенно сдержан, а я боялся его более, нежели любил» (Д. Н. Свербеев), «В семье нас держали строго, очень строго» (В. Н. Фигнер), «Папа́ мы боялись, несомненно, больше, чем меня — мои дети» (С. Е. Трубецкой); можно вспомнить и множество примеров из русской классики — от княжны Марьи Болконской до героя тургеневской «Первой любви», который имеет отчетливые автобиографические черты, и т. д., и т. п. В рассказах об отце патриархальной семьи очень часто мемуаристы упоминают глагол «бояться».

Ничем в этом смысле не отличалась от классических русских патриархальных семей и «первая семья», как сказали бы современные политологи. Николай I очень любил своих детей, играл с ними, что было для них настоящим праздником, умел быть по-настоящему обаятельным в кругу семьи, но при этом сыновья, особенно наследник, Великий князь Александр Николаевич, отчаянно боялись отца.

Традиционная культура — культура ограничений — держалась на соблюдении правил в соответствии с семейной и общественной иерархией. Так повелось издревле. «Любя сына, сокрушай ему ребра», «беречь розгу — портить ребенка», — учила древнерусская педагогика. «Обращаясь к непосредственным рекомендациям относительно “попечения о чадах”, встречающимся в древнерусской дидактической литературе, необходимо заметить, что они крайне однообразны и основаны на представлениях о жесткой внутрисемейной субординации, а также сугубо репрессивных методах воспитания... Детям, соответственно, предписывается абсолютное послушание родителей: брань и злословие в отношении отца и матери считается тягчайшим грехом. Вряд ли эти и подобные им этико-педагогические декларации были общеобязательной практической нормой, однако нет сомнения, что и в домосковской Руси, и в XV—XVII веках беспрекословное подчинение родителям, поддерживавшееся и устным внушением, и телесными наказаниями, было основой отношений внутри семьи»⁸⁷.

Как вспоминает мемуарист, во времена его детства «в большом ходу были ременные плетки, продававшиеся в игрушечных и щепяных магазинах, и эти плетки даже дарили детям на

елку... и по девочкам ходила розга и плетка. Мать моя тоже не делала исключения для моих маленьких сестер. Плетка имела гражданственность, была какой-то неременной принадлежностью воспитания и учения... Делалось это добродушно, без злобы, но делалось»⁸⁸.

Как утверждают исследователи, в XIX веке регулярным физическим наказаниям в воспитательных целях подвергались более 90 процентов детей, и этот показатель снижался очень медленно: к концу XIX века цифра уменьшается до 30 процентов. Даже в начале XX века в российском законодательстве сохранялась статья, которая давала право родителям без всякого суда подвергать своих детей тюремному заключению от двух до четырех месяцев (Уложение о наказаниях, ст. 1592).

Споры о том, уместны ли физические наказания при воспитании детей, ведутся со времен Жан-Жака Руссо. Эта тема очень болезненна, она каждого задевает за живое — все мы были детьми, у многих есть дети, — и любая точка зрения неизбежно вызывает отпор, порой весьма эмоциональный.

Гуманистические идеи, проповедующие полный отказ от физических наказаний детей, завоевали абсолютную популярность в середине XIX века, когда, как говорят социологи, «проективно-репрессивная» модель воспитания сменилась «либерально-диалогической».

Ныне социологи говорят о большом числе детоцентристских семей в России. Ребенку в такой семье, пока он мал, оказывают избыточное внимание: его наряжают в недешевые ныне наряды, еще в младенческом возрасте отдают в специальные «продвинутые» группы с дорогостоящими педагогами, предлагающими «развивающие практики», задаривают множеством игрушек. Фактически в такой ситуации ребенок сам превращается в игрушку старших. С ним тетешкаются, пока он не требует подлинной заботы. Но вот ребенок вступает в подростковый возраст, «именно тот возраст, в котором так много опасностей», как говаривала графиня Ростова. А подросток совсем не так мил, как малыш, и требует гораздо больше сил и настоящей, очень серьезной душевной работы. На это многих родителей уже не хватает, тем более если дети не оправдывают их честолюбивых надежд. Бремя же родительского честолюбия особенно велико, если ребенок в семье один (а это — самая распространенная ситуация).

Хорошо воспитанный ребенок патриархального общества не имел привычки брать со стола лучший кусок, капризничать, он придерживался жесточайших табу (например, не мог повышать голоса, а тем более поднять руки на отца и мать); еще он очень хорошо осознавал, что занимает подчиненное место в семейной иерархии. Отношения взрослых и детей безусловно строились по системе господство — подчинение. Права родителей не подвергались сомнению; повторялась максима: кто умеет подчиняться — сумеет и повелевать.

Современный ребенок из детоцентристской семьи, разумеется, ощущает себя совершенно иначе — ведь мир вращается вокруг него. В некоторых обществах (например, в США) обыкновением стала другая крайность, ставящая под вопрос святость семейных отношений вообще (когда ребенка поощряют подавать в суд на своих родителей даже за легкое «физическое насилие»). Это вторжение в интимнейшую сферу человека подрывает самые основы семьи.

Несколько слов в сторону:
иерархия

Представление об иерархии в самом широком смысле крайне важно для человека — речь идет, разумеется, не только о выстраивании членов сообщества по рангу в соответствии с их значимостью: это и иерархичность всех предметов и явлений окружающего мира, осознание их степени значимости и соподчиненности, умение отделять важное от второстепенного. Понимание иерархии вещей и людей и собственного места в этой совокупности помогало личности адаптироваться в сложном мире, не растрчивать силы на поиск очевидного, давало ощущение стабильности.

Да и родная речь — русский язык — имела разработанную грамматическую форму, отражающую социальную иерархию. Обращение на «вы» и по отчеству само по себе предполагало признание старшинства и авторитета того, к кому обращаются. Во французском и немецком языках также существуют местоимения «вы» и «ты», а в английском — только «вы» (you), хотя широко распространено заблуждение, будто в английском языке есть только «ты».

В последние годы мы наблюдаем, как исчезает из употребления отчество, что может привести к непредсказуемым по-

следствиям в отношениях внутри, к примеру, трудовых коллективов: естественные в таких случаях отношения господства и подчинения нарушаются на уровне языка — на бессознательном уровне. Пожалуй, остались две профессии, где употребление отчества сохраняется, — это врачи и учителя. Красноречивый факт.

Некогда Лев Толстой стремился ввести гуманистические правила в Яснополянской школе. Его педагогический эксперимент, просуществовав короткое время, провалился: утопией оказалось пресловутое равенство ученика и учителя (подобную же ошибку совершают матери, стремящиеся играть роль «подружек» своих дочерей, которые нуждаются именно в матерях, подружки у них и так есть). Известно, что судьбы многих бывших воспитанников школы в Ясной Поляне складывались неудачно, им трудно было найти свое место в социуме, сравнительно высок был среди них и процент самоубийств.

Нарушение чувства иерархии в широком смысле вызывает неврозы, беспокойства, колеблет уверенность в себе и окружающем...

Пока существует семья, будет сохраняться и репрессивная модель воспитания. Воспитатель и воспитуемый в принципе не могут находиться на равных, восприятие ребенком новых знаний и навыков — дело трудное, оно возможно лишь при наличии авторитета старшего. Старший и младший в процессе обучения и воспитания ведут диалог, но это отнюдь не диалог равных. В подавляющем большинстве случаев для воспитания детей необходим жесткий контроль, принуждение, каждодневный труд воспитателя и ученика. Это особенно хорошо известно родителям великих музыкантов, тренерам, вырастившим выдающихся спортсменов.

Это отношение к воспитанию детей ярко проявлялось в учебных заведениях. И для женских, и для мужских заведений были характерны жесткая дисциплина (для мальчиков она была особенно суровой), постоянный надзор, напряженный трудовой ритм, отсутствие излишеств в еде и роскоши в одежде, продуманная система наказаний, выработка гигиенических навыков. Воспитание традиционно основывалось на системе запретов и ограничений; более жестким, даже жестоком оно было в кадетских корпусах, где готовили будущих офицеров, более мягким, исключая физически наказания, — в Мариинских женских институтах (наиболее гуманным учебным

заведением для мальчиков был университетский Благородный пансион в Москве⁸⁹).

Воспитание в патриархальной семье XIX века проводилось жестко, неуклонно, по отработанной всем известной схеме. И мальчики, и девочки воспитывались с младых ногтей в соответствии с семейной иерархией, незаметно впитывая всеми порами, как родную речь, все тонкости социальной организации общества.

Хотя общество быстро менялось, многие черты прошлого сохранялись. В купеческой ли семье, крестьянской, мещанской или дворянской — порядки были схожи. «Батюшка продолжал быть со мною строг, и я девушкой так же его боялась, как и в детстве. Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала. Я была в ужасе от него, не смела подумать противоречить ему даже мысленно»⁹⁰, — вспоминала А. П. Керн.

И в купеческой, и в дворянской семье обыкновенно «мальчики имели больше свободы и независимости. Правда, в учении с них требовали больше, чем с девочек...»⁹¹. Сыновья сами могли выбирать круг своего общения, посещать множество мест, в которые девушкам доступа не было, читать любые книги, вести переписку с разными лицами.

Свободнее были мужчины и в выборе невесты. Для девушек правила были иными. Главным достоянием барышни была ее чистота. Замуж могла выйти и некрасивая, и бесприданница — если удача будет на ее стороне; но девушка, унившая себя, унижала всю свою семью. Поведение девушки должно было быть безупречным, ее манеры не должны были давать повода сомневаться в ее нравственности. Остаться с чужими мужчинами наедине, одной выходить на улицу, вступать свободно в переписку, даже с подружкой, — все это было исключено. С девушкой постоянно кто-то был, а переписка ее просматривалась. Соблюдать все эти условия было прямым родительским долгом. Старый князь Болконский, прекрасно понимая высоконравственный характер своей дочери, тем не менее время от времени читал ее письма к подружке Жюли.

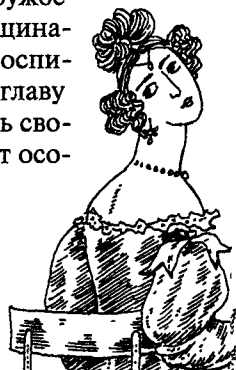
Девушка обязана была всегда находиться в поле зрения старших. Здесь, пожалуй, на ум приходит народное опасение «как бы в подоле не принесла». Постоянными были замечания: «если будешь плохо себя вести, никто замуж не возьмет», «в девках останешься» и т. д.

Важнейшее значение для социализации человека имело обыкновение окружающих взрослых говорить ему правду без прикрас. Ребенка не щадили — девочке, к примеру, повторяли, и часто с любовью: «Ты, можно сказать, круглая сирота, не одарена красотой, стало быть, только одним можешь сделаться приятной людям: образованностью, умом и добротой»⁹². В этом не было жестокого отношения к ребенку, напротив — присутствовало осознание своего долга перед ним...

Здравый смысл диктовал необходимость подготовить сознание подростка к будущим трудностям, к возможности перемен, научить воспринимать их как должное, воспитывать трезвое, не мифологическое отношение к жизни. Деньги, приданое, служба и карьера, богатство и бедность, особенности характера и тонкости семейных взаимоотношений — все эти категории обсуждались откровенно. И поэтому вхождение во взрослую жизнь не сопровождалось такими сложностями, как нередко бывает в современном обществе.

Иерархия в семье: место ребенка

Важнейшую роль в семье играло сохранение соответствующей дистанции между всеми, кто не являлся в полном смысле ровней. Строгие правила этикета гласили: «Между мужем и женой, братом и сестрой, дядей и племянницей, кузеном и кузиной всегда должно чувствоваться расстояние, созданное различием полов: с одной стороны, необходимы скромность и сдержанность, с другой — уважение и предупредительность... фамильярность и совершенная свобода в дружбе может существовать между мужчинами или между женщинами, но немыслимы между мужчиной и женщиной»⁹³. Воспитывая юношу, старшие понимали, что растят будущего главу семьи, кормильца, чья обязанность в будущем защищать своих близких и заботиться о них, и потому он заслуживает особого отношения.

Сохранение дистанции между людьми, не находившими-ся в действительно близких родственных отношениях, оставалось правилом вплоть до 1917 года: «Отношения между светской молодежью казались нам простыми и действительно таковыми и были. Но какими “чопорными” кажутся наши тогдашние отношения современной молодежи! Никому из нас и на ум не приходило звать, особенно в лицо, наших дам уменьшительными именами. Я, как и все, называл моих бальных, восемнадцати-девятнадцатилетних дам (кроме родственниц, конечно) — “княжна”, “графиня” или по имени и отчеству, если они не имели титула. Они все называли меня “князем”»⁹⁴.

Безусловное почтение и послушание ожидалось от взрослых детей. Вронский, который свою мать не любил, тем не менее, «по понятиям того круга, в котором жил, по воспитанию своему, не мог представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных» («Анна Каренина»).

Будущий теоретик анархизма Кропоткин рассказывает в воспоминаниях о своей семье, в которой, согласно традициям дворянской среды, дети в сопровождении гувернера спускались вниз здороваться с родителями, целовали им руки, а «выполнив все это», «немедленно уходили к себе наверх. Эта церемония повторялась каждое утро»⁹⁵. Подобные сцены можно встретить у многих мемуаристов и, разумеется, в художественной литературе. Читаем у И. А. Гончарова: «Мама была строга и серьезна, никогда не шутила, почти не смеялась, ласкала мало, все ее слушались в доме: няньки, девушки, гувернантки делали все, что она приказывала... В детскую она не ходила, но порядок был такой, как будто она там жила... Мама, прежде нежели поздоровается, пристально поглядит мне в лицо, обернет меня раза три, посмотрит, все ли хорошо, даже ноги посмотрит, потом глядит, как я делаю кникс...» («Обрыв»).

Этот порядок, обыкновенный в дворянской среде, был воспринят во второй половине XIX века культурными купеческими семьями. Об этом вспоминает В. Н. Харузина, дочь состоятельного купца: «...Мама держалась далеко от детской — согласно укладу жизни того времени»⁹⁶. Ей вторит Е. А. Андреева-Бальмонт, тоже дочь богатого купца: «Родите-

лей своих мы до восьми лет мало видели, так же как и старших сестер и братьев. К матери нас водили здороваться каждое утро на минуточку. Войдя в ее спальню, мы подходили к ней по очереди, целовали ее в лоб, который она подставляла нам»⁹⁷.

Для хозяйки богатого дома и матери множества детей другой способ общения со своими, как правило, многочисленными отпрысками был невозможен, если она стремилась поддерживать определенный образ жизни и иметь досуг для множества дел: быть ухоженной, всегда нарядной, вести дом и хозяйство, присматривать за прислугой, следить за обучением детей, подбирать учителей, принимать гостей и наносить визиты, а еще следить за литературными новинками, бывать на концертах, выставках, в театре (если речь идет о столичных жительницах). Множество детей, широкий круг домочадцев, большое патриархальное хозяйство отнимали все силы матери-хозяйки.

Воспитание: распределение ролей

Именно делом матери было подобрать няню, бонну, гувернанток и учителей: «Вся ее молодая жизнь протекала в заботах о нас. Я не ценила этого; думаю, что и другие дети тоже. Мы считали это как бы должным. Несмотря на ее заботы, наружно мать казалась с нами строга и холодна. В детстве она никогда не ласкала нас, как отец; она не допускала с нами никаких нежностей, отчего я в душе своей часто страдала, но к 14—15 годам мне удалось побороть эту мнимую холодность и вызывать в ней сочувствие и ответ на мою любовь и ласку, и я почувствовала, что для нас, детей, в семье мать была все»⁹⁸, — рассказывала о своей матери спустя десятилетия мемуаристка. Опять-таки речь идет об известном стереотипе поведения матери, чему свидетельством являются бесчисленные воспоминания.

В семье каждый играл свою роль. В воспитании детей в той или иной степени участвовал, кроме родителей, очень широкий круг людей: дедушки и бабушки — как родные, так и двоюродные, тети и дяди, няни, гувернантки, учителя, сестры и братья, близкие знакомые. Само существование ребенка среди большого количества мужчин и женщин разного воз-

Э. Шанкс. Наем гувернантки. 1913

раста, сословной принадлежности, уровня образования и т. д. имело воспитательное значение. Подросток каждый день сталкивался с разнообразными мелкими и крупными происшествиями, суждениями, поступками, переживаниями. Это само по себе было школой.

В современной семье эта сложная структура взаимоотношений максимально упрощена: все роли ныне исполняют родители (а нередко, увы, одна лишь мать): от них исходят любовь и строгость, требовательность и понимание, наказание и поощрение.

В патриархальной же семье родители представляли высшую власть, а ласку и нежность, утешение во всех детских печалях дети получали от няни. Удивляет точность, с которой на место няни подбирали в подавляющем большинстве случаев подходящего на эту роль человека. Очень часто характеристика, данная няням самыми разными мемуаристами, совпадает: «Она одна, как умела и как могла, любила и ласкала нас, ее одну мы могли любить и ласкать без стеснения» (В. Фигнер); ее «радость и горе были исключительно связаны с нашей жизнью» (Е. Н. Водовозова), «она беззаветно любила нас» (М. В. Елагина (Беэр)); «просто и бездумно набиралась от нянюшки живительных флюидов любви, которые и сейчас меня поддерживают» (А. Тыркова-Вильямс); няня «была духовным барометром дома» (Т. А. Кузьминская), «счастье входило вместе с ней в семью» (Д. С. Лихачев) и т. д.

Индивидуальность няни, как правило, женщины, не создавшей собственной семьи, проявлялась через чувство безоглядной любви. «Они, верные, любящие своих питомцев порой крепче, нежели их любили родители, являлись неотъемлемой принадлежностью каждой более или менее состоятельной семьи... После революции няни постоянно оставались с бывшими своими господами на правах любимых и уважаемых членов семьи и делили вместе со всеми невзгоды и радости. Случалось, когда родителей арестовывали, детей воспитывала няня, становившаяся главой семьи или до возвращения узников, или до тех пор, пока воспитанники не вырастали. Сейчас таких нянь больше нет, они просто вымерли»⁹⁹. Исчез и слой, поставивший в город множество женщин, готовых жить в чужой семье и растить чужих детей. Няни «старого типа» воспитали многих людей, жить которым пришлось уже при совет-

ской власти (например, прекрасных историков А. Я. Гуревича и С. О. Шмидта).

Если родители не отправляли своих дочерей в пансионы или институты, их образованием занимались гувернантки. Удачно выбранная гувернантка становилась по-настоящему близкой своим воспитанницам, оказывала огромное влияние на формирование их личности, на всю их будущую жизнь. Такими были гувернантки дворянки Анны Керн во второй четверти XIX века, купеческой дочери Веры Харузиной в начале XX века и множество других.

Графиня Софья Андреевна Толстая пишет своей сестре Татьяне о гувернантке детей: «Ханна у них у всех до сих пор считается первым человеком в мире, и, я уверена, никого они так уже любить не будут». Ее дочь комментирует эти строки: «Мамá своим материнским сердцем верно поняла наше чувство»¹⁰⁰. Бывало и так: «любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшей всякую другую власть»¹⁰¹, — вспоминала А. П. Керн. В культурных семьях, где уделялось большое внимание образованию детей, было заведено, что в установленный гувернанткой порядок никто не вмешивался — то есть, поступая под начало гувернанток, дети целиком оказывались в их власти.

Хотелось отметить, что, перейдя под опеку гувернанток-иностранок, дети обычно сохраняли тесные отношения с няней. Перед ребенком открывались новые горизонты, но при этом не происходил отрыв от родных корней. На домостроевские традиции, присущие патриархальному обществу, накладывались европейские новации. Так воспитывалась терпимость к иной религии, иному образу мыслей...

Главные направления воспитания и образования девочки

Воспитание ребенка в патриархальном обществе могло идти успешно лишь в том случае, если воспитатели ориентировались на выработанный этим обществом идеал — некий абсолютный критерий, на который, подобно эталонам мер и весов, равнялись все. Социализация ребенка во многом зависела от

его соответствия принятой норме. Причем с особо жесткой меркой патриархальное общество подходило к женщине.

Воспитание неотделимо от учения, но начинается оно много раньше, с самого рождения ребенка, когда младенец безотчетно впитывает информацию об окружающем мире — своем положении в нем, статусе окружающих его лиц, получает поощрения или наказания, которые служат ему путеводной нитью в сложном мире и помогают выбрать правильный путь.

Учение начиналось рано, лет с четырех-пяти. Первой учительницей, как правило, была мать, которая обучала детей русской грамоте, началам французского языка и основам Закона Божьего. В случае, если семья была двуязычна, язык матери становился главным. Позже, когда учение становилось главным занятием детей, к ним приглашали гувернантку.

Как мы уже говорили, при воспитании и обучении детей важная роль отводилась дисциплине. Софья Ковалевская вспоминала, как в детстве приходилось вставать в семь, когда «на дворе только что начинает светать». По «английской манере» ее каждое утро обливали холодной водой. В случае провинности на спину прикалывалась бумажка, на которой крупными буквами была прописана ее вина. Подобной схемы в целом придерживались и в других семьях.

Особое внимание уделялось изучению иностранных языков, прежде всего, разумеется, французского. Знание иностранного языка было особым маркером, который сразу отмечал место человека в социальной иерархии. Безупречное владение французским сразу демонстрировало статус семьи девушки, подчеркивало ее образованность и светскость.

Важнейшим пунктом подготовки девушек была музыка. Музицирование — одно из главнейших женских очарований. Прекраснейшие страницы русской классической литературы посвящены музыке: вспомним, как Лиза и Варвара Павловна на два голоса поют «У дороги ива» (И. С. Тургенев. «Дворянское гнездо»), как влюбленный в Одинцову Аркадий наслаждается игрой на фортепиано ее сестры Кати (И. С. Тургенев. «Отцы и дети»), вспомним дуэт Лизы и Полины (А. С. Пушкин. «Пиковая дама»), волшебное действие голоса Наташи Ростовской на окружающих (Л. Н. Толстой. «Война и мир»), *Casta diva* в исполнении Ольги Ильинской и потрясенного «до изнеможения» ее пением Обломова (И. А. Гончаров. «Обломов»).

Одним из возможных прототипов Наташи Ростовой была Татьяна Кузьминская, сестра жены Толстого. В своих воспоминаниях она не раз говорит о музыке и пении. Именно Татьяне Кузьминской Афанасий Фет посвятил знаменитое стихотворение:

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

В документах личного характера мы постоянно встречаем рассказы, свидетельствовавшие о глубоком знании европейской музыки, упоминания о посещении оперы, домашних концертах. Русские женщины с таким же нетерпением ожидали новых нот, как новых книг.

Легкость игры, мастерство пения обретались тяжким трудом. Рассказ Софьи Ковалевской о том, как проходили уроки музыки, почти дословно совпадает с воспоминаниями Анны Керн: «В большой зале наверху, в которой стоит рояль, температура весьма прохладная, так что пальцы мои коченеют и пухнут, и ногти выступают на них синими пятнами» — и так каждый день полтора часа, пока не закончится урок музыки.

Большое место в расписании занятий занимали танцы. Девушка должна была обладать легкой походкой, изящными и точными движениями, прямой, но естественной осанкой. Хорошая гувернантка обращала на эту сторону подготовки воспитанницы особое внимание: «В сумерках она (гувернантка. — *Авт.*) заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила нас, стоящих у кровати, петь французские романсы»¹⁰². Все это не отменяло знания народных музыки и танцев. Вспомним эпизод из «Войны и мира» — танец Наташи Ростовой в доме дядюшки после охоты.

Как правило, судя по мемуарной литературе, уроки танцев давались для детей из нескольких семейств сразу. Во время них дети знакомились между собой, учились общаться друг с другом: «...К нам приезжали учиться танцевать трое детей

Марии Николаевны Толстой, сестры Льва Николаевича. Это были первые мои друзья детства — Варя, Лиза и брат их Николай»¹⁰³.

Женщина патриархальной культуры не должна была сидеть сложа руки. Девушки воспитывались в уверенности, что безделье — неприлично. Бездеятельность, праздность безоговорочно осуждались. Академик Д. С. Лихачев вспоминал: «Характер у деда был тяжелый». Он специально «следил, чтобы никто в семье не сидел без дела и не “точил лясы”. Приоткрывает дверь в столовую, посмотрит на всех женщин тяжелым взглядом и иногда произнесет: “Ишь, дармоедки”. Поэтому в обычае было в доме на всякий случай держать женщинам рукоделье на коленях. Заслышат шарканье дедушкиных туфель и схватятся — кто вязать, кто штопать, кто чинить что-нибудь»¹⁰⁴.

В обеспеченных помещичьих семьях самим хозяйкам не было надобности заниматься починкой белья: здесь были распространены изящные рукоделия, мода на которые время от времени менялась. Было принято украшать вышивками кисеты для табака, домашние туфли, подушки, ширмы, скатерти, салфетки... Женщины своими руками изготовляли подарки близким — отцам, мужьям, братьям, другим родственникам и друзьям.

Это стало обычаем для русских дворянок. Присяжный поверенный Н. П. Карабчевский приводит пример столь же символический, сколь и комический: его подзащитная Екатерина Брешко-Брешковская, знаменитая в будущем «бабушка русской революции», сидя в тюрьме в ожидании приговора, вышла полотенце «в малороссийском духе» со словами «memento mori» для своего адвоката¹⁰⁵.

Девушки из небогатых семей непременно учились кройке и шитью. О старшей из сестер Берс, Лизе, девушке образованной, Татьяна Кузьминская вспоминала: «Она весь день занята. Теперь она учится кроить и шить и сама, по своей охоте, сшила себе платье, которое прекрасно сидело на ней»¹⁰⁶ (а ведь покрой платьев тех времен были сложны). Соня Берс, средняя сестра, получила, выходя замуж, в приданое знаменитую машинку «Зингер».

Иногда умение кроить и шить становилось для бедных дворянских девушек профессией, помогало им прокормиться.

Семья Александры Успенской разорилась после смерти отца. И тогда Александра стала зарабатывать — шить столовое и постельное белье, чехлы на мебель. «Шить я умела, — этому научила меня мать, я и белье, и платье сама шила для себя», — вспоминала мемуаристка¹⁰⁷. Хорошо известно, как после революции, в эмиграции владение «женскими ремеслами» не только спасало людей от голодной смерти, но и становилось источником творчества.

Героини гончаровского «Обрыва» юные Верочка и Марфинька очень различаются по характеру, по жизненным целям. Одна с молодых ногтей мечтает о замужестве, собственной семье, другая полна стремления к новому, неизведанному. Но обучены они одинаково: умеют кроить, шить. Девушки, не умеющие рукодельничать, то есть получившие неполноценное воспитание, прекрасно осознавали этот изъян. Вот что говорит тургеневская Ася: «Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо». Знание языков, как она была уверена, картину исправить не могло. Асе вторит дочь миллионера из мужиков Мария Николаевна Полозова: «Я не учена, и никаких талантов у меня нет. Писать едва умею... право; читать громко не могу; ни на фортепьяно, ни рисовать, ни шить — ничего!» («Вешние воды»).

Особое значение в развитии женщин имело чтение. Вспоминается замечание Н. М. Карамзина, говорившего, что главная аудитория, для которой он пишет, — женская. Это не пустая фраза: мало кто может быть столь благодарным читателем, чем одаренная в эмоциональном смысле женщина, тем более что для женщин, жизнь которых была заключена в определенных рамках, чтение во многом заменяло реальность. Знание литературы, умение тонко ценить поэзию позволяло девушкам чувствовать себя на месте в светском обществе, литературных салонах. Начиная с Татьяны Лариной, героини русской литературы видели в поэзии способ выражения своих чувств.

В эпоху Просвещения чуть ли не каждый десятый женский портрет изображает модель за чтением, утверждает исследовательница¹⁰⁸. Русские образованные женщины, судя по их дневникам, мемуарам и письмам, много читали. Вряд ли только галантность путешественника заставила Теофиля

Готье, побывавшего в России в 1858—1861 годах, написать: «Женщины очень развиты. С легкостью, вообще характерной для славян, они читают и говорят на разных языках. Многие читали в подлиннике Байрона, Гёте, Гейне, и, если их знакомят с писателем, они умеют удачно выбранной цитатой показать, что читали его произведения и помнят об этом»¹⁰⁹. Исследователь констатировал: «при общении представителей того и другого пола влияние женщин на мужчину всегда бывает сильнее, чем мужчины на женщину. Но для этого у женщины должно быть образование. Литература — основа женского образования»¹¹⁰.

Девочек приучали вести дневник, чтобы систематизировать впечатления, научиться выражать мысли, подводить итог прожитому дню, видеть свои достижения и промахи. Ведение дневника — это прежде всего внимание к себе самой, своему душевному пространству, миру эмоций, самоанализ, привычка к постоянной рефлексии. «Писание дневника еще должно приучать тебя все глубже погружаться в недра своей души, чтобы отыскивать причины причин — не только дурных поступков своих, но и недобропорядочных побуждений...»¹¹¹ — говорил Николай Цвелловской своей дочери. И она свято соблюдала его наказ.

Авторы дневников, этих личных документов, нередко вызывают читательское восхищение: прекрасный образный язык, наблюдательность, глубина психологических характеристик, бытовые зарисовки, картины природы, осмысление человеческого опыта, такт и житейская мудрость — все это показывает, насколько незаурядными были эти женщины. В качестве примеров назовем воспоминания Е. Н. Водовозовой, А. П. Керн, Т. Б. Пассек, Т. А. Кузьминской, Е. И. Жуковской, Екатерины Великой, Н. П. Грот, Н. Трухановой, А. Панаевой и, разумеется, «Рассказы бабушки», записанные ее внуком Д. Благово.

Потом, уже в XX веке, академик А. С. Орлов скажет академику Д. С. Лихачеву, что русский язык самый богатый и правильный у среднеусадского дворянства¹¹², а ведь из этого слоя вышли почти все наши писатели. Язык ребенка — это язык матери.

Как быть красивой

Девушек учили быть красивыми. А красота, как были уверены наши предки, заключается отнюдь не в совершенных чертах лица и идеальной фигуре. Женственность, изящество, грациозность, мягкость голоса, хорошая осанка, легкая походка, опрятность, сдержанность манер, доброжелательность — совокупность этих черт и составляла привлекательный женский образ. Соответствовать ему девочек учили целенаправленно и с самого раннего возраста. Рассматривая старые фотографии, мы видим, как сидят или стоят женщины: положение их ног, коленей, рук, поворот головы — не случайны, но не искусственны и — непременно красивы, скромны, женственны.

В пореформенный период подобные уроки многим казались излишними. «Без всяких хлопот о женской грации женщина не будет ухватками походить на мужчин, потому что размашистые резкие движения несвойственны ее природе. Никогда не слышно было опасений того, чтобы женщина заговорила басом»¹¹³, — уверяла журналистка. Увы, время опровергло ее безапелляционное утверждение. Выработка «красоты форм жизни» требует серьезных усилий, и ныне мы видим вокруг множество женщин, мужеподобность которых отнюдь не обусловлена гормональными нарушениями. Хриплые прокурные или визгливые голоса, тяжелая походка, решительный тон, развязные позы, напористость — таких женщин немало. По роду деятельности нам часто приходится заниматься в библиотеках. Нельзя не обратить внимание на то, как часто тишину читального зала нарушает звук тяжкой, громкой поступи женщин, изящные фигуры которых совсем не оправдывают столь вызывающего шума. Но в современной «демократизированной» культуре на подобные «мелочи» внимание обращают не часто.

Обществу необходим эталон, на который можно было бы равняться, образец, с которого можно было бы брать пример. Общепринятый образец, признанный всеми идеал необходим и при создании семьи, обустройстве дома и сада, выборе манеры поведения на улице и в кругу близких и, разумеется, при воспитании детей. Отсутствие представления о норме в обществе опасно — это создает напряженность даже в самых обы-

денных ситуациях, заставляет метаться между крайностями, лишает жизнь устойчивости, ведет к общественным неврозам и фобиям.

В тысячах дворянских семей по всей России воспитывали девочек-подростков по одному канону: четкое расписание дня, жесткая сетка уроков, систематическая дисциплина, неуклонно — наказания за проступки и — труд, труд и труд. Так росли девочки в институтах благородных девиц, в пансионах, в семьях.

Женский идеал, облаченный в слово

Русская семья и общество на протяжении XVIII — начала XIX века вырабатывали образцовую модель поведения для женщины. Был создан умозрительный идеальный женский образ, который негласно признавался всеми. Описание этого идеала мы встречаем везде и повсюду — на страницах мемуаров, в переписке, дневниках, художественной литературе.

Его составляющими, кроме женственности, привлекательной внешности, изящества в движениях, были умение сохранять достоинство, сдержанные уверенные манеры, естественность поведения, спокойствие и ровный тон. Мы встречаем этот образ повсюду: «Все просто, тихо было в ней» (А. С. Пушкин), «знакомые и приятные Левину приемы женщины большого света, всегда спокойной и естественной» (Л. Н. Толстой), «прекрасная собой, прекрасно воспитанная, хорошего рода и тона женщина» (И. А. Гончаров), «она поразила его достоинством своей осанки... спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядели светлые глаза» (И. С. Тургенев). Героини русской литературы — и Каренина, и Одинцова, и Беловодова, и Татьяна Ларина — оригинальные личности, яркие индивидуальности, но при их описании рефреном повторяются слова: спокойствие, непринужденность, простота, изящество, достоинство.

Основополагающую цель воспитания видели в том, чтобы научить девушку владеть своими чувствами, дабы в будущем из нее получилась женщина «хорошего тона и вкуса». Не случайно девушек, даже самых богатых и балованных невест, оде-

вали во много раз скромнее и дешевле, чем дам: «как бы ни был изящен ее (то есть девушки. — *Авт.*) наряд, все он не будет так богат, как дорогое платье дамы»¹¹⁴.

Хочется привести выдержку из прекрасной книги петербургской исследовательницы О. С. Муравьевой: «Мой научный руководитель, известный пушкинист Н. В. Измайлов, прекрасно помнил дореволюционное русское общество. Когда по телевидению демонстрировался многосерийный фильм — экранизация романа А. Н. Толстого “Хождение по мукам”, я спросила у него, насколько похожи герои фильма на офицеров царской армии? “Нисколько не похожи, — твердо сказал Николай Васильевич. — То были интеллигентнейшие люди, а эти... Лица, манеры...” Я примирительно заметила, что все-таки актрисы, играющие Дашу и Катю, очень красивы. Старик равнодушно пожал плечами: “Хорошенькие гризетки...” Конечно, актеры не виноваты: они не могут сыграть людей, которых никогда не видели»¹¹⁵. Примечательный диалог.

Академик Д. С. Лихачев в воспоминаниях приводит отзывы разных людей об особом умении держаться, свойственном русским дамам. Вот характерная цитата: «Когда я был в Белграде в 1964 году, профессор Радован Лалич указал мне на одну пожилую даму: «Сразу видна русская из Петербурга». Почему «сразу»? Держалась очень прямо и имела прекрасную легкую походку»¹¹⁶.

Было выработано и понятие идеальной женской красоты. Наталья Николаевна Пушкина, признанная красавица, муза великого поэта, украшение придворных балов Петербурга, по свидетельству своей дочери Александры Араповой, стеснялась чересчур большого размера своих ступней. Считалось, что женская ножка должна быть маленькой. Подобный же единый мужской стандарт отсутствовал: мужчинам в гораздо большей степени позволялось быть такими, какие они есть.

Во второй половине XIX века лучшие черты, свойственные дворянкам, воспринимались и купечеством. Так, об этом в своих воспоминаниях пишет Е. А. Андреева-Бальмонт¹¹⁷.

Высочайшая *культура* — это не знание математики или физики, а прежде всего умение осмысленно организовать свою жизнь, понимание людей и уважение к ним, такт, способность поддержать разговор, быть красивой, при этом оставаясь достойной хозяйкой и матерью. Конечно, речь идет об идеале, но

на него равнялись, ему пытались следовать. Толстой первоначально вместо светской дамы Анны Карениной хотел сделать своей героиней некую даму полусвета, но потом передумал. Недостаточную воспитанность этой дамы, по замыслу автора, было видно сразу: она брала в рот свое ожерелье — жест немислимый для культурной дворянской девушки, у которой каждый жест, каждое движение были продумано, отточено, грациозно. Достигалось это жесткой воспитательной работой.

Воспитанная подобным образом женщина оказывала неотразимое впечатление на окружающих. Вот что пишет историк Н. В. Ермильченко: «Однажды шотландского поэта Роберта Бернса спросили, в чем состоит наиболее заметное отличие между людьми из высшего общества и остальным населением. Бернс первую половину жизни прожил в деревне среди крестьян, написал там лучшие свои стихи, а когда прославился, его начали принимать и в самых знатных домах столицы Шотландии Эдинбурге. Так что он имел возможность сравнить. Бернс так ответил на вопрос: “Мужчины более или менее везде одинаковы. Но молодая, изящная светская женщина — совсем особенное, чудесное существо, которое нельзя встретить в деревне, да и нигде вообще, кроме большого света”. Пушкин был того же мнения. Им с Онегиным нравились барышни, которые в обществе держались просто, но уверенно, были прекрасно воспитаны, хорошо говорили по-французски, умели скрывать свои чувства, поддерживать беседу на любую тему, а также элегантно и модно одеваться»¹¹⁸.

Перемены в образовании и воспитании девочек

До середины XIX века от девушки требовалась прежде всего воспитанность и в меньшей степени — образование. Но в предреформенные годы серьезнейшей критике подверглось именно женское образование.

В 1847 году увидел свет роман А. В. Дружинина «Полинька Сакс», который получил хвалебные отзывы критиков, в том числе В. Г. Белинского, и мгновенно приобрел популярность у читателей. Героиня романа — прехорошенькая Полинька, выпускница пансиона, сохранившая восприятие жизни две-

надцатилетнего подростка. Она была окружена поклонением родных и знакомых, которые восхищались ее детскостью и наивностью и не находили в ней недостатков. И вот неразвитая, хотя и совсем не глупая Полинька вышла замуж за одаренного чиновника Константина Сакса. Он обожал свою молоденькую жену, но в женитьбе искал подругу, а отнюдь не неразумного ребенка, для которого даже чтение романов Жорж Санд было непосильным трудом. К тому же Полинька, имея чудное меццо-сопрано, не чувствовала музыки и исполняла прекрасные арии, нисколько не понимая их смысла, что было весьма серьезным недостатком для женщины ее круга.

Однажды, когда Сакс уехал в долгую командировку, Полинька по легкомыслию ответила взаимностью на ухаживания некоего князя. Муж был глубоко потрясен и унижен происшедшим, но проявил великодушие: он оформил развод, и Полинька тут же вышла замуж за своего соблазнителя. Молодая пара уехала за границу, чтобы избежать скандального внимания света, и вот там-то пережившая немало душевных мук Полинька вдруг осознала, что любит не молодого веселого князя, столь же инфантильного, как и она сама, а Константина Сакса, «старого» (ему было более 30 лет) и благородного. Вскоре Полинька умерла от чахотки, оставив Саксу письмо с признанием в любви и с мольбами о прощении.

Таков сюжет романа. Для нас он интересен тем, что вызвал живейшую реакцию тогдашнего общества, прежде всего женской читательской аудитории, которая роман мгновенно прочитала. «“Полинька Сакс” облетела всю Россию... не было русского семейства, где бы и матери и дочери не засыпали с этой повестью в руках...»¹¹⁹, и никому роман не показался ни скучным, ни заумным, хотя явно читался не легче, чем романы Жорж Санд... Следовательно, автор задел за живое...

Конечно, на широких просторах Российской империи можно было встретить женщин, подобных Полиньке Сакс. Наш современник, историк, утверждает, что «до середины 1850-х гг. русская женщина была совершенно принижена и играла ничтожную роль в умственной жизни общества»¹²⁰. Но стоит ли этот случай представлять типическим? И можно ли вообразить, что русские женщины той эпохи не соответствовали обществу в целом, были ниже его?

Хотя на публичную критику женских институтов Ведомства императрицы Марии в дореформенный период был наложен запрет, общий уровень образования женщин критиковали жестко. Что же не нравилось многим в воспитании и образовании женщин?

Оказывается, не устраивало буквально все: женское образование сначала ругали за недостаточность, затем — за чрезмерность. Женские гимназии, которые стали открываться повсеместно, сначала заслужили всемерное одобрение родителей, педагогов и любовь учащихся в них девочек, но тут же подверглись критике — теперь уже за излишнюю, как говорили, усложненность программы. Исследовательница истории русского образования Н. В. Христофорова приводит такие слова: «Для какой надобности женщину в средней школе обучают почти по тем же программам, как и мужчину? Для чего изнуряют ее силы, переутомляют умственно и физически, заставляют жертвовать здоровьем и готовят вырождение нации?»¹²¹

Женское образование вызывало нарекания также и за то, что оно было «в значительной степени теоретично»¹²²; журналы наперебой писали об «уродливом воспитании девочек в широких кругах общества», как будто могло существовать некое женское образование, кардинально отделенное от культурного уровня общества, и давали это «уродливое» воспитание и образование некие выращенные где-то в дальних заморских краях педагоги по учебникам, присланным с Луны. Позже феминисткам рубежа XIX—XX веков представлялось, что все дело в отсутствии у женщин свободы в получении образования: дескать, обретя эту свободу, женщины изменятся кардинально в целом. Журналистка рассуждала: «Но покончили ли мы с прошлым? Марья Антоновна и Анна Андреевна, княжны Зизи, Мими, графиня-бабушка, графиня-внучка, плеяды дам губернского города N и другие, имя же им легион, разве отошли они в область минувшего бесследно? Разве на страницах произведений того же Чехова, например, а главное, в самой жизни не встречаем мы их дочерей и внучек, переодетых из “тюрлюрю атласных” в более модные, современные костюмы?», и призывала своих современниц «завоевать себе облик человеческий»¹²³.

Но можно ли говорить о некоем абсолютном уровне образованности женщин безотносительно общего уровня и обще-

ственных потребностей? Прошло более ста лет, а описанные в великой литературе типы продолжают жить среди нас. Да и куда им деться... Думающих людей всегда, в любые эпохи было меньшинство.

Очень часто авторы — и прошлых лет, и современные — любят уточнять, говоря о каком-то персонаже, что он был хорошо образован «по тому времени», или роняют снисходительное: «получила неплохое образование»... Очевидно, предполагается, что разное время предъявляет совершенно разные требования к уровню образования человека. На это очень точно ответил дедушка великой русской поэтессы Анны Ахматовой, которому здравый смысл продиктовал такие строки: «...Господа, не гордитесь, не вы учение, учение современная наука! Как вы теперь знаете науку, так и мы знали науку своего времени...»¹²⁴

Внимание исследователей давно привлекает фигура Елены Андреевны Ган (Фадеевой). Кратко биография Елены Андреевны может быть изложена так. Получив основательное домашнее образование, она вышла замуж за армейского офицера и долгие годы сопровождала его, меняя один гарнизон на другой. Муж оказался много ниже ее по интересам, их семья скиталась по провинциальным гарнизонам, и Елене Андреевне часто не с кем было перемолвиться словом. И тогда она стала заниматься литературой — сначала принялась за перевод французского романа, а когда он был опубликован, решила и на собственное творчество. Ган оказалась одаренной писательницей, ее произведения были оценены, публиковались и даже приносили доход, который был весьма кстати: родились дети, и им следовало дать достойное образование, а денег не хватало. Кстати, старшая дочь писательницы Лоло, или Лолоша, как она ее называла, — это будущая всемирно известная теософка и путешественница Елена Петровна Блаватская.

Посвященная ей статья Е. С. Некрасовой, которая появилась в «Русской старине» в 1886 году¹²⁵, весьма любопытна переплетением противоречивых оценок и взаимоисключающих суждений. Сначала описывается идиллическая картина детства Ган, рисуется привлекательный образ матери, хозяйки усадьбы, умной женщины с широким кругозором, которая, как и дочь, получила лишь домашнее образование, но интересовалась всеми литературными новинками. Мать, с «замечательно солидным образованием» (напомним: домашним),

сумела наладить привлекательный усадебный быт, столь знакомый по тургеневским произведениям, когда каждая минута жизни обитателей усадьбы была исполнена значения и смысла: совместное музицирование, чтение вслух на разных языках, прогулки по саду, долгие беседы по вечерам.

Здесь «постоянно присутствовал литературный, художественный и даже научный интерес»; в свободное время хозяйка отдавалась какому-нибудь изящному искусству или научным занятиям. Она очень любила ботанику, собирала гербарии, зарисовывала растения. После нее остались десятки томов собственноручных рисунков тех растений, которые она собрала и определила сама; осталась и орнитологическая коллекция, часть которой хранится в Музее кавказского общества сельского хозяйства, «минералогическая и палеонтологическая коллекции, а также и собрание древних монет». Это тот самый недосягаемый образец осмысленной прекрасной жизни семьи, выше которого нет.

Подобная характеристика семейного уклада описана в мемуарах С. Е. Трубецкого: «“Пустых”, светских разговоров я почти не слышал...»; вести такие разговоры «считалось в наших семьях унизительным и даже почти неприличным. Отчасти это объяснялось тем, что, благодаря состоянию, “земные” вопросы стояли тогда куда менее остро, чем ныне. Однако приписывать этому все было бы, конечно, неправильно. Культурный уровень наших семей того поколения был, несомненно, гораздо выше нынешнего. Этому есть много веских объяснений и оправданий, но факт остается фактом»¹²⁶.

Неожиданно воспоминание о матери Елены Ган мы встречаем в мемуарах первого русского премьер-министра Сергея Юльевича Витте: «первоначальное воспитание и образование в детстве мы все, три мальчика, получили от нашей бабушки — Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой... Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной веры», внук с гордостью вспоминает о ее «довольно полной» коллекции кавказской флоры «с научно организованным аппаратом», которая была подарена впоследствии Новороссийскому университету¹²⁷.

Но вернемся к статье Е. С. Некрасовой. Будущая писательница Елена Ган получила домашнее образование: ее обуча-

ли русскому, французскому, истории, ботанике, а немецкий и итальянский она выучила позже; она сочиняла стихи, играла на фортепиано и арфе, великолепно рисовала. Понятно, что такой уровень образования могли дать своим детям только обеспеченные и тоже хорошо образованные родители. Замечателен был и круг родственников и друзей семьи. Ее детству было свойственно «обилие умственной пищи, эстетических наслаждений». Окружающие «старшие», разумеется, имели влияние на развитие девочки: ее интересовала «ботаника, история, археология, желание как можно больше знать, добиться знаний без посторонней помощи».

Но пролистываем несколько страниц статьи, и оказывается, что образование, которым обладали и замечательная бабушка Витте, и ее дочь, на самом деле, по мнению автора статьи, было вовсе не таким, какого следовало добиваться. Необходимо было что-то еще. Однако на вопрос, что именно, ответа мы и не получаем. Далее, говоря о размышлениях Елены Ган о том, какое дать образование уже ее собственным детям, автор анализирует существовавшие возможности. Один из вариантов — институтское образование. Однако, как замечает Е. Н. Некрасова, его, как и образования бабушки и матери, совершенно недостаточно; об институтке-гувернантке она говорит, что «знания ее были не велики; из языков знала только немецкий и французский». Из языков — только немецкий и французский... Для чего это образование было недостаточным? Женщины, обладавшие описанным объемом знаний, безусловно, не смогли бы строить самолеты или возводить «днепрогэсы». Но они имели широкое гуманитарное образование, которое позволяло им продолжать самообразование в любом направлении; отлично владея парой иностранных языков, они могли успешно изучать другие. Это было то образование, которое позволило бабушке Лолоши организовать свою жизнь и жизнь своих домашних самым осмысленным образом, матери Лолоши стать популярной писательницей. Недостаточность же своего образования, мы уверены, чувствует всякий, даже самый образованный современный человек.

Мы остановились столь подробно на статье Е. С. Некрасовой, потому что она характерна для своего времени. Автор постоянно опровергает сам себя. Но это не только ее личная беда.

Такая же мешанина понятий существовала в пореформенную эпоху и в самом обществе.

А вот еще один рассказ-характеристика об уровне образования женщины и ее умственном кругозоре: «Образование она получила скромное. Формально оно было средним — после окончания так называемого епархиального училища в Туле... Никаких специальных знаний она не получила; знала иностранные языки — английский, французский и итальянский, первый — в совершенстве, а последний — в степени вполне достаточной для самостоятельных поездок в Италию, куда, случалось, она ездила и одна. Читала она много на всех известных ей языках...»¹²⁸ Странные чувства вызывают подобные рассказы о... «скромном образовании».

Эта сумятица во мнениях — какое должно быть образование у женщин, когда оно является «достаточным», а когда нет, — появляется с середины XIX века. В это время распространяется новое, ощущавшееся современниками как ведущее, естественнонаучное знание (и прежде всего физиология), нарушившее сложившуюся ценностную иерархию необходимых образованному человеку сведений, внесшее сумбур в головы многих современников. Новая ситуация сильнейшим образом повлияла на «женский вопрос», на представления, какое место в социальном ландшафте России должна занимать женщина, какие роли она будет играть, к чему, в сущности, ее следует готовить. В течение долгого времени вокруг «женского вопроса» шли серьезные баталии, острота его сохраняла свою силу спустя десятилетия. Мемуаристка, чье детство приходилось уже на начало XX века, писала: «Что отпечатлелось в моей душе, детской памяти! Первым вопросом, осознанным мной сквозь мою детскую призму, был вопрос о равноправии женщин»¹²⁹.

Если бы на титульной странице не стояло женского имени, можно было бы подумать, что нижеследующий текст написан ярым сексистом: «...Трудность изучения реального вклада женщин в процесс духовного развития общества во многом обусловлена трудностью поиска биографических материалов о женщинах»¹³⁰. Обратим внимание на саму постановку вопроса: автора занимает, каков «реальный вклад женщин в процесс духовного развития общества». А каков «реальный вклад» мужчин? Возможно ли измерить реальный вклад женщин в ду-

ховную культуру, да и что означает словосочетание — «реальный вклад»? Мы можем попытаться проследить влияние, скажем, римского права на законодательство европейских стран или мифологические сюжеты древних цивилизаций в тексте Библии и так далее, и так далее... Но возможно ли измерить «реальный вклад в процесс духовного развития общества» кого бы то ни было? И не означает ли сама постановка вопроса, что «реальный вклад» мужчин — очевиден? Смеем думать, однако, что «реальный вклад» женщин ничуть не меньше. Разве духовность определяется полом, и мужчины более духовны, чем женщины? Утверждение по меньшей мере спорное, хотя совсем не новое...

Неудивительно в связи с этим, что автор не учитывает громадное множество дошедших до нас документов личного характера — они индивидуальны, в них надо вчитываться, они вне механистического мышления. Пресловутый «вклад женщин в духовное развитие общества» не выявят биографические словари, появление которых, впрочем, справедливо приветствует Ю. Жукова. Его нельзя подсчитать, свести в таблицы и вывести итог. От того, что мы точно учтем количество писательниц, ученых, меценаток, художниц, мы ни на шаг не приблизимся к пониманию роли женщины в духовной жизни общества. Да и бесполезно соревноваться с мужчинами на традиционно вплоть до конца XIX века принадлежавшем им поле деятельности. Влияние женщины безусловно и бесспорно в другом: женщина делает мужчину человеком, и она воспитывает детей.

Чтобы стать по-настоящему зрелым, мужчине необходимо участие многих женщин, которых он встречает на своем пути: этого требует его духовное и душевное развитие. В мужских мемуарах мы встречаем множество благодарных и восторженных рассказов о женщинах, которые так или иначе повлияли на жизненный путь авторов: иногда это было горячее участие и помощь, а иногда — в нужное время верно поданный совет, одно лишь точно сказанное слово, а часто — любовь.

А. М. Тургенев в воспоминаниях, относящихся к началу XIX века, писал о графине Салтыковой, воспитанной еще в XVIII веке: она «была примером высокой нравственности, примером христианской добродетели и простого, но благороднейшего и деликатнейшего обращения в обществе... Я

имел счастье слышать в разговорах суждения графини Дарьи Петровны, из коих понял и уразумел, что можно быть отличным кавалерийским офицером и быть невеждою, неотесанным болваном». Именно благодаря влиянию Салтыковой Тургенев осознал необходимость для себя более глубокого образования и поступил в Геттингенский университет¹³¹. А вот свидетельство, оставленное в середине XIX столетия. П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет о своей жизни в глухой провинции, в рязанском имении: «Пребывание мое в деревне между замечательно просвещенными женщинами нашей семьи имело на меня более глубокое культурное влияние, чем пребывание в Петербурге, где я так мало посещал женское общество»¹³².

Замужество

Мемуаристка рассказывает о своей матери и времени ее молодости так: «Вторая дочь доктора Берса, воспитанная, как все барышни ее круга и ее века. В то время замужество было жизненной целью каждой барышни, и моя мать инстинктивно стремилась к этому идеалу. Замужество было для нее чем-то священным. Всем своим воспитанием она была подготовлена к семейной жизни, и она принесла в эту жизнь все богатство девственной души и тела»¹³³. В традиционном обществе подавляющее большинство людей воспринимали брак как священное таинство.

Первым долгом традиционной семьи в отношении девочек было выдать их замуж. Но не просто «пристроить», «сбыть с рук» свою дочь, а подготовить ее к роли матери, жены и хозяйки. Именно ради этого воспитывали девочку, к этому ее готовили; именно с этим связаны были самые серьезные заботы, хлопоты, переживания.

Если для мужчины главным традиционно считалось сделать карьеру, то для женщины мерилом успеха было удачное замужество. Заключение брака становилось важнейшим событием в жизни женщины; соответственно, большое значение придавалось всему, что было связано со вступлением в брак, — гаданиям на суженого, подготовке приданого, сватовству. В патриархальном обществе неколебимо господство-

вало представление, что человек лишь в супружестве обретает полноценность и выполняет долг свой перед обществом и Богом. «Девица родится, как замуж сгодится», — говаривали наши предки.

На тему женитьбы немало размышлял в свое время А. С. Пушкин, который стремился к браку, много раз сватался и долгое время не мог устроить свою жизнь:

«Жениться! Легко сказать — большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок.

Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, то есть я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значит мой обязанности?...» («Участь моя решена, я женюсь...»)

Пока мужчина не женат, он, по представлениям патриархального общества, не становится тем, кем он может стать, не достигает зрелости. Неполющенноу была и жизнь женщины, которая не вышла замуж. Лишь в семье человек обретал смысл существования. «Жениться! — думал африканец, — зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под пятнадцатым градусом?» («Арап Петра Великого»).

Людяу, получившим европейское образование и воспитание, следовало не только заключать брак по освященной времени традиции, но и вполне сознательно относиться к своим новым усложнившимся ролям. В XVIII веке выпускались брошюры и книги, посвященные вопросам заключения брака («Нравоучительное рассуждение о супружеских должностях», 1780; «Верные супруги», 1782; Ле Пренс де Бомонт. «Наставление молодым господам, вступающим в свет и брачные союзы,

служащее продолжением Юношескому училищу, где изыскаются должности как в рассуждении их самих, так и в рассуждении их детей», 1788; и т. п.), в журналах печатались переводные и оригинальные статьи.

В традиционном обществе были распространены ранние браки, особенно для девушек. Подходящим возрастом для замужества считалось время, когда девушки достигали половой зрелости и могли рожать. Раннее замужество снижало возможность добрачных связей, продлеvalo детородный период, что для общества имело особое значение. Человека, которого в современном обществе назовут молодым, в XVIII — первой половине XIX века сочли бы зрелым, если не старым. Самый счет лет был другим: нередко уже в шестнадцать лет дворянин XVIII века вступал во взрослую службу.

Законы Российской империи пытались внести свои коррективы в практику заключения ранних браков. Согласно указу Петра I, в 1714 году брачный возраст устанавливался для мужчин с двадцати лет, а для женщин — с семнадцати. Но на деле установленные сверху правила частенько нарушались. Священный Синод в 1774 году принял более реалистичное установление, когда определил, что мужчина не должен вступать в брак ранее пятнадцати лет, а девушка — тринадцати. И все же усилия властей, светских и духовных, регламентировать возраст вступающих в брак успеха не достигали. В 1830 году была предпринята еще одна попытка — священникам запретили проводить венчание, если жениху не исполнилось восемнадцати лет, а невесте — шестнадцати¹³⁴. Но в личных и официальных документах то и дело встречаются данные, которые говорят о многочисленных нарушениях этой нормы.

Необходимость получения образования несколько удлинила детство. Слишком ранние браки среди дворян постепенно становились анахронизмом, но у других сословий традиция выдавать замуж и женить своих детей как можно раньше сохранялась. Мемуаристка из состоятельной купеческой среды, родившаяся в 1867 году, вспоминает: «Девочки невестились чуть ли не с пятнадцати лет и думали только о нарядах и женихах, которых для них выбирали родители через свах»¹³⁵.

Особую категорию лиц в России составляли военные. Государство накладывало жесткие ограничения на женитьбу военных, контролировать которых было легче, чем гражданских:

овер-офицеры, к примеру, не имели права вступать в брак до 28 лет. Кроме того, потенциальные женихи должны были доказать, что у них хватит средств содержать семью. Чтобы получить возможность жениться, офицер должен был иметь годовой доход не ниже 1200 рублей — российские власти полагали недопустимым, чтобы офицерская семья жила в бедности (к концу XIX века такое жалование получал капитан).

Обращения к начальству потенциальных женихов, не отвечавших необходимым требованиям, наталкивались, как правило, на отказ. Журналист, рассуждавший на эту тему в начале XX века, утверждает, что от такого порядка страдала нравственность общества и распространялась проституция¹³⁶.

Согласно корпоративным представлениям о воинской чести, кандидатура невесты подвергалась внимательному рассмотрению, то есть жениться на неподходящей особе, например, актрисе, военный не мог — в противном случае ему следовало покинуть полк. Формально разрешение вступить в брак должны были получать и гражданские чиновники, ведь брак — дело государственное.

Существовала и «верхняя» граница — возраст, после которого вступать в брак запрещалось. Так, согласно старинным установлениям православной церкви, не позволялось выходить замуж вдове шестидесяти лет: жениху и невесте следовало «быть не в престарелых летах». Но практика жизни была совсем иной. Поэтому в 1744 году Синод отодвинул возрастную границу до 80 лет: «Брак от Бога установлен для продолжения рода человеческого, чего от имеющего за 80 надеяться весьма отчаянно». Гражданское право, вслед за церковным, также запрещало вступать в брак лицу старше восьмидесяти лет¹³⁷.

Согласно церковным правилам, для заключения брака необходимо было согласие родителей жениха и невесты. Родители пользовались этим правом и, безусловно, нередко злоупотребляли им; поэтому Петр I потребовал, чтобы родители при венчании присягали, что не принуждают своих детей к браку: «Родители детей, и всякого звания люди рабов своих и рабынь к брачному сочетанию, без самопроизвольного их желания, отнюдь не должны принуждать и не брачить, под опасением тяжкого штрафования» (Указ от 5 января 1724 года).

Впрочем, в руках родителей находились веские инструменты, позволявшие им диктовать свою волю: закон предусма-

тривал наказание за самовольное вступление в брак лишением наследства¹³⁸. Но важна была не только материальная сторона — на стороне старших был моральный авторитет; послушавшиеся молодые рисковали получить родительское проклятие, отношение к которому было очень серьезным. «Тогда эти родительские проклятия были в большом ходу, и каждый боялся пуше смерти наклепать их на себя»¹³⁹.

Неудивительно, что даже взрослые люди не могли пожениться без одобрения родителей. «Матери моей уже не было на свете; на 39 году смерть прекратила нить жизни ея... Я отыскал ее могилу и памятник, бросился на землю и со слезами просил прощения, что женился без ея согласия и воли»¹⁴⁰, — писал мемуарист. Подобные чувства не были в диковинку — они воспринимались как должное.

Женитьба или замужество одного из членов семьи часто меняло ее положение, создавало новые связи, поднимало или снижало статус в обществе. Подбору того, кто войдет в семью, поэтому уделялось громаднейшее значение, ведь решалась не только судьба двоих, мужчины и женщины, но целой группы людей. Каждая семья стремилась за счет женитьбы и замужеств подняться на более высокую ступень в обществе: недаром «все эти родственные связи еще более улучшали положение Янковых, и выдвигали их вперед, и давали им почетное место в тогдашнем обществе»¹⁴¹.

Сам порядок очередности выхода замуж девушек в семье имел огромное значение. Сначала должны быть выданы замуж старшие дочери. Младших, как правило, не соглашались выдавать раньше старших, это нарушало порядок и считалось позором, подчеркивало, что старшую никто брать не хочет. Так, в купеческой семье Щукиных старшая сестра торопилась выйти замуж, «потому что младшая сестра, Машенька, чуть было не вышла раньше нее. Этого допустить было немислимо». Как вспоминали в семье, в свое время «прапрадед Александр Петрович сосватал себе одну девицу, а его повенчали со старшей сестрой, которая оказалась хромой, и ее родители оправдались очень просто: «Нельзя же допустить этот срам, чтобы младшую выдать раньше старшей»»¹⁴².

Подобные взгляды уходят корнями в седую древность, как и сам институт семьи. Вспомним Ветхий Завет: Иаков, семь лет работавший на отца «красивой станом и лицом» Рахили,

чтобы жениться на ней, был обманут и получил в жены «слабую глазами» ее старшую сестру Лию. Отец девушек на сетования Иакова возразил: «В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей». Так «не делали» нигде в патриархальные времена.

Чтобы соблюсти патриархальный порядок, родители, подобно отцу Лии, пускались на всякие хитрости: «...Домашние все-таки старались соблюдать очередь и не соглашались выдавать младших раньше старших. Увеличивали количество приданого старшей невесте, лишь бы выдать ее раньше младшей сестры; а младших иногда припрятавали, не разрешая им показываться на глаза жениху, особенно если это были девушки хорошенькие»¹⁴³.

Нарушением не только очередности выхода замуж, но и всех семейных расчетов стало замужество Софьи Берс. Лев Толстой много времени проводил с ее старшей сестрой, Елизаветой, и все близкие предвкушали скорую свадьбу. Но младшая сестра Соня решила сама выйти за графа и не постеснялась разрушить счастье своей сестры. Сватовство Л. Н. Толстого стало большим ударом и для Лизы, и для старших Берсов, особенно для отца, любимицей которого была старшая дочь. Отец Берс, хотя и очень любил своего зятя, «выразил свое недовольство тем, что Толстой женился не на Лизе, способом очень реальным: не дал Соне приданого. Мать с трудом достала триста рублей, которые Софье Андреевне пришлось потратить на подарки в Ясной Поляне в первые же дни замужества», — писал биограф Л. Н. Толстого.

Девушка, согласно общепринятым нормам, должна была ожидать решения своего будущего родителями (или опекунами) и следовать их рекомендации. Вспомним характерный разговор Райского с Марфенькой: «Так что бабушка скажет, так тому и быть? — Да, она лучше меня знает. — А когда же ты сама будешь знать и жить? — Когда... буду в зрелых летах, буду своим домом жить...» (И. А. Гончаров. «Обрыв»).

Бывало, что невеста и знать не знала о своей судьбе или могла только догадываться о своем будущем — жених обращался с предложением руки и сердца сразу к ее отцу. Купеческая дочь вспоминала о том, как решилась ее судьба: «Мы сидели у себя наверху, я только что начала вышивать... Вбегает сестрица и говорит, что приехал жених из Рузы. Я так испугалась,

что не могла встать с места. Анета Ивановна тоже очень перепугалась, а Анеточка заплакала. Потом спустя немного времени я стала думать, что мне нечего бояться, что жених приехал к Анеточке. Нам приказали одеться и выйти; мы надели простенькие шерстяные платьица. Жених приехал с матерью и зятем; мы вышли к чаю; после чаю играли в карты и танцевали. После ужина мне сказали, что сделали предложение и за меня. Поверишь, мой милый Николенька, что я в эту ночь спать не могла, и я думала, что захвораю от испуга. Они у нас ночевали; на другой день утром уехали. Все стали спрашивать, нравится ли жених, и разумеется, разговору было много»¹⁴⁴. Жених ухаживал по всем правилам — дарил невесте подарки, приехал со своими друзьями, привез музыканта, и были устроены танцы. «Все были им довольны», и после обсуждения приданого дело было сложено. Девушку вызвали в отцовский кабинет и объявили о скорой свадьбе.

Поиск достойного жениха считался важнейшим делом. Даже он привел к наилучшему результату, семья шла на различные жертвы — вплоть до переезда в крупный город; родители устраивали приемы и балы, для девушек на выданье шились модные наряды, заводились подходящие знакомства и устранялась нежелательные, наводились тщательные справки о молодых людях — возможных кандидатах в женихи. Как вспоминала Т.А. Аксакова, «в 1907 году Трубецкие, по примеру других семейств, имевших дочерей-невест, переехали в Петербург. За ними двинулись и Вельяминовы. Женихов в Москве было мало — здесь можно было выйти за какого-нибудь родственника или друга детства (что иногда и делалось), но блестящие партии встречались только в Петербурге»¹⁴⁵, то есть в столице, где находился императорский двор, стояли гвардейские полки и составлялись карьеры чиновников.

Особое место в ряду возможностей найти своего суженого занимал бал¹⁴⁶. «Несколько раз в зиму отец устраивал балы для дочерей... Доставались из кладовой ценный хрусталь и севрский фарфор... Съезжались все родственники и знакомые. Пока молодежь танцевала, пожилые гости сидели в гостиных... Танцующие разъезжались перед утром»¹⁴⁷. Татьяна Кузьминская в мемуарах пишет, что, когда ее старшие сестры вступили в возраст невест, им изменили прически, подарили часы, сшили платья, и они стали «выезжать».

В среде купечества и мещанства большую роль играли свахи: «В городах сватовством начинали заниматься мещанки, купчихи, вдовы и обремененные семейством матери дляобретения средств к существованию... В купеческой среде сваха играла очень важную коммуникативную роль. Она выполняла различные поручения, распространяла городские новости и слухи, рекламировала модные новинки. Словом, служила живой газетой, еще не изобретенным телефоном, медицинским и кулинарным консультантом»¹⁴⁸. Свахи нередко оказывались нужными персонами и в семьях небогатых дворян: «...Матушка очень скоро убедилась, что на балах да на вечерах любимица ее жениха себе не добудет и что успеха в этом смысле можно достигнуть только с помощью экстраординарных средств. К ним она и прибегла. И вот наш дом наполнился свахами» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Пошехонская старина»).

Тут заметим, что во второй половине XIX века некоторые девушки находили свою судьбу сами, без прямого участия семьи. Ярчайший и один из ранних примеров — замужество стенографистки Анны Григорьевны Сниткиной за Ф. М. Достоевским, у которого она получила первую свою работу.

Особо пристально при выборе жениха или невесты изучались их родословные, семейные связи, имущественное положение, служебная карьера, нравственность и в значительной степени — внешние данные. С одобрением говорилось, к примеру: «родство почтенное и хорошее состояние». Подбирая невесту своему сыну Анатолю, князь Василий Курагин рассуждал: «она хорошей фамилии и богата. Все, что мне нужно» (Л. Н. Толстой. «Война и мир»). Хорошее приданое, даваемой за девушкой, было важнейшим условием удачного и скорого выхода замуж. Мать бесприданницы рассуждала: «“Одна беда: Маша, девка на выданье, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек, а то сиди себе в девках вековой невестою”» (А. С. Пушкин «Капитанская дочка»). Если приданое у девушки было ничтожным, мать должна была обладать особым искусством, чтобы «пристроить» ее.

Состоятельный жених мог позволить себе выбрать пришедшую по сердцу невесту-бесприданницу. «Но невеста наша Глафирушка очень понравилась жениху, и потому только ре-

шились взять такое приданое»¹⁴⁹, — записывает мемуаристка о сватовстве молодого купца к бедной девушке. Вспомним, что в романе «Разум и чувства» Джейн Остин приговор света о браке крупного помещика и юной бесприданницы гласил: «Он богат, она красива», — и такой брак общество благосклонно принимало. Столь же уместным в глазах света была женитьба обедневшего, но достойного и честного служаки Николая Ростова на богатой, но некрасивой княжне Марье Болконской.

Распространенными в провинции были браки между соседями. В пользу подобных союзов говорило хорошее знание всей подноготной друг друга, меньшие затраты сил и средств на поиски подходящей пары, наконец, возможность «округлить» граничащие друг с другом земельные владения. О подобном мы читаем у Пушкина: «Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича все его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе». А Муромский, в свою очередь, думал о том, что сосед его Берестов обладает «редкой оборотливостью», имеет знатную родню, которая может быть полезна его сыну, и, «вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом». На возражение сына отец спокойно сказал: «После понравится. Стерпится, слюбится» («Барышня-крестьянка»).

Вот это «стерпится — слюбится» было обычным присловьем при заключении брака. Не повезло «гению чистой красоты» Анне Керн, которой так и не удалось полюбить своего мужа. Более того, она испытывала к нему сильное физическое отвращение. Во второй раз она сделала выбор сама, вступив в брак со своим родственником, который был намного моложе ее. Этот выбор оказался удачным, их супружество было на редкость счастливым.

В целом при выборе невесты молодые люди руководствовались здравым смыслом — как говорили, старались «рубить дерево по себе»: «Бедному дворянину, каков он, лучше же-

ниться на бедной дворяночке да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» (А. С. Пушкин. «Дубровский»). Во всем должна была царить норма.

Сильнейшее впечатление оставляет рассказ о поиске невесты, который предпринял Андрей Тимофеевич Болотов в 60-х годах XVIII века. Молодым неопытным человеком он потерял родителей, вышел в отставку и поселился в своем имении. Живя бобылем в глухой провинции, со временем он осознал, что необходимо жениться, и со свойственной ему обстоятельностью начал искать подходящую невесту в ближайшей округе. Описание этих поисков — уникальный и примечательный документ своего времени, удивительный по своей открытости.

Приняв решение жениться, Андрей Тимофеевич делал самые общие прикидки: «...На слишком бедной жениться мне также не хотелось; а особливо потому, что и собственный мой достаток был не слишком велик, а весьма-весьма незначителен. Почему и твердил я всегда, что хорошо бы, когда мой был обед, а женин ужин». Оглядевшись вокруг, он понял, что его задача непроста: «...Во всех ближних окрестностях и соседстве нашем было тогда как-то очень мало девиц, могущих быть мне сколько-нибудь под парю. Ибо в иных домах хотя и были, но слишком против меня богатые, и такие, о которых мне помышлять было не можно; а другие, напротив того, но слишком еще малы и в невесты мне еще не годилось. О других носилась молва, что они привязаны уже были слишком к еветской жизни, которые, будучи девушками самыми модными, были совсем не на мою руку; а иные, наконец, не имея никакого воспитания, были уже слишком просты и таковы, что живучи с ними не можно было ожидать себе желаемой подмоги».

Сваха нашла ему подходящую девушку, но препятствием стал ее возраст — всего двенадцать лет. Тем не менее Болотов, почти отчаявшийся найти невесту, «стал прилепляться своими мыслями» к этому подростку, «ибо в рассуждение сей, льстила меня, по крайней мере, надеждою ее молодость. Я думал, что когда она так молода, то некогда еще ей заразиться московским модным духом и всею пышностью светской жизни». «И почему знать, может быть, — говорил я сам себе далее, — по молодости ее и удастся мне лучше приучить ее к себе и ко всему тому, что хотелось бы мне иметь в будущей жене

своей?»¹⁵⁰ Заметим, что подобными иллюзиями питались мужчины задолго до Болотова и очень многие после него.

Болотов предвкушал встречу со своей суженой, терзался нетерпением, невеста ему снилась, а потом, увидев ее наяву, он сравнивал приснившийся образ с реальным, переживал, ждал новых встреч, торопил момент свадьбы — чувств, его переполнявших, хватало бы на десяток Ромео. Но эмоции, им владевшие, не были чувствами просто влюбленного юноши, переживающего кипение крови и мечтающего обладать предметом своего обожания. Он еще не любил эту юную девушку, но был готов полюбить ее как подругу всей жизни, хозяйку дома, гнезда, столь заботливо им обустроенного, мать своих будущих детей. Избранница Болотова стала ему верной женой и матерью его детей, но, как откровенно жалуется мемуарист, ее природная холодность лишила его многих радостей супружества.

Спустя примерно полвека столь же обстоятельно подходил к выбору жены Эраст Стогов. По долгу службы этот молодой человек оказался в провинциальном городе, и его выбор был богаче, чем у Болотова. Он начал с выбора подходящего семейства: чтобы в нем были почтенные и степенные родители, уважаемые, пусть и не слишком богатые, — и даже составил их список. Изучив их поближе, сузил круг избранных семейств и тогда уже стал присматриваться к девушкам, которые в них росли. Свой выбор он остановил на милой скромной молодой девушке Анне. Родители, простые и достойные люди, не могли ей дать приличного приданого, но Стогов, уже достигший известных чинов, был уверен в своей способности обеспечить семейство собственными силами.

Получив согласие родителей, он обратился прямо к Анне: «С родителями вашими уладил, — сказал я, — остается дело за вами». — «Я вас совсем не знаю», — отвечала она. — «Да где же вам и знать; не только молоденькую вас, но я и ваших родителей сумею обмануть. Не в том дело, а вот в чем: я до сих пор был один из счастливейших людей, хочу жениться не для того, чтобы быть несчастливym; счастье состоит в согласии супругов, а это не всегда от них зависит. Вы слабые создания, а мы — сила; для уравниения Бог дал вам то, чего мы не имеем — женщина наделена от Бога особым чувством — инстинкта. Ни с того ни с сего девушке не нравится в мужчине: голос, поход-

ка, манера — это называется антипатией; но мужчина, не красивый собою, привлекает внимание девушки каждым своим движением и ей нравится; это называется симпатия. Я глубоко верую в эти чувства. Мы друг в друга не влюблены, то можем рассудить хладнокровно. Нам не с стариками жить, если в вас есть ко мне малейшее чувство антипатии, заклинаю вас — скажите откровенно, потому что чувство антипатии я не волен изменить, тогда я буду несчастлив, и все несчастье падет на вас бедную. Вот, пожалуйста, посмотрите, я буду ходить, голос мой вы слышали, наружность видите, подумайте и скажите, нет ли во мне чего-нибудь противного?”

И я начал ходить по комнате; старики молчали. “Скажите, заклинаю вас, — спрашиваю я, остановившись перед невестою, — нет ли во мне чего-нибудь противного?” — “Нет”, — отвечает она. — “В таком случае пойдете к образу, перекреститесь”. И только она перекрестилась, как я быстро поцеловал ее и сказал: теперь и с вами кончено, теперь вы моя невеста»¹⁵¹.

Этот вопрос — «не противен ли я вам?» — был обычен. То же спрашивал у А. П. Керн будущий муж, бывший старше ее на сорок лет. Но Анна Петровна слукавила и ответила отрицательно, поскольку изо всех сил стремилась вырваться из-под опеки отца. В те годы, кстати, союз пожилого мужчины и молодой женщины не рассматривался как неравный — таковым считался лишь брак, заключенный между людьми из разных социальных слоев или имеющих различное материальное положение. Правда, позже, в пореформенную эпоху, так называемый «неравный брак» становится излюбленным сюжетом художников, публицистов, романистов: их привлекает образ девушки, которую выдают замуж против ее воли, «продают» богатому старику.

Люди же патриархального общества полагали, что если нет физического отвращения, то для гармоничных супружеских отношений при прочих подходящих данных препятствий быть не может. Здравый смысл диктовал, что строить отношения на всю жизнь на одних лишь эмоциях невозможно: влюбленность быстро проходит, одно увлечение сменяет другое. Муж с женой — «два сапога пара», «одна сатана», и их отношения должны основываться на прочном фундаменте. Общее происхождение, схожий достаток семей, серьезное отношение к институту брака — все это сближало жениха и невесту. Считалось,

что тогда брак сложивался как бы сам собой: княгиня Щербацкая, мать Китти, «вышла замуж тридцать лет тому назад, по сватовству тетки. Жених, о котором было все уже вперед известно, приехал, увидел невесту, и его увидали; сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатление; впечатление было хорошее; потом в назначенный день было сделано родителям и принято ожидаемое предложение» (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

Неудивительно, что и Стогов, и Болотов искали невесту не где-то в дальних краях, а в своем ближайшем окружении. Входящие в него семьи, не мудрствуя чрезмерно, растили своих дочерей исключительно для замужества, и серьезные молодые люди, какими были Стогов и Болотов, были готовы жениться на первой подходящей — не влюбленность, согласно патриархальным нравам, должна была играть главную роль, а взаимное почитание. Они были готовы любить жену, уважать ее, ценить как подругу и мать своих детей, как хозяйку дома, были готовы провести с ней всю жизнь. Со временем, бывало, приходила и любовь: как говорили, «женились по расчету, а оказалось, по любви».

Заключая «брак по расчету», обязательно учитывали материальную сторону: содержание семьи требовало денег, а целью брака считалось прежде всего рождение и воспитание детей. Романтические чувства не должны были довлеть над остальными соображениями. «Варвара Ардалионовна вышла замуж после того, как уверилась основательно, что будущий муж ее человек скромный, приятный, почти образованный и большой подлости ни за что никогда не сделает. О мелких подлостях Варвара Ардалионовна не справлялась, как о мелочах; да где же и нет таких мелочей? Не идеала же искать! К тому же она знала, что, выходя замуж, дает тем угол своей матери, отцу, братьям. Видя брата в несчастье, она захотела помочь ему, несмотря на все прежние семейные недоумения» (Ф. М. Достоевский. «Идиот»).

Красивая и богатая вдова Одинцова, увлекшись не на шутку Базаровым, ощущала при этом невозможность общей с ним жизни: «Нет, — решила она наконец, — Бог знает, куда бы это повело, этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше всего на свете... Под влиянием различных смутных чувств, сознания уходящей жизни, желания новизны она заставила себя

дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» (И. С. Тургенев. «Отцы и дети»). Именно это — «безобразие» — случилось с Анной Карениной, которая позволила своим чувствам взять верх и погубила тем самым вместе с собой и своего возлюбленного. Не случайно любовь-страсть в русской классической литературе кончается смертью, и не зря важнейшим канонем воспитания подростков было умение умирять свои чувства, не поддаваться страстям.

Подход к выбору невест в купеческой среде был таким же: были в курсе жизни семей, где подрастали дочери, невест знали наперечет, представляли размер их приданого: «Совершенно неожиданно является жених, чужой, незнакомый человек; сватовство, замужество — все это совершалось катастрофически быстро и случайно. Даже семья жениха, приезжавшая в шукинский дом, порой не знала, какую из девиц они сватают. Было известно, что есть у Сергея Алексеевича Шукина сестры, родные и двоюродные, девицы красивые и неглупые, ехали их смотреть и выбирали любую»¹⁵². Мы видим, таким образом, что, подобно Стогову, жених, подыскивающий невесту, прежде всего выбирал подходящее семейство, в котором росли дочери.

Вступить в брак разрешалось не более трех раз. Да и третий брак церковью «не одобрялся»; существовало присловье: «первая жена — от Бога, вторая — от людей, третья — от дьявола»; вступивший в третий брак подвергался церковной епитимье.

Важнейшим препятствием к браку в традиционном обществе вполне закономерно становилась разная религиозная принадлежность невесты и жениха. Браки между христианами разных конфессий были разрешены, но неправославный супруг обязан был дать подписку, что не будет пытаться обратиться «вторую половину» в свою веру, а их дети будут воспитаны в православии. Правда, для недворянских сословий брак с неправославным оставался большой редкостью.

Но к концу XIX века смешение сословий становится повседневным фактом жизни, хотя сословные различия сохраняли свою силу до 1917 года. Дочь П. М. Третьякова вспоминает об обстоятельствах своего замужества по взаимной любви с дворянином А. Зилоти: «Отца Зилоти в городе не было, на свадьбу он не приехал... Отцу Зилоти не нравилось, что Саша

женится не на дворянке, а на купчихе...»¹⁵³. Но и купцы сдержанно или с откровенным недовольством смотрели на браки своих детей с выходцами из дворянского сословия. Инстинкт подсказывал им, что детям для самосохранения лучше оставаться в собственном сословии. Третьяков страстно желал, чтобы его дочери вышли замуж за купцов, но они выбрали совсем иных женихов: одна вышла замуж за дворянина-музыканта, другая — за художника, а еще две — за братьев Боткиных, один из которых был врачом, профессором Военно-медицинской академии, а другой морским офицером.

Желание Третьякова выдать своих дочерей за купцов диктовалось желанием сохранить патриархальную семью, в которой родственные отношения неразрывно слиты с хозяйственными. В руках подобной семьи сосредоточивалось и владение, и управление имуществом — так создавались своеобразные «семьи-империи». Они хорошо известны на Западе: Ротшильды, Рокфеллеры, Морган и проч.

Купцы изо всех сил стремились сохранить династическую преэманентность, устойчивость своих родов: «...По русским законам владельцы фирм, просуществовавших сто лет, автоматически получали дворянство. Обычно было принято отказываться от подобного перехода из сословия в сословие». Когда одно из семейств не сделало этого, рассказывает мемуарист, то «немедленно все двери лучших купеческих домов, где они раньше всегда бывали желанными гостями, наглухо и навсегда захлопнулись перед ними». «Предосудительно было жениться или выходить замуж за дворян или, еще хуже, за титулованных. Подобным бракам, если они совершались, всегда предшествовали семейные драмы»¹⁵⁴. Мемуарист, разумеется, вел речь о верхушке купечества с их сословной гордостью и стремлением повсюду хранить достоинство, беречь свое дело.

При всей зависимости от воли родителей бывало и так, что молодые люди поступали ей вопреки. О подобных случаях вспоминают многие мемуаристы. «...Мать, женщина суровая и властолюбивая, противилась этому браку со всеми последствиями отказа в материнском согласии. Разумеется, и мать невесты не могла в подобных условиях одобрить такой брак. Но, кажется, мой отец благоприютствовал любви молодой четы и способствовал браку, уговорив свою тетку остаться в стороне и, по крайней мере, не мешать счастью влюблен-

ных. Они тайно обвенчались и в тот же день отправились в Петербург»¹⁵⁵, — так описывает П. А. Вяземский женитьбу князя Александра Щербатова на своей родственнице княжне Варваре Оболенской. Или вот история, приключившаяся в семье Толстых. Дочь графини Марии Николаевны Толстой Варя влюбилась в молодого человека. Родные, однако, нашли его кандидатуру неподходящей и отослали девушку к дяде, в Ясную Поляну. Но Варя, «несмотря на желание ее родных расстроить ее свадьбу, все же вышла замуж за Н. М. Нагорного. Он оказался хорошим и любящим мужем, и она никогда не раскаивалась в своем выборе»¹⁵⁶.

Семья на переломе

С отменой крепостного права рухнула прежняя экономическая система, началось массовое обнищание дворянских семей. Менялся весь облик страны, быстрыми темпами развивалась промышленность, в трудовую деятельность все больше включались женщины. Товарищ министра народного просвещения князь С. М. Волконский характеризовал это время так: «Пора невероятного литературного движения, усиленной умственной деятельности, важные политические реформы, сильное революционное брожение», когда «все силы страны, дурные так же, как и хорошие», «внезапно проявили такую деятельность, что в бурном потоке и пересечении противоположных течений умы молодого поколения потеряли равновесие»¹⁵⁷. Равновесие потеряло не только молодое поколение — были растеряны и потеряли ориентиры в изменившейся ситуации и те, кто был старше. Происходила десакрализация власти на всех уровнях — от главы государства до главы семейства. Это было время, когда создались условия для того, чтобы все внутренние семейные противоречия, подспудные конфликты, раздоры вышли наружу.

Патриархальная семья получила сильнейший удар и не могла остаться такой, какой была прежде. Любой социокультурный конфликт всегда приобретает вид конфликта поколений — конфликта отцов и детей. «Новые люди», девушки и юноши, стремившиеся к переменам, в одночасье ощутили себя чужими в собственных семьях.

Мемуаристы, рассказывающие об эпохе реформ, в один голос свидетельствуют: «О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поспорились с детьми... Детями, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то — убежать из родительского дома»¹⁵⁸; а убежали они из родительского дома, чтобы ни в коем случае не повторить путь своих матерей и бабушек. Об этом же вспоминает знаменитый анархист П. Кропоткин, описывающий тихие дворянские особняки на московском Арбате: «...В каждом из этих домов началась борьба между “отцами и детьми”, борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или ночным посещением жандармов... В начале шестидесятых годов почти в каждой богатой семье происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддержать старые порядки, и сыновьями и дочерьми, отстаивавшими свое право располагать собою согласно собственным идеалам. Молодые люди бросали военную службу, конторы, прилавки и стремились в университетские города. Девушки, получившие аристократическое воспитание, приезжали без копейки в Петербург, Москву и Киев, чтобы научиться делу, которое могло бы их освободить от неволи в родительском доме, а впоследствии, может быть, и от мужского ярма»¹⁵⁹.

«Новые люди» стремились получить образование и принести пользу, как они ее понимали, а главное — быть независимыми, иметь выбор в жизни, не повторять жизнь предков. Это стремление нередко становилось целью, а не средством. Многих девушек-шестидесятниц не устраивала старая форма семьи, в которой женщина занимала подчиненное положение и всецело зависела от воли мужа, где ее будущее было предопределено.

В прессе реформенного времени вовсю заговорили о жестоких нравах патриархальных семей, уродовавших характеры и жизнь людей. Демократическая публицистика избрала семью одной из основных мишеней, и молодежь охотно откликнулась на критику старшего поколения. Молодые искали и легко находили то, что разъединяло их со старшим поколением. Они словно занимались «психотерапией наоборот»: собираясь в кружки, рассказывали друг другу «о своем детстве, то есть о том, как не надо воспитывать», ведь даже в самых хороших семьях детям не давали «ни духовной пищи, ни просто-

ра для умственной самостоятельности. И рассказчик или рассказчица обыкновенно так заканчивали свое повествование: «Вот потому-то мы и должны вести настоящую агитацию против тирании семьи, вот потому-то у нас явилось отрицание авторитетов наших отцов или же в лучшем случае полнейший индифферентизм к ним»». Вывод неизменно делался один: «необходимо разорвать семейные цепи и реформировать законы, основанные на старых традициях и рабских устоях»¹⁶⁰.

Перемены в русском обществе были стремительны. По свидетельству Д. И. Писарева, студенты его курса кардинально отличались от тех юношей, что появились в университете всего два года спустя — они как будто представляли собой разные поколения. То же мы видим на примере художественной литературы. Героини романов Тургенева и Гончарова — смелые, незаурядные личности, но вся их жизнь, все их помыслы существуют в рамках семьи, тогда как чеховские и бунинские девушки обладают уже совсем другой степенью свободы. А ведь их разделяет всего пара десятков лет.

Разрыву между поколениями «отцов и детей», отторжению опыта старших способствовало еще и то, что в прежние времена опыт старших был, в общем, достаточен для социализации человека — жизнь молодого поколения во многом повторяла отцовскую; перемены были медленными, адаптироваться к ним было легко. Но совершенно иная ситуация возникла в 1860-х годах. Общество оказалось перед ситуацией совершенно незнакомой, когда покачнулись устои, казавшиеся незыблемыми. Как реагировать на это, как вписываться в новую реальность — опыт предков научить не мог. Нигилистически настроенная молодежь была уверена, что начинает жить с чистого листа, что предания и традиции «отцов», их знания и традиции не нужны. Показательно, что прежде центральной фигурой в обществе был человек зрелого возраста, но с определенного момента все большее значение придается молодости.

Отношение к замужеству

Сразу три поколения женщин поместил в свой рассказ «Невеста» А. П. Чехов. В провинциальном городе живет семья: глава семьи, состоятельная и деспотичная, при том дающая при-

ют и помощь обездоленным, — бабушка; не слишком умная, мечтательная сноха бабушки — мать героини рассказа, во всем зависимая от свекрови; девушка, невеста на выданье, — дочь, она же внучка Надя.

Надя, как и положено любой барышне, с шестнадцати лет мечтает о женихе, и ее мечты должны были вот-вот сбыться. Появляется Он — богатый, красивый, молодой, казалось бы, подходящий по всем статьям. Но девушка чувствует, что не хочет замуж за этого человека, не любит его и тяготится им. Что ожидало ее в будущем? Позор расстроившейся помолвки и слабая перспектива выхода замуж впоследствии? Но незадолго до свадьбы из столицы в их город приезжает художник Саша, бедный юноша-сирота, некогда нашедший приют и поддержку у бабушки. Он говорит с Надей о новой жизни, о том, что их привычный повседневный уклад — это болото, и духовное, и физическое. Саша убеждает девушку, что жить по-прежнему нельзя, главное — «перевернуть» жизнь, а дальше видно будет.

Перед Надеждой раскрываются бескрайние горизонты. Ее мать в свое время была лишена выбора: жизнь она прожила сначала с нелюбимым мужем, а затем — с властной свекровью. Она не видит и не понимает происходящего в душе дочери. А Надя принимает радикальное решение: бросает все и уезжает в столицу получать образование. Этот поступок становится тяжелым потрясением для бабушки и матери, они чувствуют себя чуть не опозоренными: расстроена свадьба, девушка одна живет сама по себе где-то далеко... Они даже стараются поменьше выходить на улицу, чтобы не ловить на себе взгляды соседей. Но вот навестить их приезжает Надя, жизнь которой складывается так, как она и желала, — и бабушка, и мать принимают и ее саму, и ее новый облик и новый образ жизни. Чеховская невеста не отказалась от замужества ради образования, совсем нет — она просто выбрала более сложный путь, потому что ее требования к жизни оказались выше, чем у матери и бабушки. Разумеется, на долю таких девушек выпадал гораздо больший риск проиграть свою судьбу.

Развитие системы женского образования в России сыграло большую роль в изменении положения женщины. Свой выбор стали делать тысячи женщин. И это сразу сказывается на семье. В европейской России в конце XIX — начале XX века про-

исходит сокращение числа женщин, рано вступающих в брак. Обычно мужчины вступали в брак в 24 года, женщины в 21 год. Исследователь русской семьи Н. Араловец пишет о том, что в конце XIX века в супружество вступало подавляющее большинство населения в России, уровень безбрачия был очень низок. Но происходила трансформация норм демографического и прежде всего брачного поведения городского населения. Процент вступающих в брак постепенно, хотя и очень медленно снижался, особенно в промышленно развитых городах¹⁶¹.

Женщина пореформенной эпохи была более образованна, у нее появилось больше возможностей заработать собственный хлеб и, соответственно, выбирать независимый путь в жизни. Но для образованной женщины, естественно, резко сужался «рынок женихов». Откроем «Подростка» Достоевского: «...Эти девочки... и их матери, которые приезжают в именины, — так ведь они только свою канву привозят, а сами ничего не умеют сказать. У меня на шестьдесят подушек их канвы накоплено, все собаки да олени...» — говорит старик князь о провинциальных патриархальных барышнях, но героиня «Подростка» не такова: «...Для Версиловой было труднее найти жениха, чем тем, которые вышивали по канве».

Конечно, чеховская Надя оказалась в благоприятных условиях — она располагала средствами и, в конечном счете, поддержкой любящей семьи. Когда есть деньги, можно решать нематериальные, экзистенциальные проблемы: мучиться вопросами о добре и зле, смысле жизни. Вспомним «Чистый понедельник» И. А. Бунина, героиня которого, богатая свободная девушка, сама нанимает роскошную квартиру и то посещает женские курсы, то ездит с поклонником по ресторанам, пока, наконец, душевные метания не приводят ее в обитель.

Однако миллионы женщин были озабочены борьбой за выживание. Реальность, с которой романтически настроенные девушки сталкивались, часто была безжалостной. Жизнь женщины, сделавшись более свободной, в то же время стала во много крат сложнее и менее защищенной.

Юные девушки, стремившиеся к новой жизни, не могли предвидеть, как сложится их дальнейшая жизнь. Они не слишком отчетливо представляли себе, в каком направлении, собственно, движутся. Будущее представлялось им весьма рас-

плывчато. Как говаривал художник Саша из рассказа «Невеста»: главное — перевернуть жизнь, а там посмотрим.

Девушки читали в популярных повестях подобные рассуждения: «Нет, нет! — протестую я. — Выйти замуж? Нет! У меня другой идеал жизни намечен в мыслях... мне кажется, что я не смогу довольствоваться обыденной простой долей, тою жизнью, какою живут все. Мне кажется, что меня ждет что-то яркое, светлое, большое. Я должна сделать, исполнить что-то крупное, огромное, но что — я еще не знала и сама» (Л. Чарская. «На всю жизнь»).

Героиня повести отказывается от проторенной дороги только лишь потому, что она проторена. А ей хочется «чего-то» необыкновенного, но чего, она и «сама не знает». Подобный инфантилизм мешал девушкам оценить свои реальные возможности, а когда молодость проходила, они обнаруживали себя у разбитого корыта. Такие люди встречаются во все времена, но в переходные эпохи их число резко возрастает.

Какой должна быть семья?

«Передовая» женщина-публицист разбирает в журнальной статье женские образы недавно вышедшего в свет романа «Война и мир». Она приходит к выводу, что в русской литературе нет «тех светлых, прекрасных образов женщин... умевших раздвинуть тесные рамки, в которые они были поставлены условиями общества, и выйти в широкий мир мысли, науки, деятельности, добра. Роль русской женщины очень скромна и ограничена... Она является сестрой, матерью, дочерью...». Княжна Марья, по ее мнению, является «нравственно искалеченной» и ведет жизнь, подобную жизни многих женщин, которые «годами калечат себя, подавляя естественную жажду счастья и свободы». «Любовь, безответная преданность, самоотвержение, умение очаровывать, мир гостиных и мир семьи — вот в чем состояла жизнь наших бабушек, вот что они завещали своим дочерям», а теперь «мы вступаем на новый путь», «возьмем своими силами» место в обществе, «отстоим свои права на собственную жизнь, жизнь трудной и свободной деятельности, настоящую жизнь»¹⁶². Подобные критические разборы женских персонажей русских писателей периоди-

чески появлялись в журналах начиная с 60-х годов. Их авторы — как правило, женщины, — всячески пытаются осмыслить и опыт прошлого, и общественный взгляд на женскую проблему¹⁶³. Как уже говорилось, вся художественная литература того времени полна ссылок на «женский вопрос». Он стал притчей во языцех.

Перемены происходили слишком быстро, и требовалось время, чтобы в общественном сознании сформировались новые положительные образцы женского поведения. Вполне понятно было, что такое «хорошая женщина» для патриархального общества, но какой образец избирали себе те, кто это общество отвергал? Ответ на этот вопрос найти непросто, поскольку главным для публицистов становится не выработка новой нормы, а критика старой.

В романе Н. С. Лескова «Некуда» (1864) ведут разговор тетка, бывшая в далеком прошлом блестящей светской барышней, а ныне настоятельница монастыря, со своей молоденькой племянницей, только окончившей курс обучения в Мариинском институте. Игуменья, всей душой принадлежащая к патриархальному обществу, тем не менее находила, что современную русскую «семью нужно переделать... У нас что ни семья, то ад, дрянь, болото». Но это — единственное, в чем были между собой согласны женщины, пожилая и юная.

Игуменья стояла на том, что «хорошая» женщина не должна быть «слабозычна, болтлива», ей следует исправлять свою жизнь, пытаясь сделать «ее сносною и себе и мужу». Но девушка видит в этом оправдание семейного деспотизма. Тетка и не возражает: в иных случаях семейный деспотизм оправдан, «во всех тех случаях, где он хранит слабых и неопытных членов семьи от заблуждений и ошибок». Ответ племянницы демагогичен: «Значит, вы оправдываете рабство женщины?» Тетка стоит на своем: «...Это значит ни более или менее как признавать необходимость в семье одного авторитета». Но, рассуждает молодая, разве человек должен жить, как ему прикажут — «эдак у вас всегда сильный прав: равенства, значит, нет»? С этим игуменья соглашается: равенства нет. Бывшая институтка восклицает: «И вам это нравится?» Ответ старой женщины знаменателен: «Это нравится, верно, природе. Спроси ее, зачем один умнее другого, зачем один полезнее другого»; повиноваться следует разуму — своему или друго-

му, «если этот разум яснее твоего, опытнее твоего и имеет все основания желать твоего блага», а если нет, «тогда повелевай им сама». Но это отвратительно для юной: «Или будь деспотом, или рабом. Приказывай или повинуйся!» Да, соглашается игуменья, «в большинстве случаев»: «если эта воля разумна, не выходи из нее... не станешь признавать над собой одной воли, одного голоса, придется узнать их над собою несколько, и далеко не столь искренних и честных». Все, что может возразить племянница, это только сказать напоследок: «Вы отстали от современного образа жизни». В этом девушка, безусловно, права...

Диалог пожилой игуменьи и юной девушки, начатый почти сто пятьдесят лет назад, длится до сих пор. Ошибалась ли игуменья, уверенная в том, что равенства нет, что «это нравится природе»?

Кризисные явления, признаки которых стали явными в середине XIX века, усугублялись и трансформировались — конфликт «отцов и детей» сменился новым конфликтом — жен и мужей, и этот конфликт был еще более серьезным и глубоким. Повседневный уклад жизни менялся теперь уже и под воздействием нового фактора — повышения уровня образования женщин и выхода их на работу, что увеличивало их материальную и моральную независимость. Другой важной причиной кризиса семьи стало уменьшение значения религии в духовной жизни многих людей.

Семья патриархального типа подвергалась безоговорочному осуждению со стороны «новых» людей и критике людей прежней формации, вроде лесковской игуменьи. «Новые» утверждали: «С формами семьи связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства. Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность... И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи, есть борьба за достоинство человеческой личности... Нужно отстаивать более свободные формы семьи, менее авторитарные и менее иерархические» (Н. А. Бердяев).

Со временем привычные прежде отношения становятся для «новых» женщин все более нетерпимыми. Журналистка начала XX века утверждала: сейчас в России «крепостное право существует на законном основании» — это крепост-

ная зависимость жены от мужа, которая может иметь паспорт только с его разрешения. В 1905 году женщины 647 раз обращались с просьбой помочь «добыть им отдельный паспорт от мужей»¹⁶⁴ в российское Общество защиты женщин Севастополя, в противном случае они вынуждены были жить с алкоголиками, садистами, психически нездоровыми людьми. Но получить отдельный паспорт женщине простого звания было очень трудно.

Только в 1904 году царь утвердил принятый Государственной думой и Государственным советом закон о правах замужних женщин. Кроме других статей, закон давал право иметь отдельный «вид на жительство» без согласия мужа¹⁶⁵. Вполне закономерно, что после этого появились сообщения о том, как мужья и власти на местах сопротивляются проведению этого закона в жизнь.

Журналисты, юристы, женские общества говорили о том, что для того, чтобы женщина и ее дети имели гарантии в браке, необходим нотариальный договор, который обусловит права сторон и обеспечит материально женщину и ее потомство на случай смерти или развода: «Долги, которые делаются на честное слово, редко уплачиваются; но долги, обеспеченные формально, уплачиваются всегда»¹⁶⁶.

О материнстве

Одним из вопросов, вокруг которых возникала дискуссия в пореформенное время, было материнство. Женщина в прежние времена, утверждали публицистки, не имела никаких прав и в этой области: замужней женщине не позволялось ограничивать число беременностей, она должна была рожать столько детей, «сколько Бог пошлет», аборт же считался уголовным преступлением. Одаренные здоровьем от природы женщины были вынуждены рожать чуть ли не каждый год, все их молодые годы были заняты вынашиванием, рождением и выращиванием детей.

С другой стороны, обществом осуждались женщины, родившие ребенка вне брака. Новый взгляд на проблему отстаивал право женщин самим решать свою судьбу и в этом вопросе. «Новые» рассуждали так: «Вынужденное... и неограниченное

деторождение не только разрушает здоровье женщины, оно задерживает ее умственное и духовное развитие, оно отдает ее в вечное экономическое рабство мужчине... Общество и государство делают все для того, чтобы прекрасный творческий акт материнства, который, как и всякий творческий акт, должен быть прежде всего свободным, обескрылить, обесправить, подчинить себе, церкви, мужчине, узурпируя права единственного и истинного господина положения в этом вопросе — права женщины... Меры, предупреждающие зачатие, считаются некрасивыми с моральной точки зрения. Меры же, прекращающие беременность, сурово караются уголовным законодательством. Следовательно, и здесь ответ общества и государства ясен. Женщина не имеет права по собственному желанию отказаться от материнства».

Из этого следовал вывод: «Если законными признаются только дети замужних женщин, то отсюда ясно, что лишь мужчине дано право быть отцом. Женщина же, за свое желание стать матерью без разрешения церкви и общества, обрекается на всеобщее презрение, нищету, а иногда на вынужденную проституцию», потому что «мать незаконного ребенка называется “женщиной с запятнанной нравственностью” и не может быть принята на службу даже в те немногие учреждения, куда доступ женщинам открыт»¹⁶⁷.

Вот какую картину рисует публицист в начале XX века: семья — муж, жена и двое детей, живут на небольшое жалованье. «...Они едва сводили концы с концами, и она (жена. — Авт.) должна была бегать по урокам, чтобы приработать что-нибудь к своему бюджету, чтобы как-нибудь одевать их, чтобы иметь возможность выписать книгу. Кроме того — и это было главное — роды. Третий ребенок грозил новыми, непредвиденными расходами, а следовательно, долгами и уже настоящей, неотвратимой нуждой; и она принимала меры и жила в вечном страхе... в этом было столько ненормального, тяжелого, унижающего ее человеческое и материнское достоинство, лишавшего ее последнего уважения к самой себе!»¹⁶⁸. С подобной проблемой сталкивались слишком многие женщины, и писатели-мужчины отдали ей дань. Героиня повести А. И. Куприна «Поединок» решительно, пусть и шепотом, заявляет о том, о чем раньше и думать было аморально: «...Я не хочу ребенка. Фу, какая гадость! Обер-офицерша, сорок восемь рублей жа-

лованья, шестеро детей, пеленки, нищета... О, какой ужас!» Женщины и общество изменились — стало возможным вслух сказать о нежелании иметь детей.

Какой же представляли себе будущую жизнь и свою семью «передовые» люди? Они порой доходили до крайностей в своих суждениях. В издании «Спутник женщины. Настольная книга для женщин» под редакцией Н. А. Лухмановой есть такие строки: «...Можно только сказать, что женщины, привыкая постепенно к общественной жизни, стремясь помогать друг другу, будут стараться и в своих детях развить идеал служения общественной пользе, а не личной семейной жизни, как теперь, особенно у нас в России». Эти слова, в которых неоправданно противопоставляется общественное и личное, критикует редакция «Женского дела»: «Следовательно, автор против личной семейной жизни, против того, чему мы, с своей стороны, останемся всегда верны. Если женщина хочет участвовать в общественной жизни, то никак не для того, чтобы разрушать личную семейную жизнь, напротив, чтобы лучше ее устроить, внести в общественную жизнь тот нравственный элемент, носителем которого мы считаем женщину. В этом и заключается наше коренное разноречие с г-жею Лухмановой»¹⁶⁹. К сожалению, эта точка зрения тонула в хоре голосов разрушителей прежнего строя жизни.

Мемуаристка Александра Успенская ожидала первого ребенка, и последние месяцы беременности протекали очень тяжело. В кругу близких друзей и знакомых четы Успенских был известный революционер Нечаев, которого они высоко ценили. Странные чувства обуревали беременную женщину, ожидавшую первенца: «...Мне стыдно было за свое, хотя и невольное бездействие перед ним. “Вот, — думалось мне, — человек, всего себя отдавший работе, тому делу, о котором мы до сих пор только разговоры разговаривали”. Мне стыдно было сознавать, что у меня есть личная жизнь, личные интересы. У него же ничего не было — ни семьи, ни личных привязанностей, ни своего угла, никакого решительно имущества, хотя бы такого же скудного, как у нас, не было даже своего имени...»¹⁷⁰ Подобные цитаты можно привести во множестве. Так, мать писателя Е. Гаршина, бросившая свою семью, писала: «Я теперь не мать, не жена, не сестра, я гражданка моей родины и буду счастлива выше всякого земного счастья, если хоть одну лепту

душевную принесу на общее дело»¹⁷¹. Ей почти слово в слово вторит виднейшая деятельница женского движения Н. В. Стасова: «Для меня исчезло очарование семьи, своей собственной, я почувствовала любовь к всемирной семье; это стало моим делом, я с ним и умру...» Характерны задушевные размышления революционерки В. Ваховской: «Мне стало совестно, что у меня есть средства к жизни, что я не принуждена зарабатывать на свое пропитание. Мне хотелось бедности, труда, борьбы...»¹⁷².

Немало было таких женщин, желавших нужды, испытаний, стыдившихся достатка, презиравших наряды, красивую обстановку, ненавидевших украшения, — тех, кто жаждал борьбы. И будущее предоставило русским женщинам возможность полной чашей зачерпнуть нужду, испытания, борьбу за выживание — свою и своих детей...

О разводе

Если девушкам из породы «новых людей» только предстояло выбрать свое будущее, то многим женщинам хотелось разорваться со своим прошлым — прекратить тяготившие их супружеские отношения. Более реальной, чем прежде, стала вероятность развода: «Во второй половине XIX столетия неразрешимость неудачных браков, распространенность браков по принуждению и расчету приобрели особую актуальность»¹⁷³, — констатирует современный исследователь.

Для развода требовались жестко оговоренные условия. Брак считался церковным таинством, и потому именно духовное ведомство занималось разводами. Существовал особый устав, согласно которому действовали епархиальные суды (разводившиеся должны были подвергаться суду «по месту жительства») и Духовные консистории. Развод был делом сложным и долгим, и поэтому вместо развода частенько практиковался разъезд — супруги на определенных условиях жили отдельно, формально оставаясь мужем и женой. Но и эта форма разрешения семейных конфликтов осуждалась церковью, пытавшейся при всех условиях способствовать сохранению семьи; в результате в 1830 году раздельное проживание супругов — по любым причинам — было запрещено. Впрочем, это узаконение, как многие другие в России, ожидал полный провал.

В конце XVIII — начале XIX века «соломенные вдовы» и «соломенные вдовцы» часто давали друг другу разводные письма, которые, конечно, не имели никакой юридической силы¹⁷⁴. При этом каждый из разьежавшихся супругов сохранял за собой право требовать по суду, чтобы совместное проживание было восстановлено (ПСЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 103), и такая угроза всегда существовала. Статья 106 Свода законов (ПСЗ. Т. X. Ч. 1) подтверждала обязанность мужа содержать жену, даже если супруги живут раздельно (при условии, что жена в этом не была виновата). Позже, в бытность при Александре I государственным секретарем М. М. Сперанского, была предпринята попытка разработать законодательство о разводе, но опала Сперанского и яростное сопротивление министра внутренних дел А. Н. Голицына прервали эту работу.

В пореформенное время перемены в семейных отношениях становятся все более очевидными. Это видно на примере большого числа публикаций о разводах и внутрисемейных отношениях — число учебников, руководств, монографий лавинообразно нарастает¹⁷⁵; развод поистине становится злобой дня.

Среди уважительных причин для развода признавались прелюбодеяние, покушение на жизнь супруга или знание о таком покушении, безвестное отсутствие в течение пяти лет (действительно безвестное, а не просто длительное), вечная ссылка одного из супругов, неспособность одного из супругов к брачному сожитию («противоестественные пороки» супруга закон за причину к разводу не признавал). Причем, согласно российскому законодательству, при разводе муж не имел преимуществ перед женой: причины развода признавались равными для всех. Но на практике положение мужчины было более защищенным.

Обдумывая возможность развода, обманутый Каренин обращается к адвокату: «Развод по нашим законам... возможен, как вам известно, в следующих случаях... физические недостатки супругов, затем безвестная пятилетняя отлучка, — сказал он, загнув поросший волосами короткий палец, — затем прелюбодеяние (это слово он произнес с видимым удовольствием)...» Прелюбодеяние и в самом деле весьма часто становилось причиной развода. Но все было не так просто, как кажется: признания согрешившего супруга в собственной вине

было недостаточно; на рассмотрение консистории нужно было представить показания трех очевидцев (или доказательство «прижития незаконных детей») — указ, изданный в 1811 году, требовал дополнительных доказательств.

Словом, получить развод стоило большого труда, и порой приходилось ждать его слишком долго, но тем не менее в 1897 году в Российской империи было зарегистрировано 1132 развода¹⁷⁶. Периодика приводила такие цифры: на 10 тысяч браков в 1867—1876 годах в России приходилось 18 разводов (в Германии — 107, в Англии — 9), а в 1877—1886 годах — уже 22 (в Германии — 152, в Англии — 19)¹⁷⁷. Но желающих развестись было много больше: «Синод завален бракоразводными делами. Новых дел ежемесячно поступает до тысячи»¹⁷⁸.

В начале XX века очередной международный конгресс юристов в Лондоне специально обратился к теме развода: все большее число распадающихся семей стало проблемой общеевропейской. Юристы разных стран обрисовывали «положение этого вопроса у себя на родине». В Англии закон о расторжении брака, констатировал докладчик, очень строг, он признает как повод только неверность супругов (причем неверность мужа имеет значение только в том случае, если муж жестоко обращается с женой или отказывается выдавать ей содержание), а бракоразводный процесс доступен лишь очень богатым людям. На съезде говорили о том, что Россия в отношении процедуры развода стоит ближе к католическим странам, где «бракоразводный процесс обставлен большими процессуальными подробностями и всецело находится в ведении духовного суда»¹⁷⁹.

Особенность «бракоразводного процесса по-русски» заключалась в двойственности его характера: рассмотрение законности оснований к разводу и само его производство находились в рассмотрении церкви, а причины развода, определение прав разведенных и положение их детей определялись гражданским правом. Попытки ограничить власть церкви лишь рассмотрением бракоразводных дел по причинам прелюбодения не удавались.

История одной любви.
Надежда Александровна
и Владимир Михайлович Лопатины

На примере отношений Надежды Александровны и Владимира Михайловича Лопатиных можно рассмотреть историю «незаконной» любви, появления на свет незаконнорожденных детей, развода, общественного мнения вокруг всех этих событий.

Владимир Михайлович Лопатин принадлежал к хорошей дворянской фамилии, которая была в родстве и близком знакомстве со «всей Москвой»¹⁸⁰. Окончив юридический факультет Московского университета, он служил по судебному ведомству. Однажды Владимир Михайлович отправился с визитом — знакомиться с сестрой невесты своего родного брата. Эта дама, Надежда Александровна Горбунова, и стала любовью его жизни. Миниатюрная, изящная, грациозная, «с ясной душой и чуткой совестью», как он описывает ее в своих воспоминаниях, эта женщина, по всей видимости, сразу пленила молодого человека.

Но у Горбуновой был муж и трое детей, причем последний из них только что появился на свет. Муж, как впоследствии вспоминал Лопатин, ни в чем не походил на свою жену: они были людьми «из разных миров». Любитель лошадей и спорта, он отличался «примитивно-прямолинейными» вкусами и жил «внешней жизнью». Надежда Александровна и Владимир Михайлович, напротив, были под стать друг другу; они быстро осознали, что их связывает нечто большее, чем просто влюбленность. Главным препятствием для развития отношений были дети, ведь по закону муж имел полное право оставить их у себя: «Закон подчиняет жену мужу, признает ее и ее детей его собственностью и обязывает ее угождать ему»¹⁸¹. В те годы в журналах для женщин редакции заводили юридические отделы, в которых отвечали на письма читательниц, в том числе давали им советы и разъясняли законы; в одном из таких разъяснений говорилось: «Так как отец является главой семьи, к которой принадлежит и мать, то преимущественное право на воспитание детей принадлежит отцу, доколе не будет доказано, что польза детей требует воспитания их матерью»¹⁸².

Лопатин несколько раз пытался откровенно объясниться с мужем своей любимой, но тот уклонялся от прямого разговора. Но однажды публичный скандал разрубил гордиев узел: Горбунов напился в присутствии гостей и выгнал жену из дому. На следующий день Надежда Александровна в сопровождении Лопатина уехала в Москву, где поселилась в доме своей матери. Что их ожидало? Развод получить было непросто. Для этого, как мы знаем, обоюдного согласия сторон было недостаточно (кроме одного случая — когда оба супруга решили постричься в монахи). Общественное мнение было на стороне брошенного мужа — многие, как замечает Владимир Михайлович, «инстинктивно склонялись к защите нерушимости формальных супружеских прав».

Лопатина очень тревожило отношение своих родных, особенно матери, которую он любил и глубоко уважал. А она, как ему было хорошо известно, «на брак смотрела, как на священный незабываемый союз, и внебрачное сожителство возбуждало в ней недоверие и гадливость. “Так и собаки живут”, — говорила она». Семейная жизнь сына доставляла ей немало огорчений; впрочем, наблюдая развитие ситуации, отношения сына и его возлюбленной, она нашла в себе силы уважать их чувства.

Это было тяжелое время для Надежды Александровны и Владимира Михайловича. Надежда Александровна, пытаясь вернуть себе детей, подавала прошение на высочайшее имя, встречалась с председателем комиссии по прошениям С. Д. Сипягиным, но повсюду встречала отказ. В случае развода дети остались бы с отцом, ведь именно поведение их матери послужило бы причиной развода. Более того, Надежда Александровна не имела бы права вступить в новый брак. (Как гласила статья 256 Устава Духовной консистории, «изобличенный в прелюбодеянии супруг... не может никогда вступить в новый брак и сверх того подвергнется известной епитимии».) Поэтому, когда муж наконец обратился в Духовную консисторию с ходатайством о разводе, выдвинув причиной неверность своей супруги, Надежда Александровна воспротивилась этому шагу. Ей удалось оспорить прошение мужа — выяснилось, что его поведение тоже не было безупречно, и это меняло правовые обстоятельства дела. Согласно букве закона, брак можно было расторгнуть «лишь при доказанности прелюбодеяния одного из супругов, а не обоих»¹⁸³.

Следовательно, развод стал невозможен. И тогда Надежда Александровна решила похитить своих детей. Именно такой совет в частной беседе ей дал некий жандармский полковник, обладавший большим опытом в семейных делах. (Надо отметить, что исполнительные власти действовали в подобных случаях довольно гибко и часто руководствовались здравым смыслом. Как отмечает ученый-юрист, «была выработана целая система по делам о раздельном жительстве супругов»: просьбу жены об отдельном виде на жительство изучали в III отделении или провинциальных управлениях полиции и жандармских управлениях, и, если она была основательной, мужа вынуждали выдать разрешение¹⁸⁴.)

Надежда Александровна последовала мудрому совету, она тайком увезла детей и спрятала их у знакомых. Но тут же возникла новая проблема: она забеременела, а поскольку внешние приличия по-прежнему соблюдались, пришлось уехать от любопытных глаз, в Киев, где родился мальчик. Ребенка следовало крестить, а следовательно, дать ему фамилию — согласно паспорту его матери, то есть имя мужа Надежды Александровны, а не настоящего отца. Выход был найден, хотя и непростой: крещение отложили и, по возвращении в Москву, провели обряд по всем правилам в приюте для незаконнорожденных. Там записали младенца как «родившегося от матери, не пожелавшей объявить своего имени и фамилии». В качестве крестного отца Владимир Михайлович пригласил своего дальнего знакомого, потому что его звали Владимир, — ведь «незаконные дети имели отчество по имени своего крестного отца», и так он смог дать мальчику хотя бы свое имя.

Владимир Михайлович отвез Надежду Александровну с детьми в родовую усадьбу, а сам вынужден был вернуться на службу. Однако его невенчанная жена не осталась одна. Близкие родственники Владимира Михайловича — Чебышевы, принадлежавшие к высшему свету и имевшие непререкаемый авторитет в округе, нанесли визит Надежде Александровне и подружились с ней. Их поддержка сразу сделала ее своей среди соседей-помещиков.

Когда у Надежды Александровны и Владимира Михайловича родился второй ребенок, они уже хорошо ориентировались в ситуации: местный священник «согласился записать младенца незаконнорожденным от матери Надежды из име-

ния Лопатиных, не пожелавшей объявить свое звание, отчество и фамилию».

Детей, родившихся в подобных ситуациях, было немало, и наконец приняли закон, разрешавший родителям усыновлять собственных внебрачных детей, что позволило Лопатину, как и многим другим, официально вступить в родительские права.

Окружающие, а главное, сами «преступники» так свыклись со своим положением, что, когда они переехали в город, где служил Лопатин, им удалось легко вписаться в местное общество. Выдавать Надежду Александровну за законную жену Лопатина не хотел: это казалось ему фальшивым, принижающим их отношения, да и действительность была известна слишком многим. Они стали появляться вдвоем в общественных местах, говоря друг другу «вы», а дома принимали гостей, как муж и жена. Уверенное поведение пары произвело впечатление — «все прониклись к нашему нелегальному союзу уважением и большим интересом», вспоминал Лопатин. Смерть мужа Надежды Александровны в 1906 году разрешила проблему.

Несмотря на моральные страдания, перенесенные участниками этой истории, все же общая канва событий развивалась довольно гладко. Но далеко не у всех, кто переживал процедуру развода и развода, дележа детей и т. п., были материальные средства, помогавшие разрешить множество проблем, — та же собственная усадьба, где можно было укрыться от чужих глаз...

Лишь в начале XX века, как мы уже упоминали, был принят закон о правах замужних женщин. Его 103-я статья признавала право одного из супругов отказаться от совместной жизни, которая «представляется для него невыносимой». Среди уважительных причин для развода были названы: жестокое обращение с супругом или детьми, нанесение тяжких оскорблений, «явное злоупотребление супружескими правами», бесчеловечное порочное поведение, тяжкая душевная или «иная прилипчивая и отвратительная болезнь, которая представляет опасность для жизни и здоровья другого супруга или его потомства». Причем признанный «невиноватым» супруг имел право требовать, чтобы дети остались у него.

Болезненно медленно укоренялась в обществе мысль о допустимости и даже необходимости развода. Часто вина была на стороне мужчины, но общество и в таких случаях, быва-

ло, винило женщину. Именно она несла на себе основную тяжесть развода, его стыд и — очень часто — испытывала после него материальные проблемы.

Кстати, в отличие от женщины разведенной или живущей отдельно от мужа положение вдовы было, по представлениям людей того времени, вполне достойным. И потому не случайно «разведенки» нередко предпочитали выдавать себя за вдов. Так, Лидия Чарская хотя и развелась с мужем, в автобиографической повести «Солнышко» говорит о себе как о вдове.

«Мать-одиночка» и внебрачные отношения

Число одиноких женщин (разведенных, брошенных, тех, что ушли от мужа сами), матерей-одиночек и живущих в незарегистрированном браке постепенно увеличивалось. В пореформенную эпоху в российскую повседневность вошел незнакомый персонаж — мать-одиночка, женщина, никогда не бывшая замужем, но родившая ребенка. Разумеется, и прежде таких женщин в России было множество, но выражение «мать-одиночка» к ним было абсолютно неприменимо. Они, как правило, не исполняли материнских обязанностей. Незаконнорожденное дитя отдавалось в приют или на воспитание каким-нибудь родственникам под вымышленным именем.

Детей, рожденных вне брака, всегда было очень много — об этом рассказывают мемуары современников. Появление незаконнорожденного ребенка было делом довольно обыкновенным, и поэтому имелись хорошо разработанные механизмы, помогавшие улаживать щекотливые ситуации, если таковые возникали. Вот пример, относящийся к концу XVIII — началу XIX века: «Братья Протасовы, пока были еще не женатыми, имели много любовниц и много незаконных детей. Василий Иванович следовал при этом некоторым положенным им правилам: он говорил, что должно воспитывать незаконных детей в том состоянии, в котором находится их мать... Тогда не было воспитательных домов, и предки наши считали своею обязанностью заботиться о существах, которые живут по их вине»¹⁸⁵. Дети рождались у крепостных крестьянок от помещиков, и тогда они, как правило, оставались крепостными, но, случалось, им давалась вольная.

Автор романа «Анна Каренина», в котором, по собственному его признанию, он любил «мысль семейную», хорошо представлял себе «изнутри» ситуацию разезда или развода супругов, адюльтера, появления на свет «незаконных» детей. Сам писатель вырос без родителей и жил в окружении людей, семейная жизнь которых складывалась неблагополучно. Его сестра Мария Николаевна ушла от мужа, оставив троих детей, в заграничном путешествии сошлась с Гектором де Кленом, родила дочь Елену и ощутила весь позор своего двусмысленного положения. Брат Сергей долгие годы жил «беззаконно» с цыганкой М. М. Шишкиной, которая рожала ему детей, пока, наконец, не повел свою гражданскую жену под венец. Не все было гладко и в семье жены Толстого — Софьи Андреевны. Ее бабушка, княгиня Козловская, некогда ушла от мужа к Исленьеву. Все рожденные в этом союзе дети считались «незаконными», в том числе мать Софьи Андреевны — Любовь Исленьева. А будущий муж Исленьевой, доктор Андрей Евстафьевич Берс, в молодости сопровождал в заграничной поездке Варвару Петровну Тургеневу, мать великого писателя. Они провели два года в Париже, и Тургенева родила от него дочь, которой дали фамилию Богданович-Лутовинова. В имении матери она жила просто как воспитанница. Да и у самого И. С. Тургенева росла дочь «от рабыни» — крепостной крестьянки, Полина, которую он поместил на воспитание в семейство своей пассии Полины Виардо.

Общество смотрело сквозь пальцы на «связи на стороне», молчаливо признавая их неизбежность и даже необходимость — «быль молодцу не в укор». Предполагалось, говоря языком антрополога, что мужчина — существо не моногамное, и вольное поведение для него допустимо. А. И. Куприн в «Яме» говорит устами своего героя о «благоразумной и простой цели оставить здесь (в публичном доме. — *Авт.*) избыток страсти». Как считалось, проституция и адюльтер не разрушали семью, а напротив, лишь укрепляли ее; одно не должно было мешать другому в жизни мужчины.

Вспомним, как Долли Облонская обсуждала со своей золовкой измены своего мужа: «Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кем? Им и его детьми. Я отслужила ему, и на этой службе ушло все мое, и ему теперь, разумеется, свежее пошлое существо приятнее». Анна трезво

смотрит на эту ситуацию: «Я больше тебя знаю свет, — сказала она. — Я знаю этих людей, как Стива, как они смотрят на это. Ты говоришь, он с ней говорил о тебе. Этого не было. Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена — это для них святыня».

Но в своей правоте был убежден и сам объект обсуждения — неверный муж: «Степан Аркадьевич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его. Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя... смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что он не верен ей, и смотрит на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительнее. Оказалось совсем противное» («Анна Каренина»).

Визиты в публичные дома, встречи с «дамами полусвета» были делом самым обыкновенным. Проституция в России была легализована в 1843 году по инициативе министра внутренних дел Л. А. Перовского. В Петербурге создали особый полицейский врачебный комитет, выявивший 400 проституток, которые отныне находились под врачебно-полицейским надзором¹⁸⁶. В прессе об этих «жертвах общественного темперамента» заговорили только в конце XIX века. (А до того о проститутках говорили лишь в кругах шестидесятников, где появилась мода «спасать» их из домов терпимости, потерпевшая, впрочем, полное фиаско.)

Если мужчина соблюдал приличия, оказывал уважение жене, заботился о своих близких, его похождения не считались поводом для развода. Женщине следовало терпимо относиться к его «грешкам». И традиции, и законы в данном случае совпадали. Снисходительно на измены мужа смотрели и духовные власти: его «похождения» считались, согласно каноническому праву, прелюбодеянием, только если он вступал в связь с замужней женщиной; при этом его вино-

вность признавалась не перед женой, а перед мужем его любовницы.

Совсем другое дело — женщина. Хотя и ей при внешнем соблюдении приличий позволялось в определенных условиях многое. Вспомним, что думает толстовская Долли, направляясь в деревню к Анне Карениной, где она живет с Вронским: «вообще, отвлеченно, Долли одобряла поступок Анны...» Более того, Долли, заботливая мать и преданная жена, «отвлеченно, теоретически... не только оправдывала, но даже одобряла поступок Анны. Как вообще нередко безукоризненно нравственные женщины, уставшие от однообразия нравственной жизни, она издалека не только извиняла преступную любовь, но даже завидовала ей». Она примеряла к себе чужую измену, но никогда бы не последовала примеру Карениной.

Правила этикета высшего света были чрезвычайно строги по отношению к таким, как Анна Каренина: «Женщина считается потерявшей свое положение в обществе с того момента, как она вступает в предосудительные отношения к мужчине. Поклон, намек на отношения, даже пристальный взгляд на подобную женщину есть уже величайшее оскорбление для сопровождающей мужчину честной женщины» и в случае, если бы спутник ее забылся до такой степени, она немедленно должна покинуть его»¹⁸⁷, — повелевал этикет. Мы помним эпизод, когда Анна Каренина пережила унижительную сцену в театре на глазах у всех. Публика, бывшая свидетелем того, как Анну оскорбила «порядочная» дама из соседней ложи, осуждала последнюю, но тем не менее за Каренину ни один человек не вступился — ведь своим открытым сожительством с Вронским Анна бросала вызов обществу. Не так поступала Бетси Тверская, которая «была в связи с Тушкевичем, самым гадким образом обманывая мужа». Но при этом все делалось с соблюдением внешних приличий, и поэтому Бетси, хотя весь свет знал о ее неверности, продолжала считаться «порядочной женщиной». Неверная жена Бетси Тверская с полным правом могла заявить Анне Карениной, что «знать не хочет» ее, пока ее «положение будет неправильно».

Женщина, находящаяся в «двусмысленном положении», в свете каждую минуту могла быть подвергнута унижению, оскорбительным замечаниям. Однако в интеллигентной среде отношение к таким женщинам было гораздо более терпимым.

Незаконнорожденные

«Побочные» связи приводили к появлению незаконнорожденных детей. Согласно подсчетам конца XIX века, за пять лет в России вне брака родились 28 процентов детей¹⁸⁸. Без внимания эту часть населения закон оставить не мог. И вот в 1902 году был принят закон, который вводил новый термин — «незаконнорожденный»; ребенок отныне на языке закона именовался «внебрачным» (вспомним, что в екатерининские времена был придуман другой политкорректный термин: «несчастнорожденный»). Это был шаг вперед по сравнению с предыдущими установлениями (например, теперь мать могла требовать от отца средства на содержание ребенка), хотя юристы и находили в статьях этого закона множество недочетов¹⁸⁹.

Среди «новых» людей столичного Петербурга знаменитостью стала некая княжна Маркелова, молодая, хорошо образованная, непривлекательная внешне, но незаурядная по уму и характеру женщина. Она сама обеспечивала себя, зарабатывая журналистикой и переводами. В результате романа с художником она родила, что, конечно, само по себе было событием тривиальным. Новым было то, что женщина «хорошего общества», дворянка, живущая в столичном городе, вовсе не прятала своего незаконнорожденного ребенка. Напротив, ребенок жил вместе с ней, она принимала гостей, вела открытую жизнь, не стесняясь своего «падения». В результате Маркелова стала «знаменитостью, к ней ездили знакомиться люди весьма разнообразных слоев общества»¹⁹⁰.

Приходит на память другой такой случай. Александра Ивановна Соколова, из дворянской семьи, публиковалась в журналах, гонорары за публикации составляли основной источник ее дохода, то есть она была профессиональным журналистом — таких женщин в тогдашней России было немного. Замужем она не была, однако в январе 1865 года у нее родился сын. Соколова в это время находилась на подозрении у полиции, за ней следили. Опасаясь ареста, она бежала, оставив в гостинице еще не крещенного младенца. К пеленкам была пришпилена записка на французском языке, где она просила окрестить подкидыша под именем Власа, «в честь Блеза

Паскаля». В соседнем гостиничном номере остановилась почтенная пара — коллежский секретарь М. И. Дорошевич с женой. Супруги были бездетны, восприняли происшедшее как перст судьбы и усыновили мальчика. Как и желала мать, сын был окрещен под именем Власий. Подкидыш вырос и стал «королем фельетона» Власом Михайловичем Дорошевичем и даже работал одно время со своей матерью в одном и том же журнале.

Несколько слов в сторону:
имена

Сделаем небольшое отступление по поводу Блеза Паскаля. Характерное явление для патриархального общества — повторяемость родовых имен. Если у Ивана Николаевича рождался первенец, то его часто называли Николаем, сын которого, в свою очередь, чаще всего получал имя Иван. В каждой семье существовал привычный набор имен, который поддерживал родовые связи по вертикали и горизонтали — для новорожденного выбиралось имя отца, деда, крестного, дяди, более отдаленных родственников и предков, и это подчеркивало устойчивость семейных отношений, утверждало связь с прошлым. Но во второй половине XIX века начинает формироваться мода давать новые имена, прежде встречавшиеся редко или не встречавшиеся вообще: Марина, Нина, Лидия или вот это — Блез. Язык чутко реагирует на перемены в социальной жизни.

«Новыми людьми», естественно, вырабатывалась «новая мораль». Веками существовали измены, незаконнорожденные дети, незаконные сожителства, но все это оставалось под покровом тайны, и грешники пытались соблюдать приличия. Теперь же «грешили» открыто, что в глазах «новых людей» легализировало прежде запретное. Таких людей становилось все больше, и они боролись за утверждение новой нормы, с которой они чувствовали бы себя комфортно.

Периодика того времени заполнена высказываниями на темы брака, развода, незаконнорожденных детей и внебрачных связей. Женщина-журналист становится привычной фигурой — для нее эти темы были особенно актуальными. Женщины защищали себя, свое мировоззрение и были весьма агрессивны — особенно если встречали противодействие со

стороны общественного мнения. Но в начале XX века общественный настрой уже явственно менялся в их пользу.

Герой одного из журнальных рассказов — некий князь, любимец фортуны и женщин. Он собирается посвататься к женщине, которую, как ему кажется, полюбил. Героиня, Лидия Яковлевна Бриттова, — «женщина с прошлым». Нельзя не обратить внимания на то, что имя, отчество и фамилия женщины указываются точно, она выступает «с открытым забралом», мужчина же спрятан под анонимным «князь» (а титул, как мы знаем, в демократической среде воспринимается с негативным оттенком¹⁹¹).

Князя терзают сомнения: он человек общества, богатый и титулованный, имеющий вес, а о Бриттовой «все, решительно все знают, что она с кем-то жила, ее бросили, у нее был ребенок». Он нервничает, ибо не уверен в том, что делает. И вот наконец, собравшись с силами, обращается к предмету своей страсти: «Я готов простить... готов ваше пятно покрыть моим именем». Князь очень точно выбрал именно те слова, что могут оттолкнуть избранницу. Та произносит в ответ целую речь, и ее аргументация совершенно типична для «новых людей»: «Будь я молодая вдова, за деньги продавшаяся старому мужу и имевшая многих любовников, вы не испытывали бы колебаний, прежде чем предложить ваше громкое имя. Тогда вам нечего было бы прощать». Но, горячо говорит Лидия Яковлевна, она гораздо более чиста, чем многие «порядочные женщины»: она любила искренней любовью невинной девушки, отдалась, была обманута.

В ответ на свое лестное предложение князь неожиданно слышит: «Смогу ли я простить вас?» Он ошеломлен. Лидия Яковлевна продолжает наступление: «Сколько раз вы крали ласки у жен ваших доверчивых друзей! Скольких девушек, горничных и модисток, обольстили вы, вырвав из трудовой среды, толкнув на гибельный путь!.. Я любила... Вы крали или покупали». Но такая логика неубедительна для человека патриархального общества: «Вы забываете одно — я мужчина, вы женщина. Что прощается нам, ложится позором на вас», — говорит князь и получает в ответ: «...В вопросах нравственности нет мужчины и женщины, есть — человек... когда всякая женщина поймет, что от мужчины она вправе требовать того же, чего требуют от нее, она станет личностью, хозяином жизни, каким должен быть человек»¹⁹².

Мы присутствуем при диалоге людей двух культур. Логика каждого — законна и убедительна, но убедительна она и законна внутри разных социумов. И диалог этот (как и спор лесковских игуменьи и ее молоденькой племянницы) продолжается до сих пор. Время, казалось бы, все переменяло: прокламируемой нормой в наши дни являются идеалы Лидии Яковлевны и, напротив, маргинальными — взгляды князя, но в общественном менталитете, они тем не менее сохраняют свою силу.

История сватовства князя к «женщине с прошлым» окончилась ничем; «диалога культур» не получилось. Он ждал ответа и уже откровенно боялся, что она согласится. Она отказала, предложив «остаться друзьями». Он с облегчением удалился...

Свободный брак и свобода от семьи

В «новой» прессе публиковалось немало сочинений на тему «Законная жена, вышедшая за богатого без любви, хуже проститутки». «Передовые» публицистки приветствовали тех, что «полюбили друг друга и свободно и честно сошлись», не пожелав «связывать себя посторонними цепями. Развод труден, в некоторых условиях почти невозможен, всегда скандален. А вдруг ошибка: не любовь, а увлечение... Пройдет чувство, надо расставаться, а свободы уже нет!» И «передовые» люди «честно решают: Будем любить свободно! Пока любитесь. Чем такой брак «незаконен»?»¹⁹³ Все бы хорошо, если бы не дети, да вдруг болезнь или потеря трудоспособности? Но здравый смысл остался в лоне патриархального общества...

Эпоха революций с новой силой обрушилась на традиционную семью. Патриархальные устои критиковали активно и сознательно (А. Коллонтай, Инесса Арманд и др.). Пионер социологии Питириим Сорокин писал в 1916 году: «...Интересы современной семьи и ее процветания в наше время нередко сталкиваются с интересами общества и являются тормозом для проявления более высоких альтруистических порывов и поступков»; он предсказывал «рассасывание» семьи обществом, «ее таяние и растворение в общественных интересах». Сорокин уверял читателей, что в будущем, при социализме, грядет обобществление не только средств и орудий производ-

ства, но и самого человека, замена «семейной» мотивации поведения поведением «общественным», диктуемым бескорыстным желанием служить обществу и его благу¹⁹⁴.

Свободные взаимоотношения между полами получили распространение в начале XX века прежде всего среди интеллигенции. Поведение «новых» женщин, по сути, может, и безупречное, ставило мужчин и женщин на одну доску, сокращало между ними дистанцию. «Традиционная» дама, будь то нелепая старая дева или ограниченная хлопотливая болтушка, хотя и становилась порой объектом насмешек, имела при том полное право на почтение и уважительное обращение окружающих. Не таково было положение женщин, нарушающих писанные и неписанные правила. Они сталкивались с оскорблениями, грубостью и постоянными унижениями, они должны были готовы к проявлению агрессии. Если женщина нарушала правила традиционного общества, это означало, что она ведет себя не по-женски. Вольное поведение провоцировало порой самую жесткую реакцию.

Мария Башкирцева, девушка из состоятельной семьи, получившая хорошее образование, баловень родных, решила продолжить свои художественные штудии в Париже. Там она увлеклась модным писателем Ги де Мопассаном и, в соответствии с принятой на себя ролью «современной» женщины, обратилась к нему с вызывающе откровенным письмом. Ответ Мопассана был оскорбителен

Татьяна Ларина поступила, казалось бы, точно так же — влюбленная юная девушка написала откровенное письмо своему «предмету» — в сущности, предложила себя чужому, высокомерному светскому шеголю. Но Татьяна жила в доне семьи, под ее защитой, а факт переписки с посторонним мужчиной (что само уже было нарушением всяческих приличий) остался тайной. Героиня гончаровского «Обрыва» Верочка, как говорили в таких случаях наши предки, «пала», и ее совратитель о женитьбе и не помышлял. Но выйти из трагической ситуации для девушки опять-таки помогла семья — мудрая патриархальная бабушка, да и вся среда помещицкого дома.

Трагическую жизнь прожила Наталья Тучкова. Юной семнадцатилетней девушкой она стала причиной распада брака Н. П. Огарева, который страстно в нее влюбился. Жена долго не давала Огареву развода. Презрев общественное мнение,

вызывая толки и пересуды, Огарев и Тучкова открыто жили в незарегистрированном браке. А. И. Герцен, заступаясь за друга, преподносил их отношения как нечто новое, возвышенное, отвергающее старую мораль. Но прошло время, и Тучкова, к тому моменту уже законная жена Огарева, сошлась с самим Герценом, родила ему троих детей, которые считались при этом, согласно закону, детьми Огарева. Сам Огарев в это время нашел себе новую подругу.

Было ли что-то новое во взаимоотношениях этих людей, кроме демонстративного и нарочитого пренебрежения мнением окружающих, пренебрежения принятыми нравственными нормами? В 1870 году Герцен умер, прошло несколько лет, и самоубийством покончила единственная дочь Тучковой, которая еще оставалась в живых. Наталья Тучкова осталась одна. Ей было всего 47 лет, и впереди было еще тридцать лет жизни, которые, по ее словам, она «жила с мертвыми», жила прошлым. И тогда она вернулась в семью, к отцу. Именно традиционная семья приняла Тучкову и спасла ее, позволив пережить тяжелые годы, осмыслить собственный опыт, представить его как урок для остальных. В мемуарах Тучкова выносит оценку своим поступкам, осознает свое прошлое.

В отличие от всех них Мария Башкирцева, пользуясь материальной поддержкой семьи, в то же подчеркивала свою независимость от нее. Ее жизнь обросла легендами и мифами, о ней существует большая литература. Дневник, изданный сразу после ее смерти (еще до революции он несколько раз был переиздан), мгновенно вошел в моду, современники читали и перечитывали его, пытаясь понять, что за человек автор. Даже тщательно отредактированный матерью Марии, дневник и в таком виде поражал откровенным эгоцентризмом, нарциссизмом и невиданной доселе откровенностью любовных переживаний.

Отметим, насколько активно в те годы публикуются документы личного характера: многочисленные журналы наперебой публикуют переписку, воспоминания, дневниковые записи великих и малоизвестных личностей. Общество отличала высокая степень рефлексии, быстрота отклика на меняющиеся события повседневности.

Многие видели в Башкирцевой «новую личность», борющуюся против конформизма общества за самораскрытие сво-

ей личности посредством творчества», утверждали в привычных словесных оборотах шестидесятников-демократов, «что ее убил, конечно, туберкулез, но не в меньшей степени невозможность полноценной творческой жизни. Ее убило общество...»¹⁹⁵. Личность Марии Башкирцевой волновала и многих ее младших современниц. Одна из них пишет: «...На меня очень сильное влияние оказал дневник Башкирцевой, ее личность, ее смелое утверждение себя», и делает вывод, что надо «не преклоняться перед признанными авторитетами, не прислушиваться к чужим мнениям, не считаться с предрассудками окружающей среды, поступать только по собственному разумению, быть до конца собой»¹⁹⁶.

На наш взгляд, такие женщины, как Башкирцева, представляли особый психологический тип, высшим стремлением которого было желание славы, повышенного внимания со стороны окружающих. Мария Башкирцева как средняя художница вполне реализовала себя. Ее картины выставлялись в крупнейших музеях (в том числе и в Лувре), она пользовалась признанием европейского культурного сообщества. При этом она ни на минуту, как это видно из ее дневника, не оставляла мысли о традиционном пути утверждения женщины в обществе — о замужестве. Но воображаемый муж привлекал ее отнюдь не возможностью создания семьи и рождения детей — нет, ей нужна была поддержка претензий на славу, она колебалась в выборе между двумя предполагаемыми кандидатурами — богатого и знатного мужчины и гения, которые сложили бы все к ее ногам и, как могли, восхваляли бы ее. Незаурядный, одаренный человек, но при этом истеричная, склонная к самолюбанию Мария Башкирцева сделала себя несчастной сама.

В сущности, дневник Марии Башкирцевой, как и получивший следом за ним большую известность дневник ее поклонницы Елизаветы Дьяконовой, — чтение скучное. И той, и другой были свойственна преувеличенная самооценка, не подкрепленные реальностью амбиции. Обе они искали в жизни нечто такое, чего в ней нет, но реальную, живую жизнь не любили, отталкивались от нее (обозреватель «Русских ведомостей», с оценками которого мы солидарны, охарактеризовал это как «баюканье собственной отчужденности от мира»). «...Действительная жизнь так однообразна, так притупляюще

действует на нервы, что возможно сойти с ума, не найдя себе удовлетворения»¹⁹⁷, — написала Елизавета Дьяконова. И кажется не случайным, что и к Башкирцевой, и к Дьяконовой очень рано пришла смерть — одна умерла от чахотки, другая погибла в горах Швейцарии при странных обстоятельствах.

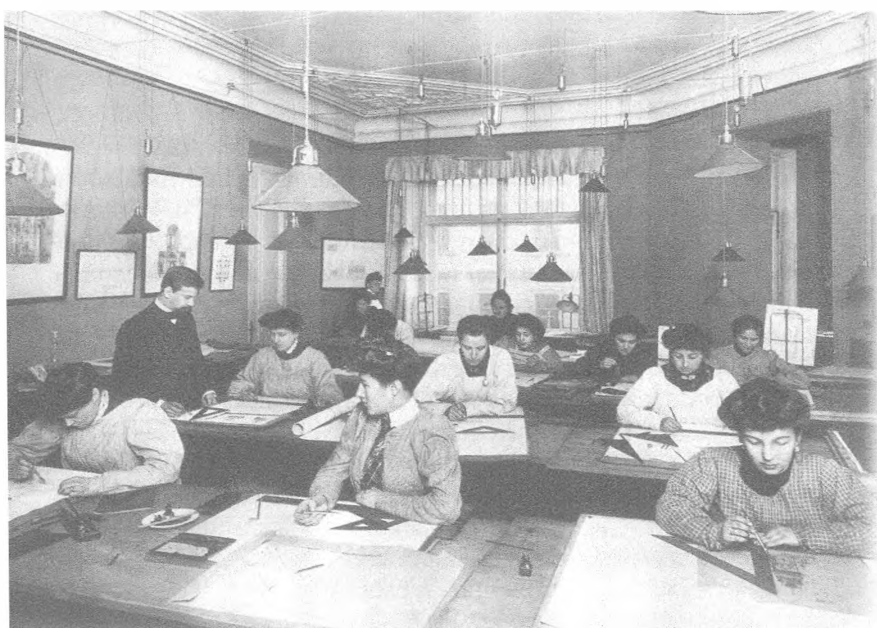
Независимая и одинокая

Но были и другие независимые женщины — не столь хорошо обеспеченные материально, как Башкирцева и Дьяконова, и не поглощенные самолюбованием. В это время в российском обществе начинает формироваться целая прослойка одиноких женщин, живших своим трудом. Такую особу описывает в своей повести «Vae victis» Софья Ковалевская: «Родители ее давно умерли; ни сестер, ни братьев у нее не было; она была одинока и бездомна и сама в шутку называла себя старым студентом. Действительно, с самого своего приезда в Петербург из провинции, лет восемь тому назад, она вела жизнь студенческую, сначала курсы и лекции, потом приготовление к экзаменам, теперь занятия с девочками в гимназии и беготня по частным урокам наполняли весь ее день. Домой она возвращалась усталая и голодная и была довольна, что находила натопленную комнату и готовый, сносный обед, о котором нечего ей было заботиться наперед, только платить в начале каждого месяца условленную сумму». Удобный холостяцкий быт обеспечивала «честная и чистоплотная» квартирная хозяйка, и героиня повести «вовсе не чувствовала потребности обзавестись собственным хозяйством». Вечером она бывала в театре, ходила в гости, принимала визитеров.

Людей, которые вели такой образ жизни, и мужчин, и женщин, становилось все больше. Широко образованная, современная, сама зарабатывающая себе на жизнь женщина гораздо требовательнее относилась к выбору мужа, а это часто вело к одиночеству.

Как и повсюду в мире, с урбанизацией в Россию пришла малая семья. В городе человек в отличие от деревни легче мог прожить один. Автор журнальной статьи в конце XIX века рассуждает о том, что появилась «масса одиноких интеллигентных людей, нуждающихся в скромной, но приличной

**Курсистки Женских архитектурных курсов Е. Ф. Багаевой
в Петербурге на занятиях по черчению.
Фото. Нач. XX в.**

и изящной домашней обстановке. Это в большинстве своем художники, конторщики, студенты, врачи, чиновники, артисты, агенты, учителя, учительницы, курсистки, телеграфистки, фельдшерицы и проч., которых в Петербурге насчитывается десятки тысяч и для которых здесь почти нет прилично обставленных общежитий». Нужда в небольших квартирах для «массы одиноких приличных и порядочных» людей к концу XIX века была очень велика¹⁹⁸.

В городской семье стало рождаться заметно меньше детей. Согласно анкетированию, проведенному в 1913 году, на одного государственного служащего приходилось в Москве 1,738 ребенка, а в провинции — 2,17348. Большие патриархальные семьи со множеством детей сохранялись преимущественно в крестьянской и аристократической среде.

В конце XIX века «менялась жизнь; изменились город и деревня, старая нравственность приходила в противоречие с новым бытом... Обострялась вражда к уже привычному. В России суд присяжных выносил неожиданные оправдательные приговоры, которые говорили о том, что старая нравственность поколеблена, а новой нет»¹⁹⁹. Но была поколеблена не только прежняя нравственность, но и взаимоотношения между «старшими» и «младшими» и многие казавшиеся прежде устойчивыми понятия.

«Новые» матери

В семьях «новых» людей и к воспитанию детей относились «по-новому». Член партии эсеров, в советское время немало лет отсидевшая в лагерях, вспоминала о том, как ее родители решали судьбу своих детей: «...По рассказам знаю, что вопрос о воспитании детей решался в нашей семье трудно. Папа настаивал на том, чтобы детей воспитывать самим, дома — учить и приобщать к сельскому труду. “Пусть растут, как растут крестьянские дети, с той разницей, что мы сами сможем влиять на них и учить”, — говорил папа. Мама решительно настаивала, чтобы детей отдать в гимназию, не предопределяя их судьбу. “Как будто такое решение не предопределяет”, — возмущался отец. Но в этом вопросе мать не пошла на уступки, и переезд в город состоялся»²⁰⁰. Тут, впрочем, мы имеем дело почти

с идеальным отношением к воспитанию подрастающего поколения. Многие «новые» люди, однако, предпочитали заниматься прежде всего общественной деятельностью, оставляя воспитание детей «на потом».

Мать писателя В. В. Вересаева, как он вспоминает, жаждала общественно значимой работы: «...Когда мне было лет шесть-семь, мама открыла детский сад (предварительно пройдя в Москве курсы фребелевского обучения). Он пошел очень хорошо, но дохода не давал и поглощал весь папин заработок; пришлось его закрыть». Мать, однако, продолжала кипучую деятельность, хотя «домашнее хозяйство и воспитание собственных детей от этого страдали»: «Когда мне было лет четырнадцать, куплено было имение; мама стала вводить в хозяйство всевозможные усовершенствования, все силы положила в него. Но имение стало поглощать весь папин заработок. Через три-четыре года его продали с убытком. И всегда во всяком из маминых предприятий было какое-то мученичество и жертвенный подвиг: работа до крайнего изнеможения, еда кое-как, недоспанные ночи, душевные муки, что все идет в убыток, старание покрыть его сокращением собственных потребностей. Теперь, восстанавливая все в памяти, я думаю, что эта потребность превращать работу в какое-то радостно-жертвенное мученичество лежала глубоко в маминой натуре — там же, откуда родилось ее желание поступить в монастырь».

Хлопоты по устройству посторонних дел нравились ей больше, чем уход за тяжело трудившимся мужем, воспитание собственных детей и ведение собственного дома. Вересаев вспоминает, каким неприятным сюрпризом для него было обнаружить, что ни у него, ни у его брата нет умения правильно вести себя за столом. Это произошло, когда дети гостили в одной помещичьей семье. Хозяйская дочь Маша заметила, что он не умеет держать вилку и нож. «Я очень сконфузился. Стал приглядываться. Верно! Все держат вилку и ножик концами пальцев, легко и красиво, и только мы с Мишей держим их в кулаках, как будто собираемся резать крепкую подошву».

Сын хозяев после обеда наедине показал, как нужно держать приборы, и прямолинейно заявил при этом: «Вы вообще, как мещанские дети, совсем невоспитанные». Он заметил, что мальчишки едят с ножа и режут ножом и котлеты, и рыбу: «Ари-

стократически воспитанного человека сразу можно узнать по тому, что он никогда не ест с ножа и рыбу ест одной вилкой. Просто по тому даже можно узнать, как человек поклонится, как шаркнет ногой. А вы и этого не умеете». А ведь Вересаевы были дети дворян, наследники дворянской культуры. Вернувшись в свою семью, мальчик посмотрел на свой дом новыми глазами: «дома у нас мне показалось и тесно, и грязно, и невкусно. Коробило, как фамильярно держится прислуга»²⁰¹.

Женщины, которым гораздо интереснее некие посторонние дела, чем собственная семья и заботы о близких, существовали всегда. Однако если прежде их считали плохими женами, матерями и хозяйками, то теперь они часто встречали одобрение и поддержку окружающих. О матери семейства Бобринской вспоминала Т. А. Аксакова: «она носила мужскую шапку, называлась в Москве “товарищ Варвара” и состояла почительницей Хитрова рынка. Деятельность ее была, вероятно, очень полезна, но не распространялась на собственных детей. Мира и Буля (сами по себе очень милые девочки) приходили все измазанные чернилами, а девятилетний Гаврилка был просто плохо воспитан...»²⁰²

Что же выбрать?

Привычный незыблемый патриархальный образ пошатнулся. Вместо одной доминирующей модели семьи появилось множество вариантов: семья, состоящая лишь из мужа и жены, малодетная семья, гражданский брак, сожителство без заключения брака, фиктивный брак, даже коммуна. Изменилась и сама патриархальная семья, что было обусловлено рядом обстоятельств и прежде всего новым положением женщины — она пошла работать и стала ощущать себя более независимой. Неограниченный авторитет мужа и отца, да и родителей в целом уходил в прошлое. На смену ему приходил дружный семейный круг, где авторитет у детей следовало завоевывать.

Семья теперь могла быть разной, и главным становилась не ее форма, а внутреннее содержание. Законоведы при этом не уставали напоминать о том, что брак затрагивает права не только мужа и жены, но и детей. Высказывалось мнение, что, выступая за свободный брак, мужчины и женщины ведут себя

эгоистично: они беспокоятся о себе, но не о будущем детей²⁰³. Подчеркивалась важность законного брака для государства — ведь вступающие в брак демонстрируют серьезность своих намерений и берут на себя ответственность за воспитание и образование детей, за их социализацию. Общественные деятели, журналисты и литераторы говорили о важности духовной и душевной близости в семье, общности умственных интересов, о том, что С. М. Волконский назвал интеллектуальной семейной жизнью. Педагог и общественный деятель Д. Д. Семенов, рассуждая о современных семьях, замечал, что «не редкость встретить даже небогатые семьи, которые отводят для детей лучшую отдельную комнату, увозят на лето в деревню, жертвуют последние крохи, заботясь о здоровье». Это, безусловно, было новым явлением в русской жизни. «Сплошь и рядом можно наблюдать теперь семьи, где муж — помещик, а жена — женщина-врач; муж — чиновник, жена — учительница; муж — адвокат, а жена — сестра милосердия; муж — вельможа, администратор, жена — член благотворительного общества; муж — железнодорожный работник, а жена — телеграфистка, муж — техник, жена — писательница; нередко оба работают за одной конторкой, на одном и том же поприще...»²⁰⁴

Но становилось ли положение женщины легче? На этот вопрос нам отвечает журналистка конца XIX века. Она размышляет о ситуации, в которой оказалась сама, как и подавляющее большинство небогатых работающих образованных женщин. Проследим за ее логикой: «При современном положении вещей (мне хотелось бы назвать это положение переходным) образованная мать более страдает от своего образования, чем наслаждается его плодами». Те же обязанности хозяйки и матери, что «лежали на наших бабушках, лежат и на нас, но все они усложнились тысячею едва уловимых причин». Раньше все было «ясно как на ладони» — достаточно было «быть хорошей хозяйкой, самой входить в каждую мелочь, держать строго слуг, стряпать, жарить, заготавливать варенья, соленья — жить экономно и вкусно», стараться «угодить своему Ивану Ивановичу», содержать детей так, чтобы они были «сыты, прилично одеты и обуты» и т. д. Все эти труды занимали много времени, и «заботливой матери и день и ночь казались слишком короткими». Но изменились времена, и теперь женщине нужно «учиться, читать, принимать посильное участие в обществен-

ной деятельности, жить своим трудом, — жизнь слишком дорога, нельзя сидеть на шее родителей; конечно, если будет возможность, она выйдет и замуж... При этом очень многие и не выходят замуж, женихов стало меньше. Жить семейному человеку очень дорого, и жениться на бедной очень мало охотников». А главное, «привычка жить умственными интересами входит постепенно в ее плоть и кровь» — женщина получает образование, «жажду знания, жажду общественной деятельности, а что сделало оно для облегчения ее семейной жизни? Какая из тех обязанностей, которые лежали на наших матерях, посторонилась во имя новых интересов женщины?» Домашние дела никуда не делись: «...И мы должны возиться с прислугой, которая стала еще вороватее и безнравственнее, чем в старину, а между тем наш теперешний взгляд на вещи не позволяет нам употреблять с нею тех энергичных мер, которые практиковались раньше; и мы должны шить и кроить и перделывать старое на новый лад, а иначе нельзя жить на наши средства — жизнь стала несравненно дороже, и мы должны воспитывать наших детей, а это воспитание куда сложнее и мудренее, чем в доброе старое время». «Соединить все это в обыкновенной женщине, при среднем достатке и многочисленном семействе, — куда как трудно! Она читает серьезную книгу, а думает о супе... штопает чулки, а издали смотрит на нее обложка нового журнала»²⁰⁵.

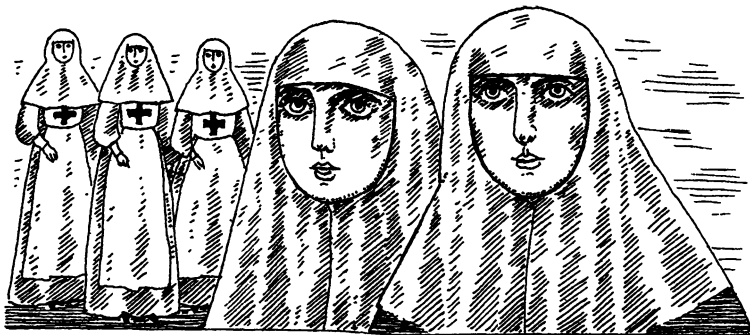
Наряду с новыми, более свободными формами брака в России по-прежнему сохранялась и авторитарная форма патриархальной семьи, дошедшая и до наших дней. О судьбе своей тетки, жертве деспотизма отца уже в начале XX века, рассказывает академик Д. С. Лихачев: «Она рано умерла от чахотки. В развитии ее болезни, я думаю, сыграла свою роль какая-то внутренняя неудовлетворенность, гнетущая обстановка, создававшаяся в семье тяжелым “купеческим” характером дедушки Михал Михалыча». Тяжелая атмосфера в семье, постоянный психический прессинг, приниженное положение младших — все это, конечно же, не искупалось тем, что глава семьи мог быть в душе любящим, заботливым, внимательным к своим домочадцам даже в самом малом. Так, дед Лихачева при всем своем невыносимо тяжелом характере, заботясь о близких, не упускал из внимания никаких мелочей, помнил даже о такой детали, как склонность невестки к зеленому цве-

ту²⁰⁶. И в то же время буквально сжил со свету собственную дочь...

За сто с лишним лет с середины XVIII века русская семья в своем развитии проделала большой путь. Преодолев кризис, начавшийся в 30–40-х годах XIX века, а затем явственно обозначившийся конфликт отцов и детей, она обрела новые, более гуманные формы: возросла роль частной жизни, интимности, детей. Связано это было с ростом образования и возможностью профессиональной деятельности для женщин, с большим вниманием к воспитанию и образованию подрастающего поколения. Вместе с тем в обществе зрело ощущение грядущих больших перемен. И не случайно именно «женский вопрос» чаще всего обсуждался в гостиных, на страницах газет и журналов, во время студенческих диспутов. Ведь именно от выбора женщины зависело, какой будет семья.

Женщина выходит на работу

Задолго до того, как в 1860-е годы, с началом крестьянской реформы, грянули перемены в русской жизни, которые поставили множество женщин в тяжелейшее материальное положение и вынудили их искать работу вне рамок семьи, немало людей предчувствовали приближение новых времен.

Обратимся к одной из наших любимых героинь — Александре Степановне Цевловской, которая, оставшись после смерти мужа с детьми на руках и разоренным хозяйством, сумела справиться с тяжелой ситуацией. Примечательный диалог состоялся в предреформенную пору между нею и ее соседкой-помещицей, которая упрекнула Цевловскую в том, что она готовит своих детей к трудовому будущему: «Уж простите, Александра Степановна, что я осмеливаюсь вам сказать... Вы, конечно, ученая, а я неученая, а я все бы не хотела, чтобы соседи так меня высмеивали, как вас... Все просмеивают вас за то, что вы на свое дворянство плюете, а я никогда об этом не забываю и забывать не намерена». И получила в ответ: «Я, милая моя, столбовая по мужу и по отцу... А вот у меня Нюта обшивает всю семью, стряпает, прибирает, а Саша будет гу-

вернанткой... И я буду гордиться тем, что мои дети, образованные люди, своим трудом семье помогают, сами хлеб себе добывают...»²⁰⁷

Александра Степановна Цевловская прошла суровую школу, она воспитывалась в Мариинском институте, а значит — несколько лет кряду она вставала каждый день на рассвете, умывалась холодной водой, ела крайне умеренно, нередко оставаясь полуголодной, и подчинялась жесткому расписанию, неукоснительной дисциплине. Этот опыт очень пригодился ей в жизни. В женских институтах готовили к профессии гувернанток — ведь среди дворянок, что приходили сюда учиться, было много сирот и дочерей небогатых родителей, которым в будущем скорее всего предстояло не только зарабатывать собственный хлеб, но еще и кормить родителей и помогать младшим братьям и сестрам.

Необходимость давать своим детям, в том числе и девочкам, профессиональную подготовку ощущалась даже в среде поместного дворянства, самого защищенного слоя в стране. И уж тем более об этом задумывались городские слои населения — чиновники, мещане, небогатое купечество. По воспоминаниям Авдотьи Яковлевны Панаевой, гражданской жены Н. А. Некрасова, даже родители, имевшие достаток, в 1840—1850-е годы заботились, «чтобы их дочери были подготовлены ко всякому непредвиденному перевороту в их жизни и могли бы, в случае надобности, своим трудом добывать средства к существованию. Люди более низкого достатка бились из последних сил, чтобы подготовить своих детей к какому-нибудь труду»²⁰⁸.

В обществе, которое еще совсем недавно обеспечивало большинству своих членов защиту, кров и стол, постепенно все больше становилось женщин, которые должны были сами о себе позаботиться.

Впрочем, если обратиться к еще более далекому прошлому, мы увидим, что необходимость социализации сирот и детей бедных родителей осознавалась государственной властью еще в XVIII веке. В 1763 году в Петербурге по указу Екатерины II был открыт Воспитательный дом, куда принимали подкидышей — незаконнорожденных детей. Позднее здесь были открыты классы для подготовки гувернанток, домашних учительниц, преподавательниц музыки, а также повивальное от-

деление для подготовки акушерок. Много написано о деятельности императрицы Марии Федоровны²⁰⁹, которая заботилась о том, чтобы «учение и все занятия девиц» были «приноровлены к их будущему положению, так как большая часть из них при недостатке родителей должны будут в самих себе находить средства к существованию собственными трудами или к оказанию помощи родителям...».

В XIX веке открываются Дома трудолюбия для воспитания девиц, остававшихся «без призрения», в Санкт-Петербурге (1806 год; единовременно содержались 50 воспитанниц), в Симбирске (1820 год; 30 воспитанниц), в Пензе (1847 год) и т. д. В этих заведениях девочек готовили к профессии гувернанток и, соответственно, обучали рукоделию, иностранным языкам, музыке, танцам.

Таким образом, полагаем, неверно утверждение исследовательницы, что «вопрос о женском профессиональном образовании был выдвинут в России в конце XIX века, когда вовлечение в производство большого количества женщин потребовало некоторой их предварительной профессиональной подготовки»²¹⁰. «Выдвинут» этот вопрос был много раньше, но он не получил и не мог получить поначалу широкой общественной поддержки, поскольку инерция представлений о положении и образовании женщины в патриархальном обществе была крайне велика.

Разложение натурального хозяйства, когда каждый лишний рот становится обузой, приводило к росту числа вдов и старых дев, которые раньше находили защиту у родни, пусть и самой дальней; теперь они вынуждены были сами позаботиться о себе. Даже в наиболее защищенной дворянской среде появлялось все больше одиноких женщин, которым было «некуда идти», — тех, кто должен был думать о том, как прокормить себя и своих детей.

Похожие процессы происходили в Западной Европе, причем в Англии они начались раньше, чем в других странах. Исследовательница отмечает, что, «по подсчетам известного экономиста конца XVII века Г. Кинга, более 40% женского населения страны составляли одинокие женщины: незамужние, вдовы, а также служанки. Их число... почти на треть превосходило мужское население... Подобная диспропорция... создавала не только серьезные препятствия для девушек, вступа-

ющих в брачный возраст, но и побуждала англичанок искать пути для зарабатывания средств к существованию»²¹¹.

Такая задача вставала и перед русскими женщинами. «Ныне идет повсеместно спор об уравнивании прав и деятельности между прекрасным полом и полом некрасивым. Почему же и не идти этому спору? Нет сомнения, что мужчины могли бы с вежливою уступчивостью поделиться с женщинами некоторыми своими присвоенными себе профессиями и занятиями, другие даже им вовсе уступить. Но все это исключения, случайности. Но все же настоящее, природою указанное, святое место женщины есть дом, есть семейный очаг, будь она мать, дочь или сестра. Внешняя, шумная, боевая, деловая жизнь, многосложная деятельность, можно сказать, несовместна с призванием женщины, даже недостойна ее; в скромном и светлом призвании она выше, независимее, свободнее, нежели будет она на искусственных и завоеванных ею подмостках»²¹², — так рассуждал Павел Андреевич Вяземский, «человек прошедшего времени». Для него, как и любого человека консервативных взглядов, место женщины однозначно было в лоне семьи.

Женские недуги, беременности, особенно процесс родов, выработка молока — все эти важнейшие стороны жизни женщины в цветущий ее период были связаны с ее биологическими функциями и представляли собой в глазах мужчин нечто совершенно невероятное, чудесное и в то же время безусловно низменное (а для кого-то и отталкивающее). Мыслительная деятельность безусловно воспринималась обществом для женщины как вторичная. Она воспринималась прежде всего как биологический объект.

Но жизнь брала свое. В 1860-х годах кардинально менялась ситуация в стране, усложнялась, более разветвленной становилась ее экономика. И как следствие этого все более осязаемой становилась необходимость в женских рабочих руках.

Как всегда было характерно для России с ее многоукладностью и сложной социальной структурой, теория «женского вопроса» часто опережала практику. Шестидесятники, стремившиеся к эмансипации женщин, отстаивали их право на труд в самых экстравагантных формах. Утверждалось, что женщина нового времени должна непременно работать, причем вне дома; соответственно принижалась роль в обществе женщин

прошлого — они, дескать, не были образованны и в общем-то ни на что не были годны.

Демократическая публицистика прибегала к известному приему: для того чтобы подчеркнуть общую тяжесть ситуации, надо обострить ее до крайности и опорочить то, что делалось в прошлом, особенно если это исходило со стороны власть имущих. Одним из пионеров женской эмансипации выступил Н. В. Шелгунов, опубликовавший многословную статью под провокационным названием «Женское безделье (посвящается прекрасному полу)»²¹³. Согласно утверждениям автора, прежняя, никуда не годная система женского образования всего лишь «направляла способности в сторону развития изящного вкуса, т. е. изощрения изобретательности располагать разноцветные бантики, ленточки и тесемочки так, чтобы этим легким средством уловлять сердца легкомысленных мужчин».

Впрочем, зададимся вопросом: чего в действительности Шелгунов желал для женщин? Чтобы они получали достойное образование, обладали бы равными гражданскими или семейными правами? Вовсе нет: он оставлял женщин ровно на том месте, которое они и так занимали. Свои сокровенные суждения он высказывал своей жене, тоже «передовой» женщине: «Мое понятие о равенстве держится вот на каком убеждении: мужчина умнее женщины и выше ее характером, следовательно, эта часть должна быть в управлении мужа; женщина выше мужчины своим сердцем, и потому женщина должна быть главою сердца»²¹⁴. Елена Ган в романе «Суд света» иронично сформулировала подобную точку зрения таким образом: женщина — это «переход от мужчины к созданиям бессловесным». Мужчины того времени повторяли, как заклинание: «Женщины вообще (исключения редки и неестественны) по природе своей не призваны к научной учености, которая составляет исключительную принадлежность некоторых мужчин»²¹⁵.

Подобные взгляды под вывеской эмансипации женщин высказывались и спустя десятилетия — в сущности, в них и не скрывается презрение к женскому миру. Публицист Николай Ардашев в 1917 году продолжал твердить о том же: мол, наконец-то теперь «более чем когда-либо стали сознавать и убеждаться в полном почти отсутствии у большинства жен-

щин даже самой элементарной подготовки к тому или иному труду, в совершенном отсутствии каких-либо практических знаний и сведений, без которых та или другая работа, тот или иной труд совершенно недоступны в настоящее время... Существовавшие до сего времени женские учебные заведения, как известно, занимались только калечением юных душ и совершенно не давали молодым девушкам тех познаний, без которых вступать в жизнь в наше время положительно жутко»²¹⁶. Стоит ли обсуждать такие оценки женского образования в начале XX века? Высочайший уровень преподавания в русских женских гимназиях общепризнан — современники ставили их выше европейских аналогов.

Хотелось бы сделать здесь небольшое отступление и рассказать о ярком персонаже «женской истории» предреформенного времени — Марии Николаевне Вернадской (1831—1860), первой женщине в России, писавшей по вопросам политической экономии.

Мария Николаевна родилась в высококультурной семье состоятельного помещика Рязанской губернии Николая Петровича Шугаева. Ее отец сделал хорошую карьеру и под конец жизни стал сенатором, товарищем министра финансов. Мария и ее сестра Софья рано остались без матери, и отец сам занимался воспитанием дочерей. Девушки получили отличное домашнее образование, у них была образованная гувернантка, тщательно выбранные учителя. Сестры, в соответствии с нормами хорошего женского образования того времени, владели французским и немецким языками, много читали, интересовались общественной жизнью. В девятнадцать лет Мария Николаевна вышла замуж за двадцатидевятилетнего профессора политэкономии и статистики Московского университета И. В. Вернадского. Вскоре у них родился сын Николай (сводный брат выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского).

Супружество Вернадских было на редкость гармоничным. Молодая профессорская жена погрузилась в сферу интересов мужа, заинтересовалась политэкономией и, будучи человеком увлеченным, воистину незаурядного ума и одаренности, преуспела в своих занятиях. Они не были совсем новы для нее, ведь ее отец был специалистом именно в экономических вопросах. Мария Николаевна переводила труды зарубежных экономи-

стов, была одним из активнейших сотрудников журнала мужа «Экономический указатель», где публиковала революционные для российского общества статьи, посвященные «женскому вопросу».

Ясным и отчетливым языком она писала о разделении труда, развитии производства и обмене, о детском воспитании. Вернадская полагала, что путь к освобождению женщины лежит через ее трудовую деятельность. Она была убеждена, что «в умственном отношении мужчины и женщины равны», а следовательно, мальчикам и девочкам необходимо давать одинаковое образование. «Женщины могли бы работать, если б только захотели или, вернее, если б перестали презирать труд, — писала Мария Николаевна. — Mesdames! Перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь как мужчины — и вы будете так же независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь; а главное — перестаньте стыдиться и презирать работу. Пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что только в одном труде истинная свобода женщины»²¹⁷.

К сведению, сведений о ее жизненном пути у нас немного, но очевидно, однако, что жизненный опыт Марии Николаевны был в значительной степени ограничен, а знания об окружающем мире — теоретичны. Она выросла в благополучной среде, в кругу любящих родных и близких и никогда не сталкивалась с материальными проблемами. Мы-то хорошо знаем, что далеко не всякий труд освобождает человека, а многие его отрасли закабаляют его и физически, и нравственно.

К тому же, ратуя за идею, Мария Николаевна упускала из виду, сколько подводных камней ожидает женщину в не слишком доброжелательной среде. Сама Вернадская трудилась с благословения любящего мужа, который предоставлял ей страницы журнала в полное распоряжение, ей не нужно было искать работу, заботиться о размерах жалованья или об отношениях с начальством и сослуживцами и т. д., и т. п. Обеспеченная, любимая, одаренная разными талантами — да, такая женщина могла трудиться свободно и получать удовольствие от своего труда. Увы, такое счастье выпадало совсем немногим.

«Учиться, работать, проникнуться желанием пользы, не отворачиваться от тех трудов, которые им доступны; а поприще деятельности, открытое для женщин, и теперь довольно обширно, а со временем может быть еще более; а главное — перестать презирать труд, клеветать самим на себя и прививать себе искусственные недостатки»²¹⁸... Подобные призывы были совершенно нереализуемы, пока не возникла экономическая и общественная подоплека для них. А произошло это лишь тогда, когда Россия пошла по пути индустриализации, и во всех областях экономики возник голод в специалистах, и только мужчины этот голод удовлетворить не могли.

Как только женщины ощутили возможность расширить рамки своего существования, они стали делать это; вперед их вели и потребность в хлебе насущном, и высокий идеализм. В среде «новых людей» распространялось убеждение, что достойным трудом для женщины является любой, но только не домашний, имевший целью ее семью. Общее настроение действовало на сознание иных совершенно гипнотически: «боязнь, что кто-нибудь назовет ее “законной содержанкой”, “наседкой”, — эпитеты, которые в таких случаях были в большом ходу, — мешали поступить так, как подсказывали ей опыт и собственное сознание», — писала Е. Н. Водовозова о женщине 1860-х годов. Стремление женщин вносить собственный заработок в бюджет семьи «осуществлялось нередко весьма нелепо, иной раз даже не без вреда для членов семьи». Уходя на службу, мать должна была нанимать приходящую работницу в качестве няни, бонны или гувернантки и платить ей, в сущности, то же жалованье, что получала сама. При этом «домашний порядок и хозяйство сильно страдали от отсутствия хозяйки дома. Все знакомые мне в то время отцы семейств страшно возмущались вновь введенным порядком», — пишет мемуаристка²¹⁹.

Таким образом, не только нужда в заработке, но и — а может быть, и в первую очередь, — общественное мнение послужило стимулом для немалого числа женщин искать работу: «...Эмансипация женщин и тесно связанный с этим вопрос об их самостоятельном заработке был прежде всего вызван экономическими условиями этой эпохи, а также и ее демократическими идеями, но сильный толчок к распространению этих идей был дан, конечно, и романом “Что делать?”. С его вы-

ходом в свет женщины несравненно энергичнее стали стремиться к самостоятельному заработку, к высшему образованию и вести борьбу за свое освобождение, за уравнивание своих прав с мужчинами, но лишь в отношении семейном, в праве на образование и заработок; о политической же равноправности тогда не могло быть и речи. Среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками»²²⁰. Жены стремились к независимости от мужа: «Мать решила, что зависеть материально от отца унижительно. Работать по специальности — акушеркой — она не могла. Это отнимало бы у нее слишком много времени. И вот, прочтя объявление о краткосрочных курсах массажа, которые были основаны каким-то доктором в Одессе, мама решила ехать туда учиться. Делать массаж она могла и дома, не оставляя нас, не поступая на службу»²²¹.

Многие современники воспринимали стремление женщин найти работу как забавный курьез. Обсуждают «женский вопрос» и персонажи романа «Анна Каренина» — для сливок чиновничества и дворянства, собравшихся в салоне Облонских, это лишь повод к разговору. Но для очень многих девушек — в условиях кризиса патриархальной семьи — поиск заработка уже был вопросом выживания.

Были ли готовы русские женщины к работе — это только часть вопроса. Было ли готово общество принять их на работу туда, где прежде работали лишь мужчины?

Вот история семьи, которая осталась без средств и без мужчины-кормильца. Девушки из семьи Засулич (двоюродные сестры знаменитой революционерки) принадлежали к числу тех, кому приходилось искать заработок отнюдь не из каких-то идеологических соображений: у них не было ни приданого, ни пенсии за отца, практически никаких средств на жизнь. Еще когда сестры учились в пансионе, к мужу его содержательницы обратился мировой судья, серпуховской помещик. Он просил найти письмоводителя — такого, чтобы не пил и не брал взятки. Ему ответили, что такого человека нет, зато «есть молодая девица, их воспитанница, кончающая

курс, за которую вполне может поручиться, что она не пьяница и не будет брать взятки». Так одна из сестер, Вера, получила место письмоводителя у мирового судьи. Она успешно работала в суде, хотя сначала не все «шло совсем гладко», она сначала допускала ошибки, но «тяжущиеся относились к ней доверчиво, сами же они нередко смущали Веру тем, что при разборе дела осыпали друг друга отборными, чисто русскими ругательствами или называли некоторые части тела их собственными названиям. Но к этому она потом привыкла и перестала смущаться». Однако сменился судья, и она лишилась места. Другая сестра, мемуаристка Александра, сначала работала в пансионе, который сама окончила, классной дамой. Но эту работу она невзлюбила — педагогическая стезя, на которую ступали многие образованные девушки, подходит отнюдь не всем. Третья сестра, Катя, держала в университете экзамен на домашнюю учительницу: «другой работы было не найти, даже сельских учительниц еще не было». В конце концов сестры с матерью поселились в Петербурге, где зарабатывали себе на хлеб, занимаясь в основном традиционными женскими профессиями — шили, учили, переводили; Вера служила в женской брошюровочной и переплетной мастерской. Александра познакомились как-то с «передовой» богатой, соседкой Майковой. Та предложила «устроить швейную мастерскую на артельных началах, по примеру Веры Павловны, героини романа Чернышевского», и готова была дать на это деньги. Но вскоре Майкова бросила свою затею и уехала за границу²²². Подобных ничем не закончившихся «начинаний» в те годы было немало. История сестер Засулич, которая не является чем-то исключительным, показывает, как постепенно женщины вписывались в новую реальность, содержали себя сами, и все это, конечно, меняло картину общественной жизни.

Как показывает перепись населения Российской империи 1897 года, значительное число женщин зарабатывало на жизнь, сдавая комнаты «со столом» и без. Балерина Наталья Труханова рассказывала, что после того, как ее отец ушел из семьи, они с матерью остались совсем без средств. Первое время, не имея собственного жилья, жили в гостинице, и тогда Наталья, которой было тринадцать лет, особенно сильно ощутила, «что значит для человека очаг». Однаж-

ды Наталья пришла в гости к подруге по гимназии и увидела «мирную семью, ладный очаг, удобную и уютную квартиру», вспомнила свою «бивачную жизнь» и поспешила уйти. Но вскоре им с матерью удалось все переменить в своей жизни: «В первый раз в жизни все свое: буфет, стол, стулья, диван-тахта, зеркало, вешалка, все, как у людей! Не хватало только денег на ведение хозяйства. Но голь на выдумки хитра, и мы с мамой эту поговорку подтвердили. Три комнаты нашей квартиры были использованы с толком: самая большая из них служила столовой и гостиной, ее даже украшало взятое в прокат, за пять рублей в месяц, пианино. Другая комната сдавалась двум консерваторкам за тридцать рублей в месяц, включая и полный пансион, т. е. питание. В самой маленькой комнате, с полуокном, выходящим почти вплотную на стену соседнего дома, ютились мы с мамой, сдавая гимназистке угол, опять же при полном пансионе, — за 12 рублей в месяц». Как видим, мать Натальи Трухановой действительно «использовала с толком» свою квартиру: совсем недавно бездомные, они обе и сами обрели дом, и сумели дать кров и стол еще троим учащимся девушкам. Более того, «в помощь, если можно так выразиться, добавились и столовники-студенты, наши будущие друзья. Существование наше наладилось»²²³, — воспоминала балерина. Чисто женская способность «вить свое гнездо» помогала таким, как мать Натальи Трухановой: многие разорившиеся или оставшиеся без кормильцев женщины только и умели, что наладить быт, создать уют, сварить обед.

Когда изменилась структура занятости, женщины сразу стали занимать места в самых разных учреждениях. Круг дозволенного для женщины с реформ 1860-х годов расширялся хотя и медленно, мучительно трудно, однако неуклонно.

Получить работу

Феминистки 1860-х годов призывали русских женщин искать освобождение через труд. Но что значило для женщины в патриархальном обществе выйти за пределы защищающего ее семейного круга и поступить на службу? Легко ли ей было найти подходящую работу?

Как полагала корреспондентка женского журнала в 1860-х годах, из числа женщин в Петербурге (221 415) — «сто тысяч нуждаются в том, чтобы работать»²²⁴. Не знаем, откуда были взяты автором цифры, однако ясно, что в работе нуждались очень и очень многие. Но за реализацию своих прав на работу приходилось бороться. Получить место и жалованье было делом нелегким.

Поиски работы велись различными способами — в сущности, все известные нам ныне были быстро освоены (разве что за исключением Интернета). Ищущие работы обращались к знакомым, читали объявления в газетах и журналах, давали их сами: «Окончившая гимназию с золотой медалью готовит у себя на дому во все среднеучебные заведения, дает уроки и репетирует»²²⁵. Заметим, что в разных изданиях помещали свои объявления женщины различных слоев. В «Ведомостях московской городской полиции» в основном публикуют объявления те, кто ищет работу попроще: кухарки («белые», «средние»), экономки, горничные «со стиркой» и без, домовые портнихи, домовые прачки, белошвейки «в дом» или в мастерские, сиделки, компаньонки, няни, кормилицы, бонны. Гораздо реже здесь встречаем объявления учительниц и гувернанток, девиц и девушек «по письменной части», предложения давать уроки музыки или играть на танцах.

В начале XX века объявления приобретают более деловой вид, например: «Желаю занять место заведующей район. библиот., делопроизводителя или помощ. завед. хоз. частью по внешк. образованию. Имею зв. уч-цы, 3-х летн. практику учит. и по внешк. образ. В т. ч. прослушала курсы по местн. самоупр. и внешк. образ. при университете Шанявского. Сарапул...»

Знаменитая революционерка в своих мемуарах вспоминала, с какой находчивостью она нашла в юности заработок: «Я связывала свои надежды с педагогическими способностями, но не знала, как их применить, поскольку в Киеве у меня не было ни друзей, ни знакомых. Поэтому я не только поместила объявления в газетах, но испробовала и другой способ. Я написала свое имя и предложение брать учеников на восьми листках бумаги. После этого, в два часа дня, когда из Фундуклеевской гимназии расходились ученицы, я смешалась с их толпой и раздала листовки, прося девочек передать их родителям. Мой способ увенчался полным успехом — на следующий

день ко мне стали приходиться матери гимназисток и нанимали меня давать их дочерям уроки языка. Вскоре у меня было столько учениц, что пришлось отказывать новым желающим. Через газету я получила предложение преподавать французский в частной школе для девушек из провинции, учившихся в киевских гимназиях»²²⁶.

Надо сказать, что поиск работы по объявлениям в газетах, хождения по чужим домам приводили иногда к самым неприятным последствиям. Трагическая история ищущей работу молодой девушки рассказана в «Подростке» Достоевского. Окончив гимназию с серебряной медалью, она приехала с матерью из Москвы в Петербург по делам судебной тяжбы. Их дело не удалось, а деньги кончились. «Петербург кусается», — заметила мать-вдова. И тогда девушка решила давать уроки, о чем и дала объявление в газету. Этот шаг привел ее к цепи злоключений, которые в конце концов спровоцировали самоубийство. Так, по объявлению пришла дама, давшая девушке адрес племянников, которых будто бы надо подготовить по разным предметам в учебное заведение. Девушка отправилась по названному адресу и попала в публичный дом, откуда в ужасе бежала, осыпанная насмешками и оскорблениями. Униженная, голодная, не видевшая никакой перспективы, она тяжело перенесла этот эпизод и уже не верила в добрые побуждения окружающих людей. Она кричала в исступлении о человеке, который искренне стремился ей помочь: «... Этот господин вырезает газетные объявления, где на последние деньги публикуются гувернантки и учительницы, и ходит по этим несчастным, отыскивая бесчестной поживы и втягивая их в беду деньгами!»

Схожую тему затрагивает и рассказ А. И. Куприна «Просительница» — о юной девушке, искавшей протекции и вместо этого получившей предложение быть содержанкой от важного господина, впрочем, хорошего семьянина, нежно любившего свою дочь — ровесницу просительницы. Художественная литература следовала за жизнью — в прессе регулярно появлялись сообщения о неприятных, а то и драматических ситуациях, в которые попадали ищущие работы молодые женщины²²⁷.

Самостоятельно искать работу и не попадать порой при этом в двусмысленное или даже рискованное положение бы-

ло почти невозможно. Дошло до того, что московская Городская дума в 1910 году сочла возможным принять к обсуждению тему: «Несчастные, но легкомысленные девицы, которые, нуждаясь в заработке для пропитания, помещают в газетах объявления о желании заведовать хозяйством, быть чтицами, секретаршами и т. п.». На заседании говорилось, что на такие объявления часто отвечают «ловеласы, авантюристы», и женщины сталкиваются с «грубыми оскорблениями и гнусными намеками»: «бедная девушка, конечно, не удержится и побежит по указанному адресу, а тут-то ей и грозит преимущественно опасность подвергнуться если не грубому насилию, то, по крайней мере, выслушиванию гнусных предложений». А с другой стороны, «серьезные наниматели принципиально никогда не обращаются по публикациям, зная по горькому опыту, чего ищут “сильно нуждающиеся” барышни»²²⁸. К этому времени прошло уже несколько десятилетий, как для женщин вошло в практику обыкновение пользоваться газетными объявлениями, но показательно, что иные из депутатов продолжают считать этот способ слишком вызывающим. Обратим внимание и на снисходительное — «несчастные, но легкомысленные девицы...». Что же до того, как поступать честным труженицам, «которые не имеют в Москве ни знакомств, ни протекций», то, по мнению депутатов, помочь им могли только посреднические конторы²²⁹.

Таких контор действительно становилось все больше и больше. В «Ведомостях московской полиции» в 1890 году свои объявления публикует «Контора К. Н. Александровой, существующая в Москве 19 лет». Также упоминаются конторы г-жи Левшиной, г-жи Зброжко, г-жи Егоровой, г-жи Котс и др. Но эффективность их работы была, по всей видимости, не слишком высокой — в том числе и по той причине, что рабочих мест для женщин было еще очень мало.

В упомянутых посреднических конторах трудоустройство было поставлено на коммерческую ногу, но существовало множество бюро и контор, занимавшихся тем же на общественных началах. Под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны состояло занимавшееся трудоустройством «Общество попечительства о воспитательницах и учительницах в России». В 1898 году в него обратились 430 женщин, из них удалось трудоустроить 253²³⁰.

Конторы по трудоустройству часто открывались при благотворительных обществах. В 1896 году «Русское женское взаимоблагодетельное общество» организовало «Бюро для приискания мест и занятий». Но за год в бюро поступило только 15 предложений, место же получили всего-навсего семь женщин. Как отмечалось в отчете, соискательницам недоставало практического знания иностранных языков, и поэтому общество открыло курсы по изучению французского, немецкого и английского, а также — фотографии, переплетного дела и др.²³¹

В трудоустройстве своих выпускниц помогали учебные курсы. Уже упоминался хрестоматийный пример Анны Григорьевны Сниткиной, которая по рекомендации своего руководителя по Стенографическим курсам П. М. Ольхина отправилась работать секретарем-стенографисткой к Ф. М. Достоевскому и впоследствии вышла за него замуж. Это тоже стало новой чертой в русской повседневности: девушки теперь нередко находили себе мужей не в традиционном кругу знакомых, а «по месту работы».

Не осталась в стороне и наиболее образованная и высокоорганизованная часть женского общества — курсистки. При Высших московских курсах (Герье) было открыто Бюро труда, организованное самими курсистками, ведь многие из них нуждались в работе. Бюро рекомендовало курсисток «в качестве учительниц, переписчиц, переводчиц и др. представительниц интеллигентного труда», отмечая при этом: «треть наших слушательниц живет исключительно на свой заработок, треть получает грошовую поддержку (5, 10, 15 р.) и прибавывает, и только треть не нуждается и может спокойно заниматься»²³². Год спустя этот почин подхватили: такое же бюро было организовано при одесских Высших женских курсах; оно рекомендовало курсисток в качестве учительниц, гувернанток, конторщиц, корректорш и фармацевтов и т. п. Сотрудники бюро отмечали, что особым спросом пользовались те, кто знает новые языки и музыку²³³.

В 1911 году особое бюро для помощи «ищущим мест женщинам и девушкам» учредил петербургский клуб женской прогрессивной партии; при этом преследовалась цель «оградить несчастных от цепких лап шайки торговцев живым товаром, заманивающей таким путем провинциалок и помещающих их обманным путем в дома разврата»²³⁴.

Женские организации в городах России считали своей обязанностью помогать женщинам находить заработок. Бюро труда юридического отдела «Российской лиги равноправия женщин» систематически давало объявления такого типа: «Юристки, окончившие высшие учебные заведения, желают получить в С.-Петербурге или провинции работы: в юрисконсульствах, в нотариальных конторах и у присяжных поверенных».

Женщинам, без всякого сомнения, непросто получить достойную должность. От них требовали гораздо больше, чем от соискателей-мужчин. О трудностях, которые встречали их на этом пути, публиковалось немало рассказов как в столичных, так и в провинциальных изданиях. «В Елисаветграде всего два-три учреждения, где работают женщины, а ищущих места очень много. Годами добиваются службы с окладом в 20—25 руб. в месяц, на лучшие оклады приглашаются юноши, окончившие городское училище»²³⁵.

От женщин часто требовался более высокий уровень образования, чем от мужчин («мужчине порой было достаточно быть обладателем хорошего почерка»); также им надлежало непременно иметь «миловидную» внешность. При этом, поступив на место в контору с рабочим днем с 10 до 18—19 часов, женщина в 1917 году получала жалованье 35—75 рублей в месяц, тогда как за ту же работу мужчина получал 75—100 рублей²³⁶. Разумеется, такого жалованья женщине, которая рассчитывала только на себя, не хватало, и поэтому ей приходилось вдобавок брать работу на дом, заниматься переводами, перепиской, частными уроками.

Опытная учительница, оглядываясь назад, вспоминала, как молоденькой девушкой, окончив гимназию с медалью, она, подобно многим, долгие месяцы искала работу. После нескольких неудачных попыток вчерашняя гимназистка решила дать объявление в газету. И сразу ей, казалось, повезло — некий пожилой господин предложил работу секретаря и чтицы. Однако на выходе из квартиры нанимателя юную барышню предостерегла сердобольная кухарка и шепнула ей, что хозяин — подлец и сюда больше приходить не надо: «Передайте, что я вам сказала, мамаше вашей: она поймет». Опять потянулись неделя за неделей в поисках работы. Некоторое время девушка преподавала в пансионе, где учебная нагрузка

была чрезвычайно велика, «за двадцать рублей без завтрака», да и это небольшое жалование выплачивали нерегулярно. Но следующая ступень стала удачей — она получила место при детях в богатом доме, где за ее труд полагались «35 рублей, комната, стол, прислуга»²³⁷.

Внешний облик и манеры работающей женщины не приобретались в процессе воспитания — жизнь опережала традиции, и все приходило со временем само. Вот как об этом писала Анна Григорьевна Сниткина: «Я давно уже решила, в случае, если придется стенографировать в частных домах, с первого раза поставить свои отношения к малознакомым мне лицам на деловой тон, избегая фамильярности, чтобы никому не могло прийти желание сказать мне лишнее или вольное слово. Я, кажется, ни разу не улыбнулась, говоря с Федором Михайловичем, и моя серьезность ему очень понравилась. Он признавался мне потом, что был приятно поражен моим умением себя держать. Он привык встречать в обществе нигилисток и видеть их обращение, которое его возмущало. Тем более был он рад встретить во мне полную противоположность господствовавшему тогда типу молодых девушек»²³⁸.

Даже самая лучшая гувернантка не могла научить своих воспитанниц действовать в тех ситуациях, в которых они нередко оказывались в пореформенное время. В сущности, девушка, ищущая работу, должна была, как сказали бы наши современники, себя «презентовать», в наилучшем виде представляя потенциальному работодателю, человеку незнакомому, свои умения и способности. Для женщины традиционного общества это был очень трудный шаг. Особенно тяжело было тем, кто ступил на этот путь первым.

Труд педагога

Первой и наиболее значительной прослойкой среди работающих женщин из «хороших семей» стали преподавательницы: гувернантки, бонны, домашние учительницы, учительницы сельские и городские, классные дамы институтов и пансионов, руководительницы учебных заведений — тамама институтов Ведомства императрицы Марии и начальницы гимназий.

Педагогический труд был самым популярным среди образованных женщин. Собственно, это была единственная деятельность, которая долгое время позволяла женщине более-менее достойно в глазах общества заработать кусок хлеба.

Гувернантка — наиболее распространенная профессия среди педагогов вплоть до открытия массовых женских гимназий и училищ во второй половине XIX века. Эта профессия имеет свои особенности: долгое время гувернантка должна жить одной жизнью со своими воспитанниками. Крут ее обязанностей гораздо шире, чем у других педагогов. Ее задача заключается не только в преподавании определенных учебных предметов, но и в воспитании своих подопечных: она должна прививать им хорошие манеры и гигиенические навыки, поощрять их за достижения и наказывать за проступки, жестко следовать установленному распорядку дня, организовывать свободное время, совместное чтение, прогулки, уметь правильно выстроить отношения с родителями, прислугой и т. д. В отличие от учительницы вся жизнь гувернантки проходит на глазах нанявшей ее на работу семьи.

В культурных семьях, где воспитанию и образованию детей уделялось большое значение, было принято, тщательно выбрав гувернантку, предоставить ей полную свободу. Вмешиваться в ее методы воспитания считалось неправильным — авторитет гувернантки не подвергался сомнению, иначе, как считалось, это сразу скажется на отношениях с воспитанниками и вся работа пойдет насмарку. Хорошее правило, о котором следовало бы помнить и современным родителям.

Многие девушки поступали в гувернантки практически сразу со школьной скамьи, едва успев окончить свое учебное заведение. Для сирот и бесприданниц сызмальства было ясно, что им предстоит работать «в людях», учить чужих детей.

О бедной сироте, дочери героически павшего на поле боя воина, идет речь в рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Полковницкая дочь». Власти «ради отца вспомнили о дочери» и взяли оставшуюся без родных девочку на казенный кошт в Институт благородных девиц. Скромная, общительная, «неблестящие способности при чрезвычайном прилежании, некрасивая внешность, — все это сразу определило ее институтскую будущность». Классные дамы и начальницы институтов знали семейные обстоятельства каждой из подопечных, и для

тех, кому предстояло зарабатывать свой кусок хлеба, старались подыскать место. Их с самого начала готовили к предстоящей судьбе. В популярной в свое время повести Л. Чарской «Выпускница» тапан одного из институтов вызывает к себе в кабинет отличницу, сироту, давно оставшуюся без отца и совсем недавно потерявшую и мать, и поздравляет ее с приглашением на место в богатом доме, где ей предстоит стать «гувернанткой-педагогом»: «Ты серьезная и умная девушка, Люда, и вполне можешь оправдать мое доверие».

Институткам, которые проходили специальную педагогическую подготовку в дополнительных классах, отдавалось предпочтение в дворянском кругу перед гимназистками — ведь они были способны не только наилучшим образом преподавать необходимые учебные предметы, но и воспитывать детей. Искавшая места выпускница гимназии, медалистка, услышала отповедь от одной из мамаш: «Моя милая, в порядочном кругу не берут гимназисток: ни языков, ни манер, куда же такая наставница?»²³⁹

Судьба гувернанток очень часто была незавидной. Старые девы, жившие у чужих людей, должны были приноравливаться к обстоятельствам, к характерам своих хозяев — и так всю жизнь. Нельзя не упомянуть и еще об одном моменте, связанном с жизнью в чужом доме. Некоторые мужчины смотрели на прислугу, к которой причисляли и гувернанток, как на легкую добычу. Оставшиеся без покровительства молодые девушки попадали порой в неприятные ситуации. Хотя, конечно, бывали и счастливые случаи, когда гувернанткам удавалось устроить свою жизнь и обрести семью. В воспоминаниях С. Л. Толстого встречаем рассказ о пожилом вдовом соседе, мелкопоместном помещике А. Н. Бибикове, который женился на гувернантке своих детей. Но такие «истории Золушки» были очень редки.

Многие выпускницы институтов начинали учительствовать в раннем возрасте и продолжали до старости. Других способов заработать на хлеб они не знали. Как вспоминала Т. А. Аксакова о своих детских годах, «к нам... была приглашена Юлия Михайловна Гедда, немолодая девица с высшим педагогическим образованием». Некогда гувернантка Аксаковых служила городской учительницей, она «заведовала школой на петербургской стороне» и с гордостью рассказывала, что сам

«городской голова» «отмечал ее полезную деятельность». Она, как вспоминали ее питомицы, «в дело воспитания... вкладывала все методы, которым ее учили на Высших курсах: мы причуались к ручному труду... Общеобразовательные предметы были поставлены серьезно; мы посещали музеи, ботанический сад, знакомились с историческими достопримечательностями Петербурга»; благодаря своей гувернантке дети уже в семь лет чувствовали себя как дома в Эрмитаже, Петровской галерее, Кунсткамере, музее Александра III, им была знакома культура разных народов²⁴⁰.

Для раннего времени статистики нет, но в конце XIX века, согласно всероссийской переписи населения, гувернанток было значительно больше, чем гувернеров. В Санкт-Петербурге и его пригородах в 1897 году были зафиксированы 61 гувернер и 1148 гувернанток, служивших у частных лиц²⁴¹. Причем обозревательница, анализировавшая результаты переписи, полагает, что эти цифры занижены²⁴², и мы согласны с этим мнением. Показательно, что учтенные гувернантки составляли значительную часть тех женщин, что занимались учительством вообще: 1148 против 6587. При подсчете учитывались только те, для кого этот род занятий был основным средством существования, и это, надо полагать, сильно сократило общую цифру преподавательниц — ведь многие давали частные уроки, которые не были основным занятием, но плата за которые пополняла семейный бюджет.

Из документов второй половины XIX века мы знаем, как много людей, имеющих хоть какое-нибудь образование, давали частные уроки, причем с подросткового возраста. Весьма популярным это было в гимназической среде — деньги, которые зарабатывали таким образом юноши и девушки, были порой чрезвычайно важны для их семей.

Как раз такая ситуация в основе повести Л. Чарской «Гимназистки». Девушка живет с бабушкой на ее пенсию: убогое жильё, долги, недостаток во всем. Но помог случай: она начала давать уроки в купеческой семье, и «для бабушки с Верочкой началась новая жизнь. Домовладельца удалось уговорить подождать еще месяц с платой за квартиру. Удалось упросить отсрочки у прочих кредиторов. А тут еще подвернулся и другой урок... Дела бабушки и Верочки поправились сразу. Верочка ожила, повеселела. Ожила и бабушка. Теперь у нее была

возможность приобретать лекарство от ревматизма и питаться не одним картофелем и хлебом. Через год, когда Верочка окончит гимназию и исключительно примется давать уроки, о, тогда! Об этом славном времечке сладко мечтают обе — и бабушка, и внучка». В мемуарах мы постоянно встречаем рассказы, свидетельствующие, насколько учительство было обычным делом для девушки из образованной семьи, становящейся иной раз главным ее кормильцем. Так, бывший директор кадетского корпуса «отставной Кетлер и его жена жили исключительно на заработок своей красавицы-дочери, которая давала уроки на фортепьяно и гитаре»²⁴³.

Надо упомянуть и об еще одном способе заработка для женщин на педагогической стезе. Попавшие в затруднительное положение женщины открывали небольшие пансионы на несколько воспитанниц. Например, маленький пансион на дому открыла мать писателя В. Г. Короленко — оставшись вдовой с детьми на руках, она располагала лишь небольшой пенсией, которая никак не обеспечивала существование семьи. Такие пансионы пользовались спросом вплоть до 1917 года.

Итак, казалось бы, педагогика — вполне привычное, законное в глазах общества занятие для женщины. Но характерно, что критики все равно находились. Кумир молодежи, «глашатай общественного мнения» Д. И. Писарев с апломбом писал: «Воспитанию детей посвящают себя обыкновенно те лица, которые, по ограниченности ума, ни на что другое не способны, да иначе и быть не может... Кто хочет денег, тот не пойдет в педагоги, потому что занятия с детьми отнимают у человека время, не обогащая его внутренним содержанием. Стало быть, в педагоги идет, даже по призванию, только трудолюбивая посредственность; в гувернантки идут те девушки, которым не удалось выйти замуж» («Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова», 1861). Может ли быть оправданием талантливому публицисту молодость? Он хорошо понимал, сколько тысяч читателей воспринимали его слова как Евангелие, но при этом не смущался бросить камень в учителей — самое, может быть, незащищенное профессиональное сообщество в России.

Как бы то ни было, общество нуждалось в подготовленных профессиональных педагогах. Как следствие этого были учреждены педагогические классы в женских гимназиях, от-

крыты педагогические курсы при 1-м Маринском женском училище, которые с 1879 года стали трехгодичными (так называемые «Педагогические курсы Н. А. Вышнеградского»). Но в целом средства, которые выделялись правительством на подготовку учителей, были ничтожными. Субсидии со стороны меценатов кардинально исправить дело, конечно же, не могли.

В 1870 году было основано Московское общество воспитательниц и учительниц. Со временем при нем появились рекомендательная контора, приют для ищущих места, дешевые квартиры, библиотека, педагогический музей, педагогические курсы, дом призрения для престарелых, пенсионная касса. Таким образом, общественное начинание разрослось в солидное предприятие, охватывавшее разные стороны жизни и приносящее реальную пользу. По его образцу стали возникать другие подобные общества, а в провинциях основывались более скромные общества взаимопомощи учителей.

В России второй половины и особенно конца XIX — начала XX века в большом количестве выпускались солидные журналы педагогического направления. В них содержится много ценной информации о подготовке учителей, их материальном положении, отношениях с властями, подробнейшие статистические данные о разных сторонах образования в России и других странах. Уровень информированности и глубины публикаций в этих журналах мог бы служить образцом для современных печатных органов, пишущих на тему семьи и школы: их отличали государственный подход, доскональное знание предмета, профессионализм в каждом слове, гуманное отношение к людям.

Особое внимание авторы журналов обращали на положение народных учительниц, преподававших в сельских школах. Зачастую оно было откровенно бедственным. Учительницы страдали от безденежья, от произвола местных властей, от тяжелейших условий собственно русской деревни: холода, отсутствия каких бы то ни было удобств, некультурного окружения. «Столичному жителю невозможно и представить, какие иногда страшные, потрясающие драмы совершаются в стенах народных училищ», — пишет один из авторов. Ветхие, покосившиеся от времени избы с перекосившимися окнами, это — иронизирует он далее — «духовные приюты». «Де-

ти в полушубках и шубах, учительницы в валеных сапогах, в зимнем пальто. В потемках среди стужи и метели она занимается с крестьянскими девочками и мальчиками» и за эту работу получает 12 рублей 50 копеек в месяц²⁴⁴.

Об этом же говорил в своей речи на международном Воспитательном конгрессе в Чикаго князь С. М. Волконский в 1893 году: «Заброшенное в какую-нибудь глухую деревню, за много верст от железной дороги, разлученное с семьею молодое существо вступает в борьбу с жизнью, находясь в зависимости от бедного и неграмотного общества, которое не всегда в состоянии или же не желает платить ей ничтожное жалованье, которым предполагается вознаградить ее за ее труд и жизнь. Она должна жить за 12 руб. (6 долларов в месяц, уточняет Волконский для американской аудитории. — *Авт.*); крестьянская изба, нанятая за 20 р. в год, служит ей жилищем; крестьянская семья — ее единственным обществом, если нет священника в деревне или помещичьего дома поблизости...» Волконский сказал, что знал одну такую учительницу, умудряющуюся при этом содержать большую мать и маленького брата, которого готовила к гимназии²⁴⁵.

Корреспондентка пишет в 1899 году: «...Нет, кажется, профессии более неблагодарной и в нравственном, и в материальном отношении, чем профессия сельской учительницы, а между тем число желающих поступить в их стойкие ряды увеличивается и увеличивается»²⁴⁶. Комментарий ее таков: «Сколько женщин мечтают найти удовлетворение в заработанном ими самими куске хлеба, и какое... горькое разочарование ждет их на пути по этой тернистой дороге, где нет ни сочувствия, ни искреннего отношения к положению бедных несчастных тружениц в отдаленных селах и деревушках. Как смешно и странно суждение наших охранителей, наших мужей, отцов, которые видят в женщине только мать, забывая, что большинство женщин не выходят замуж, что они должны существовать, имея заработок, кормить мать, отца и нередко поддерживать всю семью своими трудами!»²⁴⁷

Как сообщает «Женское дело», самое высшее вознаграждение, которое учительницы получают в Ярославской губернии, — 300 рублей в год, а учитель при этом может дослужиться до 420. Журналистка интересуется: почему же все-таки нельзя народной учительнице получать больше 300 рублей?

Во время неурожаев, частых в России, «сельские учашие» (в основном женщины) оказывались в тяжелейшем положении: продовольствие дорожало, жалованье «было крайне скудным», а «возможности заработать себе на стороне» не имелось²⁴⁸. К тому же жалованье выплачивалось нерегулярно, и за ним приходилось ездить в город по нескольку раз.

Пенсию выслужить удавалось не всем. В отчете комиссии при Министерстве народного просвещения говорилось, что в четырех губерниях лишь два учителя и ни одной учительницы выслужили 35 лет, а 25 лет — 28 учителей и всего-навсего шесть учительниц. Журналистка делает вывод: «Ясно, отчего учительницы выслужили менее учителей: условия их жизни так тяжелы, что они не в состоянии дотянуть тех сроков службы, которые по силе учителям»²⁴⁹.

Немало рассказывалось историй о том, как тяжело приходилось незащищенным учителям при столкновениях с местными властями. Так, некий станичный атаман «настолько невзлюбил одну учительницу, что решился донять ее довольно оригинальным образом: прислал к ней на постой взвод казаков, а когда те наконец уехали, приехал гробовщик, чтобы снять с учительницы мерку для гроба, рассказывают «Кубанские областные известия»²⁵⁰.

Не приходится удивляться, что, как только поприще для женской деятельности расширилось, пресса констатировала, что народные учителя и учительницы из-за невозможных жизненных условий покидают школы и большинство вакантных мест в народных школах остаются незамещенными²⁵¹.

Среди народных учительниц было немало епархиалок — воспитанниц епархиальных училищ. Писательница Н. Берберова рассказывала о своих знакомых: «Все семь дочерей сельского священника... твердо знали с самых ранних лет, что они пойдут в сельские учительницы, и это очень нравилось мне»²⁵². Как точно заметил М. В. Сабашников, именно такие учительницы были гораздо более органичны в деревне, чем «жертвовавшие» собой и «выполнявшие долг перед народом» нигилистки.

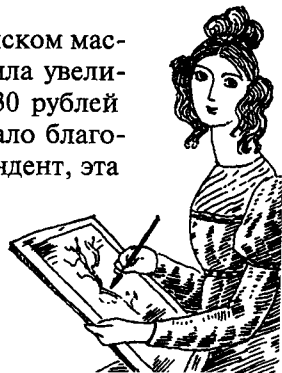
Городские учительницы находились в лучшем положении, чем сельские, но это отнюдь не означает, что их положение заслуживало зависти. В журнале «Женское дело» читаем: «Го-

родская народная учительница, сообщает одна учительница из Елисаветграда, начинает свою службу с жалованьем в 20 руб. в месяц, что продолжается два года, после чего получает прибавку до 30 руб. в месяц, через 5 лет до 35 руб. и, наконец, еще через 5 лет достигает высшей оценки своего труда — 41 р. 63 к. ежемесячного жалованья. Дальше ей уже нечего ждать». За выслугу лет пенсии учительницам городских школ не полагалось, а работать приходится слишком много: после рабочего дня в школе еще нужно проверять бесчисленные тетради и давать посторонние уроки, без которых «прожить невысказано». Причем, как и в других профессиях, женщины занимали прежде всего те места, где жалованье было ниже, а нагрузка — больше. Именно женщины по преимуществу преподавали в низших учебных заведениях (кроме Закона Божьего, разумеется) в конце XIX — начале XX века.

Среднее жалованье учителя в конце 1870-х годов составляло 200—250 руб. в год, или 16—20 рублей в месяц, 66 копеек за урок, считая четыре урока в день. Более высокой была зарплата учителей прогимназий, гимназий, реальных училищ, учительских семинарий, особенно директоров средних учебных заведений. Привилегированным было положение учительниц в Ведомстве императрицы Марии. Они получали приличное жалованье, а кроме того, с 1900 года прослужившие не менее трех лет должностные лица, преподаватели и преподавательницы получали право бесплатно определять своих дочерей во все гимназии Ведомства. Министерство народного просвещения требовало для получения подобной же привилегии службы в течение десяти лет²⁵³.

В конце XIX века Московская городская дума постановила улучшить положение педагогов и в особенности учительниц. Согласно постановлению, решено было уравнивать оклады мужчин и женщин: старший учитель и учительница в 1902 году должны получать по 660 рублей, а учитель и учительница — по 460. Прежде разница в жалованье составляла сто рублей²⁵⁴.

Но так дело обстояло в Москве. А в общероссийском масштабе уже в XX веке Государственная дума решила увеличить минимальное жалованье учительницам до 30 рублей в месяц (то есть до 360 рублей в год), что «вызвало благодарность и радость». Однако, как пишет корреспондент, эта

«радость оказалась преждевременной: с учительницы пошли вычеты на разные статьи, и в результате получилось, что даже старые, долго прослужившие учительницы получают 24 р., а 20% из нищенского жалования идет на вычет. Вот если бы такой процент вычитать из министерских окладов? Это имело бы больший смысл, чем у нищего отрезать кусок насущного хлеба»²⁵⁵.

Городские власти проявляли в отношении к учительницам куда большую корректность, нежели сельские, и все же конфликты периодически возникали. Петербургская дума по рекомендации комиссии по народному образованию постановила не допускать к работе в городские школы на должности учительниц замужних женщин и ввести запрет вступать в брак для тех, кто уже эти должности исполняет. Вышедшая замуж учительница тут же увольнялась. Так поступали и на местах. Сообщалось, например, что Балашовское отделение епархиального совета рассылает замужним учительницам извещения об увольнении²⁵⁶. В Егорьевске Рязанской губернии местная дума постановила увольнять со службы учительниц городских школ в случае выхода замуж; это делалась для того, «чтобы нравственность девочек не портилась», поскольку «беременные женщины раздражительны, злы». В Порхове уездный училищный совет, по предложению предводителя дворянства, решил уволить со службы всех замужних учительниц начальных школ и вновь таковых не принимать как «неподходящий педагогический элемент». А чердынский инспектор народных учительниц пригрозил немедленным увольнением всем замужним учительницам, которые дерзнут иметь более двух детей; сообщалось, что «уже уволены три учительницы, имеющие детей более предписанной нормы»²⁵⁷.

О степени вовлеченности женщин в начальное образование можно судить по данным журналов. В Петербурге на 1 января 1895 года было 320 начальных школ и в них 295 учительниц, или 92,2 процента от общего числа преподавателей²⁵⁸. В 1898 году женщины составляли около 30 процентов преподавателей начальных министерских школ (25 075 женщин из 84 121 общего числа учителей²⁵⁹, для сравнения: из 120 032 народных учителей Германии было 13 750 женщин²⁶⁰).

Посмотрим на результаты переписи 1897 года²⁶¹.

	Учебная и воспитательная деятельность в целом		Руководство и преподавательский состав в учебных заведениях	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Санкт-Петербург с пригородами	5006	6587	1074	1260
Орловская губ.	1637	1051	858	515
Смоленская губ.	1336	881	713	472
Рязанская губ.	1476	756	975	478
Екатеринославская губ.	2305	952	1030	429
Московская губ. (без Москвы)	1169	1082	786	753

Привлекают внимание данные по Санкт-Петербургу: женщины-педагоги опережают своих коллег-мужчин по всем показателям — феминизация педагогического состава зашла здесь далеко. Показатели Московской губернии приближаются к этому показателю. Несколько иное соотношение в провинции, но и здесь цифры говорят об увеличении к концу XIX века числа женщин, занятых преподавательской деятельностью.

Тем не менее в общественном сознании сохранялись стереотипы, и, называя учительниц, преподавательниц и классных дам институтов, провинциальные адрес-календари добавляли: «дочь титулярного советника», «вдова надворного советника», «...французского подданного», «...митавского гражданина», «...купца», «...дворянина»²⁶². Женщина даже на своем рабочем месте часто воспринималась не сама по себе, а в ее отношении к отцу или мужу, как это было принято в патриархальном обществе. Что любопытно, имена преподавательниц гимназий в адрес-календарях подобных уточнений не содержат.

В 1901 году министр народного просвещения получил право назначать выпускниц Высших женских курсов учительницами старших классов женских гимназий. В воспоминаниях Н. И. Гоген-Торн читаем: «Отрадой и утешением были уроки истории. Древнюю историю преподавала Наталия Дави-

довна Флитнер, египтолог, работавшая в Эрмитаже... Литературу преподавала Ольга Владимировна Орбели, жена Рубена Орбели... человек, несомненно, культурной среды, но культуры XIX века...»²⁶³. Прекрасно подготовленные выпускницы Высших женских курсов производили неизгладимое впечатление на своих учениц: «В период революционного подъема в нашу гимназию прибыла целая плеяда молодых, только что окончивших высшие курсы учительниц. Они внесли освежающую струю в жизнь всей гимназии. Поселились они все вместе, сняв общую квартиру, где у каждой была своя комната. Свою квартиру они называли “коммуна”»²⁶⁴.

В 1906 году женщины-педагоги добились права преподавать в младших классах мужских учебных заведений. А спустя еще пять лет, в 1911 году, они формально были уравнены с мужчинами при получении высшего образования.

Общество постепенно осознавало, что, как еще в XVIII веке заметил Н. И. Новиков, педагогика — это наука, которую следует изучать, и учителя все отчетливее ощущали недостатки в своем профессиональном образовании. В 1870 году в московском Комитете грамотности возникла идея организовать во время летних каникул краткосрочные педагогические курсы для ознакомления народных учителей с новыми методами преподавания. Чуть позже Общество воспитательниц и учительниц стало хлопотать об открытии постоянных женских Педагогических курсов. Московская городская дума поддержала идею и выделила на ее реализацию 1000 рублей (затем сумма была увеличена до 1500 рублей). На первое время курсам бесплатно предоставили помещение при одном из пансионов; со слушателей бралась небольшая плата — шесть рублей за целый годичный курс; впоследствии плата была повышена. Затем при курсах открыли образцовую школу, где слушательницы могли наблюдать уроки опытных преподавателей и сами пробовать свои силы. В 1892/93 учебном году их число достигло 300 человек, и чтение лекций было перенесено в здание Политехнического музея.

Большое впечатление производит характеристика слушательниц курсов, которую дает автор статьи в журнале «Образование». Он пишет, что большую часть слушательниц составляют учительницы и гувернантки — московские, иногородние

и сельские. Курсистки-учительницы — это особый тип: «за редкими исключениями, все они — деловые люди, ищущие нужных им знаний и умений, с полной серьезностью и вниманием относящиеся к занятиям на курсах». Также они «иногда слушают одновременно еще фельдшерские и акушерские курсы», ведь в деревне им полезно все это знать — «явление это вызвано жизнью и имеет важное значение: русская деревня нуждается и в учителях, и в медицинской помощи, а содержать одновременно учителя и хотя бы фельдшера не имеет средств».

Большинство курсисток не располагают средствами; поэтому живут они в Москве в «общежитии Ляпина ... где помещение для учащихся дается даровое, а стол стоит гроши: Ляпинцы (обитатели Ляпинки) ухитряются прожить в месяц на 5 или 6 р. При таких-то условиях и живет в Москве и учится год-два приехавшая из провинции учительница или приготавливающая себя к этому званию. Разумеется, таких слушательниц курсы освобождают от всякой платы за слушание лекций». Более того, курсам удалось составить «небольшой фонд для вспомоществования (заимообразно и безвозвратно) для беднейших слушательниц», открыты библиотеку учебников, учебных руководств и прочих пособий, которые «беднейшим» выдавались бесплатно. Чтобы курсы могли свести концы с концами, некоторые лекторы — это вообще было принято на женских Высших курсах — не брали вознаграждения за свой труд.

Автор с видимым удовольствием констатирует: «20-летнее непрерывное существование частного общественного учреждения, не дающего никаких официальных прав и привилегий, существующего при поддержке бедного средствами общества воспитательниц и учительниц, убеждает в жизненности этого учреждения, доказывает, как оно необходимо»²⁶⁵. Педагогические курсы просуществовали до 1919 года.

Основание гимназии было делом серьезным и дорогостоящим. Тем не менее во второй половине XIX века в обеих столицах и провинциальных городах открывается большое число частных гимназий, которые впоследствии пользовались заслуженной славой. Среди них гимназии Стоюниной, Рождественской, Оболенской, Алферовых, Ржевской, Таганцевой и т. д. — женщины при организации своих учебных заведений

проявили незаурядную предприимчивость. Одной из лучших была частная женская классическая гимназия Софьи Николаевны Фишер²⁶⁶, которая давала своим выпускницам образование не ниже, а нередко и выше, чем в иных мужских гимназиях.

Показательно, что в 1895 году, при утверждении положения о петербургском женском Медицинском институте, воспитанницам, окончившим курс женской классической гимназии, где среди прочего учили латынь, было предоставлено право поступать в институт без всяких дополнительных испытаний.

В прошлом существовала традиция, демонстрирующая подлинное уважение к образованию и культуре в целом, публиковать подробные исторические очерки, посвященные конкретным учебным заведениям — от самых крупных до небольших, сборники памяти преподавателей и деятелей в области просвещения и тому подобные материалы. Раскроем, например, сборник «Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской», изданный Обществом для вспомоществования бывшим воспитанницам женской гимназии О. А. Виноградской (подобные общества основывались при многих гимназиях и институтах; например, существовало Общество для вспомоществования бывшим и настоящим воспитанницам частной женской классической гимназии С. Н. Фишер). Жизнь О. А. Виноградской и история основанной ею гимназии во многих чертах весьма типичны. Ольга Афиногеновна окончила московскую гимназию с серебряной медалью и некоторое время работала там же классной дамой. Затем она преподавала в женском учебном заведении княжны О. Н. Мещерской, а впоследствии — в женской школе З. Д. Перепелкиной (при этом продолжала давать частные уроки, в том числе детям С. И. Мамонтова). В то же время она занималась самообразованием — слушала лекции на Лубянских курсах.

Богатый опыт, характер и энергия позволили Виноградской возглавить учебное заведение 3-го разряда, куда ей удалось пригласить замечательных педагогов — заслуженного артиста императорских театров У. И. Авранека, университетских преподавателей А. А. Кизеветтера, М. И. Коновалова, М. К. Любавского. Была собрана богатая библиотека, собрание «световых картин», коллекции по естественной истории, физические инструменты. В 1902 году школа Виноградской

получила полные права женской гимназии. А в 1910 году гимназия переехала в «новое, прекрасно оборудованное здание, специально построенное для учебного заведения Ольги Афиногеновны... ее бывшими ученицами».

Преподаватель зоологии и ботаники в гимназии Виноградской сделал очень точное замечание: «В конце прошлого XIX века можно было отметить одно интересное явление в педагогическом мире Москвы. Частные женские гимназии взяли на себя инициативу в области искания новых путей в деле воспитания и образования, они служили теми оазисами, где жизнь не шла по казенному мертвому трафарету, где она пробивалась живой струей, где создавался тот тип нормальной школы, который обучал и воспитывал своих питомцев и вместе с тем служил лучшей школой и для молодых педагогов»²⁶⁷. При этом его удивляло, что подобную роль играли именно женские гимназии. Нам кажется, что как раз это понятно — частные женские гимназии основывались энтузиастками, действовавшими в еще не скованном министерским вниманием поле, как это было с мужскими учебными заведениями, уже обретшими свою форму. Создательницы гимназий экспериментировали, следили за всем новым, что появлялось в педагогике, вкладывали душу в свои детища.

О женщинах-медиках

В 1844 году в Петербурге впервые в Европе принцессой Терезой, дочерью Великой княгини Елены Павловны, была учреждена женская Никольская община, начавшая подготовку «палаточных сестер милосердия»²⁶⁸. После смерти Елены Павловны система медицинских учреждений, созданная под ее эгидой, была объединена в Ведомство учреждений Великой княгини Елены Павловны (по примеру Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны). При общинах, подобных Никольской, открывались больницы и приюты, училища.

В числе этих учреждений была и Крестовоздвиженская община. Здесь обучали сестер милосердия, которые оказывали раненым помощь прямо на поле боя — это был первый подобный опыт в мире (англичане эту честь приписывают Флоренс Найтингейл). Во время Крымской войны 250 сестер об-

щины отправились в Севастополь, где зарекомендовали себя с наилучшей стороны. Среди них были и дамы знатных фамилий. 68 медсестер были награждены медалями «За оборону Севастополя», каждая четвертая погибла при исполнении своих обязанностей.

В 1867 году было создано Российское общество попечения о больных и раненых, преобразованное в 1879 году в Российское общество Красного Креста. Накануне Первой мировой войны в России насчитывалось 49 общин сестер милосердия, в которых состояло более тысячи дипломированных женщин, 744 испытуемые и 1261 сестра значилась «в запасе»²⁶⁹. Подготовленные по особой программе сестры милосердия сдавали экзамены, проходили практику и получали квалификацию «крестовых сестер». Статус их был очень высок²⁷⁰.

Сестры милосердия пользовались сочувствием и поддержкой в обществе. В прессе регулярно появлялись известия о пожертвованиях в пользу общин. Например, читаем, что тайный советник В. А. Ратьков-Рожнов пожертвовал средства для постройки при общине Св. Георгия трехэтажного каменного здания с калориферным отоплением и вентиляцией, предназначенного для практических занятий сестер милосердия. В нем были предусмотрены отделения: бактериологическое, гидротерапевтическое, химическое и т. д.²⁷¹

Героиня повести театрального деятеля Вл. И. Немировича-Данченко «С дипломом!» (1892) тридцатилетняя Анна Тимофеевна — простая крестьянка, любовница барина, родившая ему двух сыновей. Незаурядная личность с сильной волей, она мучилась сознанием собственной «темноты»: барин попрекал ее тем, что с ней не о чем поговорить... И она приняла решение учиться, отправилась в Петербург и там получила диплом фельдшерицы-акушерки, «пройдя в два года то, что другие проходят в три». Вчерашняя крестьянка проделала громадную работу — она не только одолевала науки, но и училась грамотно писать и говорить, боролась со своим мягким южнорусским акцентом, научилась вести себя в образованном кругу. Она возвращалась домой, осыпанная похвалами профессоров, с чувством, что «никогда так сознательно не ощущала в себе человеческого достоинства». Но дома обстоятельства коренным образом переменялись: пока Анна Тимофеевна в столице двигалась вперед, становясь

другим человеком, ее барин, сидя в нищающей усадьбе, опустился, обрюзг, завел новую полубовницу — простую и глупую бабу. Его кругозор сузился, и самый вид бывшей подруги, энергичной и подтянутой, был для него оскорбителен. Анна Тимофеевна оставила «поле боя» сопернице — ей теперь сам черт был не брат; еще в Петербурге она получала предложения остаться работать в клинике, а захочет — найдет себе место и в глубинке, поближе к детям...

А вот пример уже не из литературы, а из жизни, реально прожитой сестрой милосердия Феокисткой Никандровной Слепченко. Любимица отца, богатого сибирского крестьянина, она обладала упрямым характером. Когда девочке исполнилось пятнадцать лет, отец решил, что учиться ей дальше не нужно. Но крестьянский размеренный быт не привлекал Феокистку, и она, посмея послушаться отца, ушла из дома и пристроилась к группе богомольцев. Из Сибири она добралась до Крыма, где стала работать в симферопольской городской больнице, а затем вступила в общину Красного Креста. Уже обладая медицинской подготовкой, она отправилась на Русско-японскую войну. Как и на Крымской войне, здесь работали знатные женщины. На них Феокиста Слепченко посматривала свысока: «Кроме нас, сестер Пятигорской общины, были еще прикомандированы сестры военного времени, носили форму сестер, красиво, чисто, но работать не могли и не умели, так как были или баронессы, или графини и т. д., а нам работать приходилось много. Я всегда работала в солдатских палатах, а у офицеров не работала, так как там всегда находились титулованные сестры, а недостатка в них не было в японскую войну»²⁷².

После окончания Русско-японской войны Феокиста Слепченко работала в Вилкойской колонии прокаженных в Якутии. Но вот началась Первая мировая война, и она снова отправилась на фронт, затем была в Белой армии и в конце концов оказалась в эмиграции. (Любопытно, что о своем «сестринском» опыте во время Русско-японской войны, а затем и Первой мировой рассказывает и «титулованная сестра» княгиня Л. Л. Васильчикова²⁷³.)

Итак, профессия медицинской сестры, фельдшерицы или акушерки была вполне обыкновенной — во время войны в тылу и на фронте ее примеривали на себя и аристократки, и кре-

**Медсестры лазарета для раненых
Покровской общины сестер милосердия.
Фото. Нач. XX в.**

стьянки. Всего же в начале 1917 года в русской армии было 30 тысяч сестер милосердия²⁷⁴.

Роль медсестры казалась вполне приемлемой для женщин любой сословной принадлежности: женщина-сиделка, выхаживающая больного, — образ, безусловно, положительный. Но вот женщина-врач — дело совсем другое. Доктор — это авторитет, личность в медицинской сфере доминирующая, он повелевает, а ему безоговорочно подчиняются. В этой роли общество видеть женщину не хотело. Само понятие «женщина-врач» противоречило патриархальной практике и вызывало глубокий и резкий протест, причем повсюду в цивилизованном мире.

Артур Конан Дойль, сам практиковавший как врач, написал рассказ, который так и называется — «Женщина-врач». Герой его, сельский доктор Риплей, узнает, что по соседству появился новый врач, знаменитый своими оригинальными исследованиями и обладающий «высшими учеными степенями». Риплей поехал представиться собрату и испытал потрясение: оказалось, что собрат — женщина. «Ему никогда не приходилось видеть женщины-врача, и вся его консервативная душа возмущалась при одной мысли о таком уродливом явлении. Хотя он не повторял мысленно библейского текста, гласящего, что только мужчина может быть врачом и только женщина кормилицей, однако у него было такое чувство, точно только что перед его глазами было совершено неслыханное богохульство». Это было «поругание идеала женственности... Больше же всего он возмущался при мысли о тех испытаниях, которым во время изучения медицины должна была подвергаться ее стыдливость. Мужчина может, конечно, пройти через это, сохранив всю свою чистоту, но женщина — никогда».

Показательно, что никого не возмущало изучение медицины медсестрами, которым точно так же открывались все тайны человеческого тела, но при этом «поругания идеала женственности» почему-то не происходило — напротив, образ медсестры в белом халате всегда считался олицетворением женственности.

Но вернемся к доктору Риплею. Пациенты не разделяли его предубеждения, и после нескольких удачно проведенных курсов лечения женщина-врач стала пользоваться большой популярностью. Развязка рассказа довольно мелодраматична:

доктор сломал ногу, перелом оказался сложным, и он попал в заботливые и умелые руки своей коллеги. По мере лечения Риплей полюбил ее, но на свое сватовство получил отказ — его избранница заявила, что предпочитает всецело посвятить себя науке...

В России на страницах журналов и газет, в салонах и кружках, в государственных учреждениях и учебных заведениях также весьма активно обсуждали, имеет ли женщина право получать диплом врача. Так, в 1860-х годах на страницах «Современной медицины» всеми способами доказывалось, что женщинам не следует заниматься медициной. В ход шли самые разные доводы — в том числе недостаточные (сравнительно с мужским) вес женского мозга и глубина мозговых извилин, а также препятствующая делу женская физиология; выдвигалось и такое соображение, что медицинское образование повредит женскому целомудрию, приведет к поруганию семьи и распространению свободной любви²⁷⁵.

Тем не менее в 1872 году женщины были допущены к занятиям в Военно-медицинской академии, при которой были созданы Женские врачебные курсы. В России, в соответствии со своеобразной логикой нашего исторического пути, главным поборником женского высшего медицинского образования, кроме самих женщин, выступало Военное министерство. В 1877 году курсы выпустили 60 слушательниц, и мы наблюдаем, как в русском языке закрепляется новое слово: журналист пишет о «первом выпуске слушательниц женских врачебных курсов — “студенток”, как называют их многие»²⁷⁶.

Первого июня 1895 года было утверждено Положение о петербургском Женском медицинском институте, где девушки должны были получать специальное образование, «преимущественно приспособленное к лечению женских и детских болезней и акушерской деятельности». Окончившие получали диплом на звание женщины-врача и право вести частную практику, занимать должность врачей при женских учебных заведениях, женских и детских больницах и т. п., право заведовать земскими медицинскими участками и сельскими больницами, а в городах — женскими и детскими больницами и отделениями при общих больницах, право выступать в качестве помощников судебного врача при судебно-медицинском освидетельствовании женщин и детей.

Набор профессий для образованных женщин был крайне ограничен, а профессия врача выглядела привлекательной из-за огромной популярности естественных наук, в которых видели источник и индивидуального, и общественного развития. «...В обществе существовало увлечение естественными науками; я поддалась течению: физика, химия, зоология представлялись мне каким-то “откровением”, и я поступила на физико-математическое отделение курсов»²⁷⁷. «...Ждали необыкновенно полезных результатов не только от научных исследований специалистов, но от каждой популярной книги, к какой бы отрасли естествознания она ни относилась... сразу явилось немало лиц как из высших, так и из средних классов общества, желавших заниматься естественными науками»²⁷⁸. Сказывался и пример первых женщин-врачей — Н. П. Суловой и М. А. Боковой. Революционерка Вера Фигнер, учившаяся на медицинском факультете Цюрихского университета (правда, так и не окончившая обучение, но зато потом сдавшая экзамены на звание фельдшерицы), писала в воспоминаниях, что журнал с известием о Суловой определил ее будущее.

Многими руководил чрезмерный идеализм, свойственный эпохе. Юная девушка в письме Льву Толстому изливала душу: «Я хочу поступить на фельдшерские курсы в Петербурге, кончить их и тогда с теплой душой, желанием делать добро во имя добра и с орудием знаний в руках пойти навстречу всем обездоленным и страждущим»²⁷⁹. Больше доверие вызывали мотивы тех, кто заботился о своем будущем и хотел помочь своим родным. О таких студентках, учившихся на медицинских курсах, пишет корреспондент «Женского образования»: «Желание обеспечить себе в будущем сколько-нибудь сносный заработок гонит иногда в С.-Петербург из провинции девушек очень бедных. Таких много на курсах»²⁸⁰.

Как и в сфере образования, в области медицины дипломированные женщины-врачи занимали в большинстве случаев самые низкооплачиваемые и наименее привлекательные должности. Заметим, кстати, что в обиходе женщин-врачей частенько кратко — и уничижительно — именовали «жевешки».

Несколько слов в сторону:

НОВОЯЗ

«Жевешки»... Думается, этот новояз требует отдельного разговора.

Перемены в жизни влекли за собой перемены в языке. Появляется немало слов, касающихся нового положения женщины в обществе. О женщине, стремящейся к переменам, говорили: эмансипе, эсприфорка (от *фр.* *esprit fort* — вольнодумка). В 1860-е годы широко употреблялись слова «нигилист» и «нигилистка»²⁸¹. О даме из общества говорили при этом: «нигилистка, но бонтонная».

Движение за эмансипацию зародилось в обеспеченных слоях²⁸², привычно использующих французский язык, который в определенной степени камуфлировал и облагораживал вызов, который бросали обществу женщины. Можно рискнуть сделать предположение, что если происходящее из латыни слово «нигилист» придумал и пустил в оборот мужчина, то автором слов, в основе которых были французские корни, являлась женщина. В Институтах благородных девиц, как мы знаем, любили переиначивать французские слова, придумывая новые слова и прозвища.

Мы видим, как язык отражает демократизацию феминистского движения: слово «дамский» (комитет, общество, кружок, журнал, движение, т. д.) вытесняется внесловным, информирующим лишь о половой принадлежности и более резким для уха словом «женский». Многие новые слова звучат скрежещуще, вызываяще или даже грубо: равноправки, разводки (или, чуть мягче, разведенки), лесгафтички (слушательницы курсов Лесгафта), фребелички (слушательницы Фребелевских курсов, где готовились, как говорили в прежние времена, «детские садовницы»), жевешки. Даже слово «курсистка», созданное по образцу уже привычных «гимназистка» и «институтка», переиначивалось иногда в «курсику».

Врач и издатель журнала «Женский вестник» М. И. Покровская в небольшой книжке воспоминаний²⁸³ рассказала о начале своей практической деятельности в губернской амбулатории после окончания курсов. Ее коллега, местный врач, считал, что «у женщины мозг легковесный, потому к науке не-

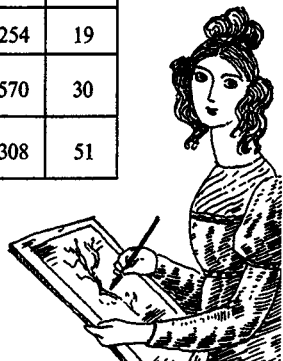
способный», и, значит, «порядочный фельдшер может лечить лучше, нежели самая ученая женщина-врач». Но плохо было даже не это, а то, что, как грустно констатировала М. И. Покровская, даже люди, сочувствовавшие женской эмансипации, с некоторым недоверием относились к способностям женщин врачевать. Требовалось время, чтобы это предубеждение рассеялось.

В 1882 году Петербургской городской думой был утвержден институт думских врачей: в начале 80-х годов в столице свирепствовала эпидемия дифтерита, а врачей, готовых работать среди бедняков, не хватало. Большую половину этих думских врачей, ведших амбулаторный прием и посещавших своих больных на дому, составили женщины. На частную практику времени у них не хватало, но это отчасти компенсировалось жалованьем: постоянный оклад составлял у думских врачей 600 рублей, а за визиты на дом они получали по 30 копеек за дневной и по 60 — за ночной²⁸⁴.

Врачей в России катастрофически не хватало. Вот цифры, приведенные Медицинским департаментом: в 1891 году врачей по всей России насчитывалось не более 14 тысяч, а следовательно, один врач приходится на 7857 человек²⁸⁵.

Перепись 1897 года показывает такую картину участия женщин в медицинской практике²⁸⁶:

	Врачебная и санитарная деятельность в целом		Руководство лечебных заведений, гражданские врачи		Дантисты		Фельдшера, аптекарские ученики и т. п.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Орловская губ.	963	420	112	5	14	4	393	23
Рязанская губ.	813	516	112	5	7	1	254	19
Екатеринославская губ.	1503	566	229	11	37	12	570	30
Московская губ. (без Москвы)	947	984	173	17	5	2	308	51

Мы видим, что в целом сфера медицины решительно осваивалась женщинами, однако должности врачей пока еще в основном принадлежат мужчинам. Для сравнения: в 1871 году в Англии вообще отсутствовали практикующие женщины-врачи, в 1881 году их было 25, в 1891 году — 101²⁸⁷.

Перепись 1897 года показала также громадное число тех, кто поименован как «занимающиеся врачеванием без права на врачебную деятельность (знахари, повитухи, коновалы и т. п.)». В некоторых районах — даже по официальной статистике — они приближаются по численности к практикующим врачам (Симбирская губ. — 42 мужчины / 59 женщин; Владимирская губ. — 45 мужчин / 64 женщины; Калужская губ. — 50 мужчин / 74 женщины; Московская губ. — 70 мужчин / 192 женщины). И это при том, что люди, занимающиеся «врачеванием без права», разумеется, не стремились афишировать свои занятия; реальное число «знахарей» было намного больше. Причины ясны — бедность крестьянского населения, инертность мышления, которая заставляла доверять давно испытанному, а главное — ничтожное количество профессиональных врачей.

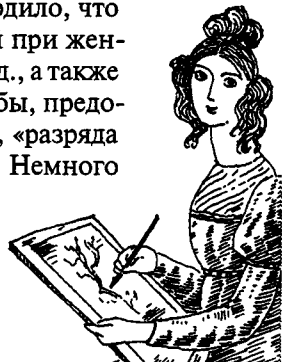
Острая нехватка специалистов в области медицины естественным образом приводила к увеличению востребованности женщин — в частности, в фармакопее. О первых двухгодичных курсах аптекарских учениц, устроенных главным врачом при Александровской больнице Санкт-Петербурга, рассказывает корреспондент журнала «Образование». В статье подчеркивается, что на это главврача подвигла «неудовлетворительность» мужского персонала. Часть преподавателей читали свой курс безвозмездно, для вознаграждения других хватило 600 рублей; таким образом, курсы не требовали чрезмерных затрат. Что же до желающих учиться, то их было во много раз больше, чем вакансий. Выпускницы сдавали экзамен на звание аптекарской ученицы, который включал среди прочего и знание латинского языка. Корреспондент отмечает, что первые девять учениц, сдавшие экзамены, работают в аптеке больницы, «в которой ежедневно изготавливается около 600 рецептов», и делает вывод, что с появлением женщин-аптекарей «содержание аптек и приготовление лекарств будут дешевле и лучше»²⁸⁸.

В 1908 году всего в Российской империи насчитывалось 24 264 врача, из них женщин было 1434 — менее 6 процентов²⁸⁹.

С одной стороны, врачей в стране катастрофически не хватало, но, с другой, поскольку средств на развитие медицины выделялось недостаточно, найти место врача было непросто. Желающие получить нишенское содержание штатного ординатора должны были дожидаться этого по пять, а то и десять лет... Об этом пишет в своих «Записках врача», которыми зачитывалась вся молодежь, В. В. Вересаев: «Я стал искать себе места хотя бы за самое ничтожное вознаграждение... средств у меня не было никаких. Я исходил все больницы, был у всех главных врачей. Они выслушивали меня с холодно-любезным, скучающим видом и отвечали, что мест нет и что вообще я напрасно думаю, будто можно где-нибудь попасть в больницу сразу на платное место. Вскоре я и сам убедился, как наивны были такие мечты. В каждой больнице работают даром десятки врачей... Я махнул рукою на надежду пристроиться и определился в больницу «сверхштатным». А ведь это пишет мужчина, выпускник университета, который был, конечно же, более привлекательной кандидатурой на должность врача, чем женщина.

Кстати, как и в случае с учительницами и преподавательницами в институтах Ведомства учреждений императрицы Марии, в адресных книгах и адрес-календарях российских городов или губерний конца XIX — начала XX века нередко имена женщин-медиков сопровождалось патриархальными добавлениями, обозначающими их принадлежность к сословию и отношение к главе семьи («женщина-фельдшерница, дочь чиновника», «оспопрививательница, дочь дворянина»), в то время как у мужчин указывается чин. Эти казусы исчезают лишь в изданиях 1910-х годов.

В 1900 году женщины-врачи получили право открывать свои собственные кабинеты. Наибольших успехов достигли женщины-дантисты, которых во многих городах было около половины. В том же году Министерство народного просвещения, основываясь на высочайше утвержденном 9 марта 1898 году мнении Государственного совета, подтвердило, что женщины-врачи могут занимать должности врачей при женских институтах, гимназиях, пансионах, школах и т. д., а также пользоваться всеми правами государственной службы, предоставленной мужчинам, кроме производства в чины, «разряда по шитью на мундире и награждения орденами»²⁹⁰. Немного

позже женщинам-врачам было даровано право ношения нагрудного знака, «установленного для мужчин»²⁹¹. Казалось бы, женщины-врачи получали все больше возможностей и даже привилегии, предназначенные прежде только мужчинам. Однако, как говорится, «гладко было на бумаге...».

Автор статьи в «Женском вестнике» уже в 1911 году пишет, что, «пользуясь занятой позицией на медицинском поприще, мужчины нередко препятствуют женщинам занять желательные для них места. До сих пор женщины-врачи не назначаются главными врачами больниц. До сих пор ни одна женщина не попала в число городских санитарных врачей Петербурга, потому что в силу господствующих традиций и желания коллегии санитарных врачей на эти места назначаются только мужчины. Еще недавно в петербургской Мариинской больнице врачи единодушно решили не допускать в нее женщин-врачей в качестве ординаторов. И это после десятков лет практической работы женщин-врачей...»²⁹².

Просматривая те же адрес-календари и адресные книги, видишь, что врачи при женских учебных заведениях, особенно высокого статуса, почти все мужчины. Такова была практика жизни, хотя, как писала пресса, Министерством народного просвещения в отдельных учебных округах было предписано попечителям «отдавать предпочтение женщинам-врачам перед врачами-мужчинами при замещении должности штатных врачей в женских учебных заведениях»²⁹³. Как показывают цифры, эти «предписания» в основном пропадали втуне.

Предрассудки в отношении женщин-врачей питались из разных источников. Приведем рассказ В. Г. Короленко о некоей Скворцовой, женщине-враче земской больницы. Соседка Короленко, здоровая женщина, родила очередного ребенка. Все удивлялись легкости родов, поздравляли счастливых родителей. Врач Скворцова обратила внимание на цветущее состояние молодой матери: «Просто феноменально. Позвольте, милочка, я посмотрю вас». Через несколько дней у женщины начался жар, появились какие-то странные пятна. Муж бросился к своему другу, Короленко, и они оба побежали к Скворцовой. Но та даже не пустила их в дом, сказав: «Не могу, не могу... у меня в больнице вторую неделю умирает женщина, разлагающаяся от родильной горячки». И далее Короленко

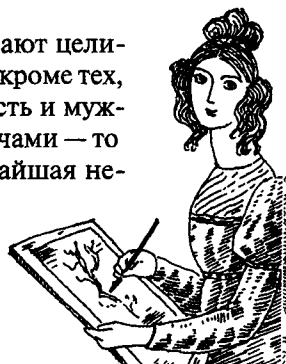
пишет: «Это действительно была смерть, которую Скворцова занесла роженице из праздного любопытства... Признаком признаком появлялись в определенные сроки, и в такой же определенный срок Клавдия Степановна умерла... Я не мог равнодушно думать о Скворцовой... Зачем ей понадобился этот ненужный осмотр? И как она могла забыть, что у нее в больнице как раз теперь такой случай и что она может занести смерть?.. Это была первая женщина-врач, которую я видел на деле, и потом мне долго не приходилось встречать другую... Передо мной неотступно находился образ прекрасной женщины, загубленной так напрасно. Такие впечатления тяжелым камнем падают в душу, и потом трудно их вытравить. После этого случая я долго считал себя противником медицинской профессии для женщин...»²⁹⁴ Чудовищная история. Но, как говорят сами врачи, у каждого из них есть свое кладбище. Подобное могло произойти и с врачом-мужчиной, но этот случай произвел особенное впечатление на писателя еще и потому, потому что врачом была женщина.

Врачей-мужчин беспокоила и конкуренция со стороны их коллег-женщин. В. В. Вересаев в «Записках врача» пишет: «Материальная обеспеченность врачей все больше ухудшается. Между тем в последнее время у нас выступает новый конкурент, — желанный и в то же время грозный, — женщина. Как везде, где она выступает конкуренткой мужчине, она за тот же труд довольствуется меньшей платой и тем самым понижает вознаграждение мужчины. Из приводимых д-ром Гребенщиковым данных видно, что средний размер жалованья служащих врачей-мужчин составляет 1161 руб., тогда как врачей-женщин — 833 руб. С увеличением числа женщин-врачей они, несомненно, будут оказывать все большее влияние на общее понижение платы за врачебный труд». Вряд ли подобное изображение могло расположить врачей-мужчин к женщинам, тем более что работа женщин-врачей получала высокие похвалы за их добросовестность, энтузиазм и готовность учиться.

В начале 1910-х годов женщины повсюду занимают целиком прежде всего низшие медицинские должности (кроме тех, где необходима грубая сила — среди фельдшеров есть и мужчины, и женщины), а если становятся главными врачами — то в захудалых медицинских пунктах. Однако жесточайшая не-

**Студентки Женского медицинского института
в Петербурге в аудитории перед началом занятий.
Фото. Нач. XX в.**

обходимость в квалифицированных медиках в годы Первой мировой войны расставила все по местам. Положение женщин-врачей упрочилось. Корреспондентка сообщает, к примеру, о хирурге Е. Н. Бакуниной, которая проводила четыре-шесть операций в день, спасая жизни раненых²⁹⁵. В это время фигура женщины-врача уже никого удивить не могла.

Женщина на службе

«Чиновником женщина не может быть», — была уверена в 1850-х годах Мария Николаевна Вернадская, всей душой, впрочем, ратовавшая за женский труд. Лишний раз видим, как сильна инерция мышления: даже она, смелая интеллектуалка, уверенная, что «женщина может исполнить так же хорошо, как и мужчина, всякое дело, где требуется ум, а не физическая сила», держалась общественных предрассудков. Но прошло совсем немного времени — менее двух десятков лет, и реальность опровергла это мнение.

Правительство откликнулось на увеличивавшуюся социальную активность женщин, с одной стороны, и нужды экономики — с другой, приняв постановление от 14 января 1871 года, в котором перечислялись виды деятельности, где «женщины могут приносить пользу обществу и обеспечить себя в жизни»: «1) всеми мерами содействовать распространению и преуспеянию правильно устроенных отдельно для женщин курсов акушерских наук и привлечению на оные как можно более слушательниц для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщин приискивать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли; 2) ввиду пользы, приносимой госпитальной деятельностью сестер милосердия, разрешать женщинам занятия фельдшерские и по оспопрививанию, а также аптекарские в женских лечебных заведениях; 3) поощрять женщин на поприще воспитательном, где они уже занимают должности учительниц в начальных школах и низших классах женских гимназий... 4) допускать женщин: а) по телеграфному ведомству к занятию мест сигнальщиков и телеграфистов и б) по счетной части и в женских заведениях Ведомства Четвертого отделе-

ния Его Имп. Величества Канцелярии по непосредственному смотрению Его Высочества Главноуправляющего сим отделением»²⁹⁶.

Одновременно предписывалось, что «на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению начальства и по выборам, воспрещается прием женщин даже и по найму».

Женщины появились на государственной службе сразу, как только им позволили обстоятельства. Как утверждает редактор «Женского вестника», уже в 1860 году приступили к работе женщины на телеграфе. С 1864 года женщин стали принимать на службу в Министерство юстиции, а с 1869 года — в Министерство путей сообщения и государственного контроля. В 1870-х годах женщины стали служить на таможне, в статистических комитетах, учреждениях Министерства внутренних дел и Министерства земледелия, в 1880-е и 1890-е — в Министерствах финансов, морском, императорского двора, торговли и промышленности, в канцелярии Сената и Государственного совета²⁹⁷.

Обильный материал о работающих женщинах предоставляют дореволюционные журналы, особенно женские, для которых эта тема вообще была одной из центральных. Специальные статьи, хроникальные заметки не просто рассказывают о каждодневной борьбе женщин за право на труд и свое достоинство, но и позволяют очень отчетливо ощутить те чувства, которые они испытывали. Это очень живой источник, хотя он не относится к «личным документам», дневникам и воспоминаниям. Прежде, в 1860–1870-х годах, журнальные статьи не отличались информативностью, были многословны, содержали длительные рассуждения со ссылками на западный опыт и исторические экскурсы. Но в 1880-х годах их характер меняется — в них все больше рассказов из жизни, конкретных эпизодов, фактов и цифр.

Наверное, лучшее доказательство того, что власти признали уместность женской службы, — это введение в июне 1899 года нового положения в устав уголовного и гражданского судопроизводства: отныне закон предписывал предавать суду лиц женского пола за преступления и проступки по службе, а также о рассмотрении исков о вознаграждении за вред и убытки.

Сам процесс появления женщин на прежде мужских местах шел обвалью быстро, хотя и с большими препятствиями. Мужчины в большинстве своем упорно сопротивлялись, но настойчивость женщин была сильнее. В 1897 году, согласно данным всероссийской переписи, даже в такой сфере деятельности, как фотография — требующей специальных знаний и потому считавшейся вотчиной мужчин, — на 515 петербургских фотографов приходилось 43 женщины, для которых эта профессия была основным средством заработка.

Хотя, разумеется, охотнее всего женщинам предоставлялись места, где жалованье было поменьше, а работы — побольше: «Характерным явлением надо признать то, что мужские места всего легче обращаются в женские не тогда, когда они сподручны женщинам, а когда заработок ничтожен по отношению к затрачиваемому труду, к требуемым знаниям. Учительницы народных школ и младших классов женских среднеучебных заведений, телеграфистки, телефонистки, машинистки на Ремингтоне, — все эти профессии имеют женские окончания...»²⁹⁸ — писала корреспондентка женского журнала.

Красноречивы сравнительные данные по заработной плате служащих: в тринадцати «наиболее крупных городах» мужчины в среднем получали 1500 рублей в год, а женщины — 288 рублей, в городах поменьше — соответственно 1494 и 161 рублей²⁹⁹.

Телеграф и почта

Женщины, как уже говорилось, были допущены к работе в телеграфных учреждениях в 1860-х годах. Но их работа была оговорена особым условием — они могли выходить замуж только за телеграфных чиновников «с целью сохранения телеграфной тайны». Это дискриминационное правило было отменено только в 1905 году.

17 мая 1904 года были утверждены Правила о приеме женщин в почтовые, телеграфные и телефонные учреждения. На службу брали женщин, достигших 18 лет, при предъявлении свидетельства о прохождении учебного курса не менее четырех классов женской гимназии, епархиального училища или

другого соответственного им женского учебного заведения. Если свидетельства не было, проводились экзамены. Женщины зачислялись на службу по вольному найму и получали жалованье чиновников 6-го разряда. Вольнослужащие не могли выслужить пенсию, получать повышения по службе, а жалованье им выплачивалось по низшей ставке.

Лишь спустя три года службы сотрудница имела шанс получить 5-й или 4-й разряд и быть зачисленной на государственную службу со всеми соответствующими привилегиями: оклад, квартирное довольствие, право на пенсию.

Немалые преимущества давало знание иностранных языков: служащая, владеющая французским и немецким, могла быть принята сразу на государственную службу чиновником 5-го разряда, затем получать повышение. А получив 5-й разряд, женщина получала хотя бы в теории право стать начальником почтового отделения. Это была настоящая революция в «женском вопросе»: в Германии, например, в те годы женщинам позволялось работать лишь телефонистками.

В 1907 году, согласно отчету Почтово-телеграфного ведомства, в его учреждениях работал 55 941 человек, причем большую часть — 44 300 — составляли женщины. Прирост числа работающих женщин стал особенно очевидным с 1906 года: их стало больше на треть. При этом у начальников-мужчин постоянно возникало чувство дискомфорта, ощущение нарушения привычного и удобного хода вещей. Поэтому, как это всегда бывает в России, принятый довольно либеральный закон постоянно «подправляли» циркулярами, разъяснениями, временными правилами и т. п., которые сужали права женщин и усложняли их жизнь.

Так, 9 января 1909 года вышла инструкция «О службе женщин по почтово-телеграфному ведомству», согласно которой на службу следовало принимать «только девиц и вдов в возрасте от 18 до 30 лет». Для соискательниц старше тридцати требовалось особое разрешение начальника главного управления почт и телеграфов. А из замужних дам работать телеграфистками опять-таки могли лишь те, чей муж служил в том же учреждении, а выходить замуж предписывалось только за своих коллег.

Все это заставляло людей искать обходные пути. Например, г-жа Черных, почтово-телеграфная служащая, подала

прошение о разводе в киевскую Духовную консисторию, поскольку ее муж подал в отставку и начальство, в соответствии с инструкцией, предложило ей уволиться вслед за ним. В прошении о разводе женщина писала, что «если она лишится места, то ей нечем будет жить»³⁰⁰.

Еще одно ограничение касалось дресс-кода: женщины-служащие должны быть одеты в закрытые скромные платья темных цветов и по возможности однообразных фасонов. Такова была рекомендация, но понятно, что, опасаясь увольнения, женщины следовали рекомендации, как строжайшему закону.

Зато в том же 1909 году женщины получили право претендовать на должности начальниц почтовых и телеграфных отделений и быть повышенными по службе до 1-го разряда включительно. К 1915 году они составляли почти 60 процентов служащих на московском телеграфе (700 из 1250)³⁰¹. В сельской местности соотношение в пользу женщин было еще больше.

Железная дорога

Востребован был труд женщин и в конторах российских железных дорог. К 1905 году статистика сообщала, что на 25 казенных железных дорогах «число женщин-служащих простирается до 22 000 чел., причем они занимают самые разнообразные должности. Наибольшее поощрение женского труда замечается на Балтийской и Псково-Рижской железных дорогах, на которых число женщин простирается до 15% от общего числа служащих», «всего менее женщин служит на Николаевской железной дороге»³⁰² (то есть на правительственной трассе). Число женщин, работавших на железной дороге, неуклонно возрастало, и это стало беспокоить начальство.

Министр путей сообщения Рухлов подписал циркуляр, разъясняющий, что принимать на службу в железнодорожное ведомство более 35 процентов женщин от общего числа служащих не следует. Результат такого подхода не замедлил себя ждать: в 1909 году на Ташкентской железной дороге просто уволили всех женщин, кроме билетных кассирш и телефонисток, — только за их принадлежность к женскому по-

лу. Легко представить себе, что за этим сообщением стоит не одна человеческая судьба — женщина внезапно теряет заработок, а ведь нужно платить за квартиру, питаться самой, а часто содержать ребенка, родителей, младших братьев и сестер...

Одинокая женщина, зарабатывающая себе на жизнь, а часто не только себе, — весьма популярная героиня в журнальной беллетристике начала XX века. Вот, скажем, рассказ, опубликованный в журнале «Новь». Ольга Георгиевна Высоцкая три года назад окончила гимназию где-то в Малороссии и «благодаря какому-то четвероюродному дядюшке» получила «место на сорок пять рублей» в правлении Энской дороги в Петербурге. Подобное жалованье гарантировало лишь «скудную, монотонную, серенькую жизнь в грязных, дешевых мебелирашках, обеды из греческой кухмистерской, вечную тревогу за платья и кофточки». Но вот однажды в конторе появился властный красавец-мужчина, управляющий Энской дороги, и сразу же обратил внимание на прелестную юную девушку. Читатель ждет, очевидно, драматической развязки — сюжет, казалось, строился на противопоставлении серой, нищей жизни, которую приходилось вести бывшей гимназистке, явно ожидавшей другого от столицы, и того, что мог дать ей блестящий бонвиван. Однако автор уводит сюжет в комическую колею: увлеченный видимостью легкой добычи управляющий с букетом почти что против воли барышни появляется на пороге ее убогих мебелирашек — и, уstraшенный увиденным, позорно ретируется... А назавтра он с досадой публично указывает Ольге Георгиевне на ее ошибки, а та в душе смеется над ним и его замашками ловеласа. Работающая молодая девушка оказывается на высоте положения, даже находясь в непростых условиях. И читатель должен поверить, что ей многого удастся добиться от жизни³⁰³...

В 1914 году Министерство путей сообщения «нашло возможным принимать женщин-инженеров на службу на казенные дороги при условии, чтобы им не давали ответственных должностей и включали их в общую процентную норму для служащих женщин»³⁰⁴.

Подготовка к профессиональной деятельности

Девушки, получившие гимназическое образование, в 1860-е годы брались за самые разные занятия, часто не обладая никакой специальной подготовкой. Так, множество профессий перепробовала героиня повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Переводчица» «шестидесятница» Ирина. Она сама зарабатывала себе на жизнь: «Ирочка одолела три новых языка и жила переводами, — не отказываясь ни от какой работы: была корректором, ретушером, служила в книжном магазине, открывала какую-то мастерскую, словом, всего было испробовано...».

В конце XIX — начале XX века в крупных городах, прежде всего в столицах, появляются, как грибы после дождя, многочисленные частные профессиональные курсы. Периодические издания пестрят рекламой всевозможных «курсов коммерческих знаний, бухгалтерии и счетоводства», «практических курсов бухгалтерии и коммерческих исчислений», «разрешенных начальством бухгалтерских и счетоводных подготовлений на места», где учили на каллиграфов, счетоводов, бухгалтеров, конторщиков, кассиров, машинисток. Организаторы всех курсов подчеркивали, что распахивают свои двери для «лиц обоего пола» — спрос порождал предложение. Эти курсы были, как правило, краткосрочными, и подготовка, даваемая ими, не отличалась глубиной, но тем не менее они позволяли адаптироваться в современном мире.

Например, при Министерстве торговли и промышленности действовали Архитектурные курсы Богаевой и Высшие коммерческие курсы Побединского. Тот же Побединский основал в 1897 году в Петербурге Высшие коммерческие счетоводные и железнодорожные курсы, которые имели три отделения. Одно из них давало «законченное коммерческое и экономико-юридическое образование» и было рассчитано на два года, а желавшие получить более глубокую подготовку учились еще один дополнительный год.

В Москве центром профессиональной подготовки стал городской народный университет, созданный на средства генерала А. Л. Шанявского и получивший его имя. При нем

в 1913 году были открыты трехнедельные курсы по библиотечному делу стоимостью в три рубля, двухнедельные вечерние курсы «по холодильному делу», обучение на которых стоило 20 рублей, — и те, и другие для обоих полов³⁰⁵.

Земские и губернские учреждения

Женщины составляли значительный процент служащих губернских и земских учреждений. В губернских управах земств они занимались делопроизводством и бухгалтерским учетом, чертили, корректировали тексты, работали машинистками (или, как еще говорили, «ремингтонистками»), писцами, счетчиками, регистраторами. Но до полного равенства им было еще далеко.

Типичная история описана в очерке «Неотложный вопрос». «Во время русско-японской войны калужская губернская земская управа вошла к губернатору с представлением о допущении на службу в канцелярию управы женщин. В представлении указывалось, что во время мобилизации выбыли из канцелярии многие служащие» и заменить их лицами мужского пола не представляется возможным. Он разрешил, но при условии, «чтобы приглашаемые на службу были ему хорошо известны». Губернатору подали список, и хотя среди имен не нашлось ни одного, знакомого ему, он все же его подписал, допустив всех кандидаток к службе на одинаковых правах с мужчинами. После этого управа неоднократно делала подобные представления, и каждый раз все сходило гладко. Но вот однажды, получив очередной список, губернатор отказался его подписать, неожиданно заявив, «что в законе нет указаний на то, что в канцеляриях правительственных и общественных учреждений могут служить женщины, а потому он отказывается дать согласие на допущение к службе поименованных лиц». Это заявление губернатора, которым он сам себе противоречил, вызвало немалые затруднения в управе, потому что в губернии как раз вводился новый страховой закон, предстояла громадная работа и требовалось значительное увеличение штата. Управа вступила в переписку с губернатором, и в конце концов он все же согласился, но с условием, что новенькие не зачисляются в штат, а принимаются как поденные

служащие. Эта оговорка вносила большое неравенство в служебные права³⁰⁶.

Правда, есть примеры и противоположного свойства. Тамбовский губернатор, напротив, допускал наем женщин и в земство, и в суд, и даже в губернское правление. А оренбургский губернатор заслужил даже со стороны редакции женского журнала почетное звание «защитника женского труда». Как сообщала корреспондентка, «оренбургский губернатор... находит возможным допустить женщин на службу во все без исключения подчиненные ему губернские и уездные учреждения», правда, ограничив «на первое время число лиц женского пола для каждого учреждения... нормой не выше 25% общего числа». При этом оренбургский губернатор полагал, что служащим женщинам следует предоставлять право на пенсию на общем основании³⁰⁷.

Различные ограничения приводили к тому, что женщины не только постоянно ощущали свою «второразрядность», но и все время находились под дамокловым мечом угрозы увольнения; они полностью зависели от «мнения» начальника вне зависимости от качества своей работы. И не случайно о необходимости выработки закона, «нормирующего служебное положение женщины», постоянно писали журналы. С другой стороны, такой закон нужен был и начальникам, для которых сама женская природа создавала проблемы, не предусмотренные никакими циркулярами. «Недавно служащая в главной конторе телеграфов г-жа Р., чувствуя приближение родов, около недели не являлась на службу. Начальник главной телеграфной конторы сообщил г-же Р., что надо либо служить, либо детей рожать. Получая вместе с мужем по 45 рублей в месяц, г-жа Р., не решаясь рисковать местом, явилась на службу, где у нее начались родовые схватки, и ее на руках унесли»³⁰⁸. Так что порой формальное равенство оборачивалось настоящей драмой для женщины. Тут, правда, следует заметить, что по удостоверению врача женщины имели право на отпуск, вызванный рождением ребенка, но не больше одного месяца³⁰⁹.

Как бы то ни было, работающих женщин становилось все больше. Наконец их стало так много, что без них бесперебойная деятельность государственных учреждений была бы парализована. В 1910 году журналистка писала: «В канцеляриях женщина настолько успешно конкурирует с мужчиной, что

**Сотрудник газеты «Биржевые ведомости»
диктует статью машинистке.
Фото. Нач. XX в.**

уже сейчас во многих учреждениях наблюдается численный перевес женщин. Такое явление объясняется главным образом превосходством их образовательного ценза. В то время как на жалование в 30—40 рублей найдется работник-мужчина с образовательным цензом не выше городского училища, на это же место явится десяток девушек, окончивших полный курс гимназии и института». Ссылаясь на собственный опыт, автор статьи далее заявляет, что «даже на оклад жалования в 25 рублей в месяц является такая масса желающих поступить, что приходилось прекращать прием прошений». Женщины были конкурентоспособны прежде всего благодаря своему образованию. Например, данные по Саратовской губернии в 1893 году показывают, что среди 3738 служащих всего лишь 421 получил высшее образование, так что окончившие средние учебные заведения девушки — выпускницы институтов, епархиальных училищ, гимназий — выглядели на этом фоне весьма достойно³¹⁰.

В ряде учреждений для женщин вводилась процентная норма. Так, управление государственных имуществ Пермской губернии в 1900 году получило право принимать на службу лиц женского пола (желательно дочерей чиновников и вдов, оставшихся без пенсии), но с одним ограничением: их число не должно было превышать треть общего числа служащих.

«В последнее время ни в одном из правительственных учреждений так охотно не принимали на службу женщин, как в Государственном контроле; особенно много женщин служит в железнодорожных контролях», — сообщила пресса в 1900 году. Однако в ведомстве Государственного контроля существовали правила, согласно которым число женщин ограничивалось 20 процентами, а их месячное жалование не должно было превышать 50 рублей. А поскольку к моменту публикации статьи женщин в ведомстве стало гораздо больше одной пятой, то их прием на работу уже был прекращен³¹¹.

Юриспруденция

20, 25, 30 процентов — количество служащих-женщин постепенно росло в самых разных отраслях. Однако руководящие должности они, как правило, не занимали. На страни-

цах «Женского дела» мы нашли показательный пример из юриспруденции — области, наиболее ярко демонстрирующей властные, а значит, именно мужские функции.

Дочь крупного сибирского чиновника Елизавета Федосьевна Козьмина в 1864 году окончила с золотой медалью вятскую гимназию. После этого она некоторое время преподавала в этой же гимназии русский язык, а затем отправилась в Казань, дабы поступить на медицинский факультет. Но спустя два года медицинские курсы были закрыты, и она устроилась секретарем прокурора Казани А. Ф. Кони. Очень скоро великий юрист убедился в способностях Козьминой и рекомендовал ее письмоводителем к мировому судье (жена которого, кстати, тоже работала — была врачом). Пять месяцев Елизавета Федосьевна вполне успешно работала, но затем вмешалось некое начальство, и ее стол в суде... скрыли за ширмой, где она продолжала писать протоколы судебных заседаний, составляла резолюции и даже решения «в окончательной форме».

Несколько слов в сторону:
управление из-за ширмы

Ширма, за которую спрятали Елизавету Федосьевну Козьмину, весьма характерна. С древности на визуальное присутствие женщины, фактически осуществлявшей управление, накладывалось табу. В Китае в случае смерти императора регентом при маленьком наследнике часто становилась его мать. Но, будучи женщиной, она не могла принимать участия в совете непосредственно, и ее прятали за ширмой. В Древнем Египте Хатшепсут, осуществляя функции фараона, привязывала себе бороду и имитацию фаллоса. Властные функции традиционно принадлежали мужчине, и женщина, выполнявшая их, должна была принять, хотя бы на время, «мужской» облик.

...Поверив в свои силы, Елизавета Федосьевна решила завести самостоятельную практику; среди ее первых клиентов были мелкие купцы, рабочие, крестьяне. Так она проработала около года, пока министр юстиции не обнародовал новые правила: для занятия адвокатурой все, кроме присяжных поверенных, должны были сдавать экзамены и специальные свидетельства. Елизавета Федосьевна легко справилась с эк-

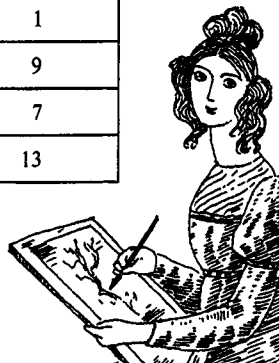
заменом — и получила звание частного поверенного. Как полноправный юрист она провела несколько крупных процессов в Нижнем Новгороде; в числе ее триумфов — выигрыш дела у самого Плевако.

Но, видимо, Елизавета Федосьевна слишком «засветилась», и министру юстиции было доложено, что «свидетельство было выдано не человеку, а женщине. Министр немедленно разослал циркуляры в суды и палаты, чтобы впредь женщинам не выдавались свидетельства на право ведения гражданских дел», а госпожу Козьмину обязали свидетельство возвратить. Но как раз в это время рассматривалось ее прошение о выдаче свидетельства для работы в Москве, и было вынесено решение в ее пользу — руководствуясь соображением, что «по нашим законам женщина не лишается права быть частным поверенным». Но министр добился высочайшего повеления (7 января 1876 года), согласно которому женщины были лишены права получать свидетельство на звание частного поверенного. Таким образом, Елизавета Федосьевна имела честь послужить причиной подписания императорского указа³¹².

Сопrotивление в продвижении женщин по юридической части было очень велико, ведь деятельность поверенного — сугубо публичная, да еще предполагает знакомство с криминальной стороной жизни, воспринимаемой как совсем не женское дело. Но на незначительные должности женщины допускались и в судебное ведомство.

Данные всероссийской переписи 1897 года о «служащих в канцелярии административного и судебного ведомств» таковы³¹³:

	Мужчины	Женщины
Санкт-Петербург	5037	946
Смоленск	283	6
Орел	908	1
Рязань	179	9
Симбирск	256	7
Калуга	158	13

Петербург, как видим, демонстрирует гораздо большую терпимость к женскому присутствию в административных и судебных учреждениях. Общее же число чиновников, по подсчетам Н. А. Рубакина, к концу XIX века составляло 435 818 человек, из них было 38 082 женщины³¹⁴ (в том числе самый многочисленный класс работающих женщин — педагоги).

В 1911 году фракция конституционалистов-демократов внесла в Государственную думу законопроект о праве женщин быть присяжными поверенными. К этому времени около сотни женщин получили юридическое образование, треть из них выдержала государственные экзамены³¹⁵. В Российской лиге равноправия женщин юристки сформировали свой собственный союз с отделениями в Петербурге и Москве (в московскую организацию вошло более 60 человек)³¹⁶.

О сопротивлении власти и общества

Постоянно тут и там мужчины-начальники вдруг спохватывались, что вокруг слишком много работающих женщин, и делали попытки противостоять «женскому наступлению». Как заметила журналистка «Женского дела», «каприз губернатора» решает участь работающей женщины, и «зачастую дверь управы то закрывается для нее, то опять открывается». Министерство внутренних дел вдруг начинало рассылать анкеты, чтобы выяснить, насколько возможно применение женского труда и не вредит ли присутствие женщин в учреждениях делу. Способны ли женщины, к примеру, хранить служебную тайну? Именно этим соображением, как мы помним, объяснялось неперемное условие, чтобы сотрудницы телеграфного ведомства непременно выходили «за своих» — тогда, дескать, присущая женщинам болтливость не повредит делу.

Генерал Трепов, начальник Юго-Западного края, обратил внимание, что в губернских и уездных учреждениях «слишком большой процент женщин-служащих», и потребовал объяснений. Подольский губернатор в ответ оправдывался: женщины-служащие — точные и исполнительные работницы, «работа их по своей продуктивности стоит значительно выше мужской, и вообще они заслуживают всякой похвалы», а уволить сразу всех женщин — это значит лишиться 60 процентов

сотрудников, что для работы учреждений окажется крайне неудобным. Трепов вынужден был отступить: он распорядился оставить все как есть, но «впредь строго придерживаться правила: не принимать на службу женщин и все свободные вакансии замещать мужчинами»³¹⁷.

Не только власти, но и коллеги порой проявляли по отношению к работавшим женщинам откровенную неприязнь. В январе 1905 года в Москве открылось Собрание служащих в кредитных учреждениях, которое занималось организацией помощи работникам в затруднительных обстоятельствах, улучшением быта служащих и их семей. Членство в обществе было внесловным и без ограничений по национальном признаку, однако было решено, что «женщины не могут быть членами и постоянными посетителями собрания. Таким образом московские служащие в кредитных учреждениях подвергли остракизму своих товарищей-женщин». Корреспондент, сообщивший об этом, пишет, что женщинам после этого ничего не остается, как создать свой отдельный союз³¹⁸. Брянское железнодорожное собрание, объявив о своем учреждении, провозгласило, что членами собрания не могут быть низшие служащие, учащиеся, нижние воинские чины, лица, не достигшие совершеннолетия, и — лица женского пола³¹⁹.

Несмотря на то что женщины уже многие годы работали в самых разнообразных отраслях, постоянно поднимался вопрос об их пригодности к умственной работе. В редакционной заметке женского журнала обсуждается статья П. Мижуева «Женский вопрос и женское движение». Редактор, которого «заинтересовали попытки» Мижуева «доказать превосходство мужского пола над женским», разбирает уже много раз приводившиеся доводы на этот счет («разница в весе мозга» мужчин и женщин) и иронизирует над снисходительным признанием «существования отдельных одаренных, даже гениальных женщин»³²⁰.

Сельское хозяйство

Куда меньшее сопротивление общества вызывали женщины, работавшие в коммерции и сельском хозяйстве. В этих сферах, далеко не столь привлекательных для юных девушек, мечта-

Телефонистки Петербургской телефонной станции за работой.
Фото. Нач. XX в.

ющих о более ярких профессиях, чем агроном или бухгалтер, женская экспансия шла без особой борьбы и повышенного общественного внимания.

К 1 июня 1905 года в стране насчитывалось 35 женских коммерческих учебных заведений, из них коммерческих училищ 14, торговых школ 10, классов — 1, коммерческих и бухгалтерских курсов — 10.

В крупных городах, особенно в столицах, в большом числе открывались специализированные краткосрочные частные курсы. Они были рассчитаны и на мужчин, и на женщин. В журналах, адресных книгах городов публиковалась реклама, обращенная к самой широкой аудитории: «Курсы коммерческих знаний, бухгалтерии и счетоводства кандидата коммерческих наук И. А. Шмит. Принимают лиц обоего пола. Существуют 15 лет»; «Разрешенные начальством Бухгалтерские и счетоводные приготовления на места П. В. Москвина. Каллиграфы, эксперты по счетоводству, на пишущих машинках, конторщики, кассиры»; «Практические курсы бухгалтерии и коммерческих исчислений учителя А. И. Анисимова в Москве»; «Счетоводные курсы Ф. Г. Мюльберга. Подготовка лиц обоего пола к бухгалтерской деятельности»... Среди специалистов, которых готовили эти учебные заведения, значительное число составляли женщины.

Агрономическое образование женщин получило значительное развитие благодаря главным образом деятельности Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию (возникло в 1899 году). При императорском Сельскохозяйственном музее этим Обществом по инициативе профессора И. А. Стебута и при содействии Министерства земледелия и государственных имуществ были основаны двухлетние Женские сельскохозяйственные курсы, куда принимались девушки, имеющие среднее образование. Окончившие курсы могли занимать места земских агрономов.

Русская деревня испытывала громадную нужду в людях, знающих сельское хозяйство. Поэтому Министерство земледелия и государственных имуществ открывало каждое лето при разных своих отделениях сельскохозяйственные курсы для учителей, организовывало каникулярные курсы для народных учителей по садоводству, огородничеству и т. п., устраивало практические занятия, беседы и экскурсии.

Существовали и частные учебные заведения, которые давали знания и мужчинам, и женщинам. Причем особое внимание уделялось тем отраслям, которые считались по преимуществу «женскими»: молочному хозяйству, птицеводству, огородничеству, садоводству. В 1871 году в селе Единово Тверской области местный помещик Н. В. Верещагин открыл первую в России школу по молочному делу, где обучали скотоводству, масло- и сыроделию. Основатель школы не брал денег за обучение, но существовать ученики должны были на собственный счет. От казны были выхлопотаны 20 стипендий, которые распределяло руководство школы. За тридцать лет школу Верещагина окончили более 360 учениц; сообщалось, что более ста выпускниц — «мастерицы и маслоделки в частных и казенных имениях и в фермах или же ведут собственное молочное хозяйство». В 1889 году была создана Понемуньская женская школа домоводства и сельского хозяйства в имении баронессы А. И. Будберг, где преподавали практические сведения по домоводству и сельскому хозяйству. Государство помогало этой школе субсидиями; курс здесь окончили 103 женщины, 83 из которых получили места по специальности³²¹.

Кроме того, с 1888 по 1896 год в разных местах страны было устроено более 200 сельскохозяйственных курсов, через которые прошли 6217 слушателей (из них более 500 женщин)³²². Эти цифры, конечно, неполны, так как сведения обо всех курсах не сохранились³²³.

В самом конце XIX века возникло Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию во главе с И. А. Стебутом, которое начиная с 1900 года ежегодно организовывало в Подмоскowie краткосрочные курсы для женщин, уже имевших среднее образование. Так, летом 1902 и 1903 годов занятия были организованы при Мариинском земледельческом училище, а курсистки получили возможность работать в Ботаническом саду. Особую популярность эти курсы приобрели среди сельских учительниц, для которых они имели непосредственную практическую ценность³²⁴.

Четвертого мая в Петровско-Разумовском, при Петровской сельскохозяйственной академии, которую современники называли «наиболее демократическим высшим учебным заведением»³²⁵, открылись Женские сельскохозяйственные

курсы. Средства на них выделили Министерство земледелия и все то же Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию. Практический характер обучения подчеркивался тем, что предпочтение при приеме отдавалось владелицам земельных участков. Приняты было 49 женщин, имеющих среднее образование; их возраст колебался в диапазоне от 17 до 54 лет — на курсы поступило немало зрелых женщин, твердо знавших, зачем они сюда пришли. 36 курсисток разместили в общежитии, где за 25 рублей им предоставлялось полное содержание (отзывы слушательниц были самыми благоприятными: «общежитие носит характер совершенно семейный...»). Курсистки обладали правом льготного проезда — ведь из Москвы до Петровско-Разумовского путь в то время был не ближний. Практические занятия проходили в поле, лесу и саду Сельскохозяйственного института, на Бутырском хуторе земледельческой школы. Преподавались лесоводство, садоводство, шелководство, метеорология, ботаника, органическая и неорганическая химия, физиология растений и животных, «скотоводческое искусство», «естественная история пчелы» и — впервые в России — курс сельскохозяйственной администрации³²⁶.

26 мая 1904 года было утверждено Положение о сельскохозяйственном образовании, которым предусматривалась возможность создания женских училищ разных разрядов. В том же году были созданы знаменитые Стебутовские Высшие женские курсы. К 1 сентября 1905 года в стране уже насчитывалось 20 женских сельскохозяйственных учебных заведений. Их выпускницам было разрешено держать экзамены на звание агронома наравне со студентами сельскохозяйственных институтов³²⁷. Женщин, желающих получить сельскохозяйственное образование разного профиля, было множество.

Швейное искусство

Швейному мастерству обучали во множестве женских учебных заведений, в том числе в специальных классах при средних общеобразовательных школах и на портновских курсах разного рода. Отдельный интерес представляют приюты и Дома трудолюбия, где всем поступившим туда девушкам,

независимо от их склонностей и способностей, прививались навыки в портновском, вышивальном и т. п. искусствах, дабы по выпуску в свет они могли бы зарабатывать себе на жизнь.

Ремесло портнихи находилось в самом низу иерархии профессий. Русские девушки и женщины из хороших семей, стремившиеся к самостоятельности, к материальной независимости, не рассматривали подобную работу как серьезную возможность для себя. Они, по всей видимости, полагали, что кройка и шитье — занятие «патриархальной» женщины. Вся сфера портновского искусства — художник-модельер, закройщица, швея, вышивальщица, кружевница, шляпница, мастерица по аксессуарам и т. д. — долгое время была вне внимания женщин образованного сословия. Профессия швеи вообще появлялась в сфере их внимания лишь потому, что именно на основе портновских мастерских, согласно Чернышевскому, можно было организовывать артели в социалистическом духе. Но и тогда эмансипированные женщины, как правило, сами не кроили и не шили — они желали выступать исключительно в качестве организаторов.

В воспоминаниях общественной деятельницы Христианы Даниловны Алчевской³²⁸ упоминается типичный эпизод. Она пишет, что «увлеченная общим потоком... также отдала дань своему времени» — «мысль об устройстве швейной для девушек, погибающих в нищете и разврате, овладела всецело моим горячим сердцем и не давала мне покоя». Мемуаристка устроила подписку среди сочувствующих знакомых, наняла квартиру «на лучшей улице города» (события происходили в Харькове), принесла туда «свои лучшие вещи» и создавала «почти домашний уют». Но при этом Алчевская, по собственному признанию, «не знала толку ни в шитье, ни в кройке, ни в людях». Необходимость этого просто не приходила ей в голову. Ее участие «выражалось во внешних, так сказать, хлопотах по домохозяйству и в развивающем чтении... в мастерской». Неудивительно поэтому, что созданное ею «идейное учреждение» вскоре погибло.

Об общественной деятельнице Н. В. Стасовой и ее сподвижницах известно, что «их деятельность была посвящена возвышению русской женщины». Они стремились помогать «работницам-труженицам», учреждая общества дешевых

квартир, швейные мастерские и т. д. Но нередко их идеи расходились с жизненными реалиями и здравым смыслом. Так, «мастерская для детского белья и платья, состоявшая под заведыванием баронессы Таубе, приносила обществу только убыток, хотя работы было много»; «чтобы давать женщинам эту работу ... пришлось самим членам, отдавая туда платье и белье, довольствоваться плохим и безвкусным исполнением заказов... Между женщинами, живущими в общем доме, не оказалось ни одной, годной для этой цели»³²⁹. Работа в артели оказалась тяжела не только для неудачно выбранных работниц, но и для самих дам-благотворительниц: «Что это за хлопотливое дело! Надо каждую работницу записать, взять ее паспорт, а то, пожалуй, и работа пропадет», а еще надо распределить работу, рассчитать, сколько надо всяких припасов и материалов, все записать в книгу, прикинуть, сколько выйдет готовой продукции, и, кроме того, еженедельно сдавать казну. «Надо было бы приступить к этому делу, хорошо обдумавши...» — заключает автор. Дамы-благотворительницы с опозданием обнаружили, что взвалили на плечи слишком большие хлопоты.

Снисходительное, даже презрительное отношение к швейному искусству — этой очень женской и порой творческой сфере деятельности было характерно для значительной части образованного русского общества, ведь речь шла о «низменной», презираемой ими стороне человеческого бытия — внешнем облике. На внешность «новые» люди не считали нужным тратить время и средства. Чем меньше затрат, тем правильнее: волосы требуют ухода и внимания —отрежем их; нарядное платье стоит денег и требует ухода — оденемся в черное, простое, гладкое.

Для многих «новых» людей было характерно отторжение всего, что связано с уютом, насмешки над стремлением к красоте, изяществу. Мемуарист писал: «Жалкую картину являла эта молодежь во цвете лет и без всякого душевного расцвета. В них было не только непонимание, в них было озлобление против красоты. Это бывало в особенности в тех случаях, когда красота являлась достижением человеческих трудов. Перед великолепной клумбой роз одна фельдшерница с негодованием воскликнула: “Неужели вас не возмущает эта красота?” Они запрещали себе восхищаться, а себя самих они уродовали. Де-

**Примерка платья
в мастерской дамских нарядов Имп. человеколюбивого общества
в Петербурге. Фото. 1900-е**

вушки стригли себе волосы, носили синие очки и приемами своими в обхождении с людьми как будто задавались целью подавить всякое проявление женственности»³³⁰.

Но обычные, «непередовые» женщины, которые довольствовались семейным бюджетом в 30–60 рублей в месяц и при этом одевали-обували свое семейство, должны были рассчитывать на свои силы. Во второй половине XIX века появилось множество журналов, посвященных домашнему хозяйству, дававших в числе прочих практические советы по шитью и публиковавших выкройки («Моды и рукоделия», «Аврора», «Новый русский базар», «Женский труд»). В журнале «Женский вестник» наряду со статьями о борьбе женщин за равноправие появлялись рисунки и подробные описания моделей, советы портних.

Оставшаяся без средств с двумя маленькими детьми на руках купеческая вдова Маргарита Оттовна Мамонтова сумела наладить дело получше дам-благотворительниц. Она «научилась кроить, шить платья и белье». Затем «поехала с визитом ко всем знакомым дамам, где она была всегда принята как друг, просила поддержать ее заказами. Все дамы отнеслись к ней чрезвычайно сочувственно. Со временем считалось большим шиком иметь приданое, сшитое Маргаритой Оттовной... Редко можно было видеть такое всеобщее уважение, как это было по отношению к этой женщине, работавшей с невероятной энергией»³³¹.

Одним из ярчайших персонажей искусства моды была Надежда Петровна Ламанова (1861–1941), родившаяся в дворянской семье. Ее отец разорился, и после окончания гимназии Надежде Петровне пришлось заботиться о заработке, тем более что нужно было помогать трем младшим сестрам. Несомненно, Ламанова была не только высокоодаренным человеком, но и сильной личностью, поскольку смогла реализовать свой талант в суровых условиях.

Окончив школу кройки, она работала закройщицей; когда появилась возможность, открыла в 1885 году собственную мастерскую. Затем, уже будучи не новичком в профессии, она отправилась в Париж учиться. После возвращения в Москву Ламанова стала одним из самых популярных русских модельеров, поставщиком двора императрицы Александры Федоровны. В 1901 году К. С. Станиславский пригласил ее в художе-

ственный театр, и все последующие сорок лет жизни Ламанова была связана с костюмерной МХАТа.

С 1860-х по 1900-е годы в обществе произошли грандиозные перемены, которые кардинально изменили его облик. Число работающих женщин неуклонно увеличивалось. Все обширнее становился выбор доступных им специальностей.

В 1910 году в Петербурге, согласно городской переписи населения, насчитывалось среди «лиц свободных профессий и служащих» 90 478 мужчин и 28 444 женщины³³², то есть на трех мужчин приходилась одна женщина, а в целом по стране к январю 1910 года число женщин-работниц достигло 44 процента от общего числа мужчин-работников. Это цифра, комментирует автор журнальной статьи, «которой не знает никакая другая страна в мире. У нас женский труд начинает вытеснять мужской труд»³³³.

М. И. Покровская в статье «Гоголевские женские типы» с полным правом восклицает: «Какое громадное расстояние мы находим между современными женскими типами и гоголевскими!», тогда женщина «совсем исчезала в семье», теперь же «она выступает перед нами в самых разнообразных видах: фабричная работница, учительница, врач, служащая в разных учреждениях, журналистка, публицистка, общественная деятельница, революционерка, жертвующая жизнью во имя идеи, на высших курсах, в университете, и самый новый тип — поборница женского равноправия. Какое разнообразие женских типов, работающих теперь на общественном поприще!»³³⁴

В конце XIX — начале XX века работающая женщина — вполне привычный, обыденный типаж, который не вызывает ничего недоумения. Удивление и недоверие людей с патриархальными взглядами вызывают лишь те женщины, которые работают не ради куска хлеба. Вот характерный диалог из уже упоминавшейся повести Вл. И. Немировича-Данченко. Пожилой купец: «Я и говорю, какой же резон? Ну, которая девушка из нужды или так... родителей поддержать. Это понять можно, отчего не понять. И даже, в случае чего, похвально. А ежели у них дом свой и при капитале, так... и выходит, не к чему». Собеседница возражает ему: «Так в этом же худого ничего нет!» Купец стоит на своем: «Худого нет, а... лишнее.

К чему?» Сын купца комментирует слова: «Старики все так рассуждают».

Накануне Первой мировой войны права работающих женщин расширяются. Так, во всех учреждениях Государственного контроля женщинам были предоставлены равные права с мужчинами, в том числе и право на пенсию³³⁵. С началом войны положение на рынке рабочих рук в связи с массовой мобилизацией мужчин поменялось еще больше, в отдельных отраслях — кардинально. В конторах, банках и управлениях число женщин колебалось между 50 и 80 процентами. «...Война ввела женщину в область того мужского труда, о котором мы при былых условиях и мечтать не могли»³³⁶, — пишет журналистка.

Патриархальный дом

Русский дворянский усадебный обиход, высокими образцами которого мы восхищаемся, складывался на протяжении довольно короткого срока. Особенно активно помещики занялись своим собственным хозяйством после 1762 года, когда благодаря манифесту о вольности дворянства Петра III дворяне получили выбор — тянуть военную лямку или предпочесть домашнюю жизнь. Именно с этого времени резко растёт число усадеб. Повидавшие столичную, а порой и заграничную жизнь дворяне устраивали свою повседневную жизнь на новый лад.

Усадьбу небогатых помещиков второй половины XIX века описывает в своих воспоминаниях Андрей Тимофеевич Болотов. Дом своей невесты он увидел таким: «Мне представился маленький и старинный домик с тремя только покойцами, разделенными еще между собою сениями. И одна половина одного казалась вросшею от древности почти совсем в землю и была с небольшими окошечками и с кровлею, поседевшю уже от вросшего и размножившегося в ней моха... Небольшое,

высокинское и тесом покрытое крылечко вводило в сени, посреди хором находящиеся...»³³⁷ Похожий вид имело немало помещичьих домов дворян скромного достатка. Поражало Андрея Тимофеевича расположение строений: окрестные дома не располагались на возвышенностях, с которых открывался красивый вид на окрестности. Как говорит Болотов, дома не царили над округой, а будто таились, как логово зверя. Молодой помещик занялся своей усадьбой, вводя усовершенствования и в самом доме, и в его окрестностях. Пример Болотова показывает, что создание комфортной домашней среды требовало значительных усилий, направленных на воссоздание определенного образца.

Исследовательница русской культуры второй половины XVIII — начала XIX века А. В. Белова, сравнивая воспитание девушек в дворянских семьях и в Институтах благородных девиц, пишет: «В деле домашнего воспитания юных дворянок существенным кажется не только его содержание, но и способ реализации: не формализованный, в отличие от воспитания в Институтах, а обусловленный естественным культурно-бытовым укладом жизни провинциального дворянства»³³⁸. Однако зададимся вопросом: что же такое естественный культурно-бытовой уклад жизни провинциального дворянства?

«Естественное» складывается само собой, будучи обусловлено окружающими условиями, в течение длительного времени; оно обрастает ритуалами и символами, подкрепляется идеологией и само влияет на ее формирование. Естественным был культурно-бытовой уклад русского крестьянства, который вырабатывался веками под влиянием природно-климатических, экономических и исторических обстоятельств. Однако культурно-бытовой уклад русского дворянства, как мы хорошо знаем, развивался в рамках «новой» русской культуры, отчет которой начинается со времен правления Петра I. Модели поведения, этикет, язык, одежда, проведение досуга, домашний обиход и т. д. — все это заимствовалось с начала XVIII века русской элитой у Западной Европы. Легче всего воспринималось внешнее, труднее — то, что составляет основу культуры. Домашний уклад как творчество, повседневные обязательные гигиенические навыки, система воспитания дворянских отпрысков, одухотворенный и разнообразный досуг — все эти стороны дворянской жизни начинали входить

в повседневность на протяжении второй половины XVIII века и постепенно укоренялись в течение всего XIX века. И процесс этот требовал значительных усилий.

При этом старинный полукочевой уклад жизни существовал вплоть до начала XIX века. Молодые англичанки, гостившие у княгини Дашковой, богатой и «передовой» женщины, с удивлением отмечали обычаи русских, которые казались им смешными и странными: «...Каждый должен сам обеспечивать себя постельными принадлежностями, даже во дворце!.. Если бы мы ожидали получить постельное белье от хозяйки дома, на нас посмотрели бы с изумлением, как если бы я в Глэнмире послала за твоим платьем... Вообще здесь принято, чтобы каждый человек имел при себе все необходимое: кастрюли, свечи, подсвечники, приборы для чая, кофе... Любой из нас может запереть двери своего убежища, и у него будет достаточно запасов, чтобы, не покидая нашей крепости, безбедно жить в течение недели» (1805)³³⁹.

Русским девушкам непосредственная трансляция моделей поведения, передача гигиенических навыков происходила при помощи иностранок-гувернанток (особенно вошедших в моду в конце XVIII века англичанок) и, кроме того, благодаря «формализованному», очень жесткому воспитанию в Институтах благородных девиц — институтки, возвращаясь домой, привносили новые привычки в свою семью. Именно эту цель преследовали и создательница Смольного Екатерина Великая, и организатор целой системы женских учебных заведений императрица Мария Федоровна, которые стремились не только дать будущим матерям образование, но и устойчивые культурные навыки. И все же распространялись эти навыки в русском дворянском обществе очень медленно.

В мемуарах Филиппа Филипповича Вигеля, который, кажется, не оставил без внимания никаких черт современной ему жизни, мы находим замечания о гигиене. Так, характеризуя времена своего отца, он замечает: «...В его молодые годы мы в России мало знали опрятность, и в самых знатных домах сами барыни были весьма нечистоплотны. Опрятность есть одно из малого числа благодетелей, коими, по мнению моему, Западу мы обязаны»³⁴⁰. Русские путешественники, как мы знаем из воспоминаний, проявляли большой интерес к бытовой стороне жизни за рубежом, высоко ценили комфорт, к ко-

торому привыкали в чужих краях. Вигель писал в своих мемуарах о П. И. Одоевском как о «бариче, который, по достижении совершеннолетия, долго путешествовал за границей и, возвратясь оттуда, сохранил в доме своем обычаи старины, прибавив к ним устройство и опрятность, которые заимствовал он у европейских народов. Из целой Москвы едва ли не у него только была передняя, в которой можно было дышать незараженным воздухом»³⁴¹ (имеется в виду то, что в русских домах по традиции отхожее место, устроенное крайне несовершенно, чаще всего располагалось в прихожей и распространяло соответствующий запах).

В начале XIX века бытовой уклад русского дворянства, соответствовавший «новой» европейской культуре, только формировался. В поры культуры он начнет входить лишь тогда, когда в русской дворянской семье появится образованная женщина, станут получать систематическое образование дети, выработаются привычки, полученные уже в наследство от предыдущих поколений. Только тогда строгое расписание дня, осмысленный досуг, чистота дома, хорошие манеры хозяев, ухоженность сада и прочее будут восприниматься как норма, а не как высокий идеал. Именно женщине в создании этого уклада принадлежит ведущая роль. Мы видим, что часто мужчины первыми замечали и пытались воспроизвести в своем быту что-то новое, заимствованное у соседей или за границей. Но лишь благодаря женщине это новое утверждалось и становилось нормой.

Граф Лев Толстой, вращавшийся в светском обществе, бывавший в Европе, казалось, был знаком с европейским домашним обустройством и по всем своим привычкам в ту пору жизни считал себя аристократом. Но его юная жена, приехав впервые в графскую усадьбу, обнаружила, что обычай здесь заведен самый простецкий: кухарка без церемоний вылиwała помой прямо у крыльца, сам граф спал на кожаном диване на кожаной же подушке без наволочки, дворовые устраивались на ночь где попало, бросив на пол войлок вместо постели. Софья Андреевна Толстая завела определенные места для сна, купила подушки, простыни, разбила перед крыльцом прекрасный цветник и приучила кухарку к аккуратности.

Мифологизированный образ усадьбы, который описывают многие авторы, очень часто воспроизводит быт богатых куль-

турных помещиков: большой дом, отстроенный хорошим архитектором, прекрасно отделанные комнаты, богатая библиотека, разнообразные музыкальные инструменты, нарядная мебель, собрания картин и статуй, обширные владения, тщательно распланированный и ухоженный сад с прудами, мостами, беседками, ротондами и т. д. Но таких усадеб было немного. Большинство помещиков жили очень просто. Небогатые усадьбы — а их было большинство — описываются мемуаристами, например, так: «Дворяне нашей местности, по крайней мере те из них, которых я знавала, не были избалованы комфортом: вели они совсем простой образ жизни, и их домашняя обстановка не отличалась ни роскошью, ни изяществом» (речь идет о конце 1840-х — 1850-х годах)³⁴².

П. Я. Чаадаев знал, о чем говорил, когда писал следующие строки: «...Сделайте свой уют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид чувственности, заботы ваши будут иметь целью не вульгарное удовольствие, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую утонченность чувства, всякое понятие об изящном. Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с крайностями времен года, и это в стране, о которой можно не в шутку спросить себя, была ли она предназначена для жизни разумных существ... В этом безразличии к жизненным благам, которые иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное»³⁴³. Чаадаев обращался с этими словами «к даме» и, вероятно, ожидал, что именно женщины откликнутся на его призыв.

На длинном пути, который следовало пройти, чтобы в плоть и кровь культуры вошли «удобства и радости жизни», было немало преград. Можно вспомнить тяжелый русский климат, бедность, недостаток образованности, отдаленность провинциальных усадеб от центров культуры, инерцию мышления и так далее. Но факт остается фактом — даже на-

кануне реформ немалое число помещиков сохраняли прадедовский образ жизни. Мемуаристка пишет: «Не говоря уже о мелкопоместных дворянах, которых было особенно много в нашем соседстве, но и помещики, владевшие 75–100 душами мужского пола, жили в небольших деревянных домах, лишенных каких бы то ни было элементарных удобств и необходимых приспособлений. Помещичий дом чаще всего разделялся простыми перегородками на несколько комнат или, точнее сказать, клетушек, и в таких четырех-пяти комнатюрках, с прибавкою иногда флигеля в одну-две комнаты, ютилась громаднейшая семья, в которой не только было шесть-семь человек детей, но помещались нянюшки, кормилица, горничные, приживалки, гувернантка и разного рода родственницы: незамужние сестры хозяина или хозяйки, тетушки, оставшиеся без куска хлеба вследствие разорения их мужьями. Приедешь, бывало, в гости, как начнут выползать домочадцы — просто диву даешься, как и где могут все они помещаться в крошечных комнатках маленького дома... В то время среди помещиков совершенно отсутствовали какие бы то ни было понятия о гигиене и физическом уходе за детьми. Форточек, даже в зажиточных помещичьих домах, не существовало, и спертый воздух комнат зимой очищался только топкой печей»³⁴⁴. Бытовые условия жизни «малодушных» помещиков (тех, что владели ничтожным числом крепостных) и однодворцев мало отличались от условий жизни зажиточных крестьян.

Подлинной опорой культуры обычно является средний слой, в данном случае те помещики, о которых говорила Наталья Грот, сестра П. П. Семенова-Тян-Шанского (речь идет о второй четверти XIX века): «В то время дворянин-помещик, отслуживший свои 10–15 лет преимущественно в военной, а иногда и в гражданской службе, считал долгом возвратиться в свою отчину и поселиться в ней, создав себе добрую семейную жизнь»³⁴⁵. Это было написано в конце XIX века о времени, когда еще не было признаков кризиса и отчуждения поколений, когда еще был жив и полон сил ее отец, питомец московского университетского Благородного пансиона, герой Отечественной войны Петр Петрович Семенов. «Возвратившись в свою отчину», он занялся сотворением своего мира — построил новый дом для семьи, разбил парк, завел оранжерею

и вместе с любимой женой растил детей, которые оставили свой след в русской культуре. Его семейство принадлежало к поколению, которое обустроивало свой домашний уклад по-новому.

Помещикам конца XVIII — начала XIX века в гораздо большей степени была свойственна тяга к роскоши, а не к комфорту. Располагавшие средствами стремились воспроизводить, насколько могли, облик усадеб вельмож, подражать их великолепию «домашними средствами». Обратимся к неистощимому источнику — «Рассказам бабушки» Д. Благово. Она описывает дом своего отца так: «Все парадные комнаты были с панелями, а стены и потолки затянуты холстом и расписаны краской на клею. В зале нарисована на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете у матушке то же, а в спальне, кажется, стены были расписаны боскетом; еще где-то драпировкой или спущенным занавесом. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но впрочем, очень недурно, а по тогдашним понятиям о живописи — даже и хорошо»³⁴⁶. «Домашними мазунами» исполнялись и орнаменты на потолках, и роспись стен под мрамор, и портреты домашних; крепостными же мастерами отделявались парадные лестницы, делались имитации колоннад из оштукатуренных бревен, изготовлялась мебель, подражавшая западноевропейским образцам — не всегда удачно. Именно такая мебель по большей части и находилась в употреблении большинства помещичьих хозяйств вплоть до отмены крепостного права (да и долго после). Все привозное было чересчур дорого, и неудивительно, что помещики старались обойтись своими силами — от выработки полотна до изготовления карет.

Но при этом не забывали о приспособленности жилья к непростым климатическим условиям. Адекватный природе и климату дом следовало строить основательно. Отдавая должное постройке, Е. П. Янькова говорит, что «дом был прекрасный: строен из очень толстых брусьев, и чуть ли не из дубовых; низ был каменный, жилой, и стены претолстые»³⁴⁷ (именно такое устройство дома — каменный низ, деревянный верх — получило наибольшее распространение благодаря своей функциональности в нашем климате). Дома прогревали высокие изразцовые печи, которые выполняли также функции вентиляции.

Иностранные путешественники, от художницы Э. Вижелебрен (конец XVIII века) до писателя Теофиля Готье (середина XIX века), восхищались способностью русских применяться к своей суровой зиме: парадоксально, но в русских домах зимой было гораздо теплее, чем во французских. Дома топились скорее даже избыточно — дров было достаточно, природа не обидела Россию топливом. Для приятного запаха на раскаленные совки, которые специально грели в печах, роняли каплю душистого масла (аромат духов, пряностей или душистых трав должен был к тому же перебивать запах уборной, размещавшейся в сенях). На зиму на окнах устанавливались незнакомые Европе двойные рамы, а между рамами укладывали слой песка (а затем ваты), ставили плоску с солью, которая впитывала лишнюю влагу и не давала окнам покрываться изморозью. Плотные шторы также служили для защиты от холода. На Благовещение зимние рамы выставлялись — это было знаком, что пришла весна.

Те семьи, которые не жили в своей усадьбе круглый год, отправлялись туда из города на лето. Мемуарист С. П. Жихарев отмечал, что в начале мая «Москва начинает пустеть: по улицам ежеминутно встречаешь цепи дорожных экипажей и обозов; одни вывозят своих владельцев, другие приезжают за ними. Скоро останутся в Москве только коренные ее жители: лица обязанные службою, купцы, иностранцы и наша братия, принадлежащая к учащемуся сословию. Дедушка говорит, что и еще один класс людей не выедет из Москвы: класс должников, которых не выпустят кредиторы». В середине же сентября начинается обратное движение: «Москва наполняется по-маленьку...»³⁴⁸.

Некоторые проводили в своих поместьях еще больше времени: «Мое детство почти все прошло в деревне. Мой отец, князь Голицын, любил жить в старинном имении, пожалованном его предкам. Мы оставляли город в апреле месяце и возвращались туда только в ноябре»³⁴⁹, то есть возвращались в город по установившемуся «санному пути».

Порой переезжавшие в имения или обратно помещики с чадами и домочадцами занимали десятки возов и телег, формируя бесконечный «поезд». Передвигавшиеся на значительные расстояния, наши предки умели устраиваться в дороге: «В избу приносили огромные охапки сена, стлали его на пол, на-

крывали коврами и бельем, и укладывались все, кто где попал, не раздеваясь вполне, а накидывая халаты и капоты...»³⁵⁰

В сущности, городская жизнь многих не слишком отличалась от деревенской: городские особнячки и дома строились вольно, были окружены садами, огородами и цветниками, имели птичники, конюшни, погреба, сараи и прочие службы. Отдельно стоящие дома оставались традиционным жильем во многих русских городах вплоть до XX века.

В домах — и городских, и сельских — обыкновенно устраивались анфилады — расположенные по одной линии комнаты, окна которых были обращены в одну сторону. Подобный дом описывает Ф. Ф. Вигель: «...Анфилада, состоящая из трех комнат: залы (она же и столовая) в четыре окошка, гостиной в три и диванной в два; они составляют лицевую сторону, и воздух в них чище. Спальная, уборная и девичья смотрели на двор, а детские помещались в антресоле»³⁵¹.

О доме своего дяди, знаменитого поэта и министра юстиции И. И. Дмитриева, выстроенном в 1760 году, литератор М. А. Дмитриев писал в своих воспоминаниях: «В доме у него была анфилада парадных комнат, общий порок русских домов, отчего происходит, что все они как будто строятся напоказ и для гостей, а не для хозяев... жилые его комнаты были наверху, в мезонине: там была его спальня, была еще гостиная, и еще кабинет; такое разделение на два помещения, на две гостиной и на два кабинета, было чрезвычайно неудобно. Кроме того, и вверху была темная проходная комната: он никак не мог обойтись без проходных и темных комнат. Дом снаружи был прекрасной архитектуры с двумя рядами колонн; для житья же был неудобен»³⁵².

Михаил Александрович Дмитриев правильно заметил, что дома подобного типа строились «напоказ и для гостей»: их хозяева вели образ жизни, рассчитанный на публичность. В традиционном обществе, как напоминают антропологи, главным для его членов было поддержание социальных связей, и этому служило буквально все — от обычая «считаться родством» и обширной переписки до большого числа праздничных дней в году, объединявших членов социума за общим столом. Исследователи говорят об «этике праздности», характерной для традиционного общества, для которого особую важность имели нерабочие дни, посвящавшиеся поддержанию связей раз-

ного рода. Б. Н. Миронов обращает внимание на то обстоятельство, что даже в начале XIX века русские крестьяне в среднем имели 135 нерабочих дней против 68 у американских фермеров. Это были, кроме воскресений, государственные, религиозные и народные праздники³⁵³. Для человека традиционного общества эти дни имели особенную значимость — много большую, чем та прибыль, которую можно было бы получить, работая дополнительно.

В традиционном обществе удобство хозяев не считалось важнейшей функцией дома: он обеспечивал крышу над головой, защищал от холода, и этого было в целом довольно. Однако дом должен был быть приспособлен для общения. Так, семейство Пассеков, не располагавшее средствами, занимало маленький деревянный дом с мезонином, центром которого была «небольшая зала с светло-палевыми обоями, несколько плетеных стульев, два ломберные стола и фортепьяно», — то есть в нем все-таки было все необходимое, чтобы принимать гостей. Один из хозяев, Вадим Пассек, при этом жил в мезонине, где в его распоряжении были всего-навсего «полуразрушенный диван» и соломенные стулья «сомнительной крепости»³⁵⁴.

Для приема гостей предназначались гостиные с диванами и танцевальные залы, диванчиками и креслами; ширмами в больших помещениях отделялся интимный уголок, где можно было уединиться «на глазах у всех» для приватной беседы. В большинстве домов хозяева не располагали специализированными или просто большими комнатами, но все затруднения были предусмотрены и легко преодолевались: из комнаты выносились мебель, скатывались ковры — и вот готово помещение для танцев; в кабинете ставили ломберные столы, которые поджидали тех, кто выразит желание играть в карты, а в комнате хозяйки, к примеру, сервировался буфет с легкими закусками. Частные помещения мобильно превращались в социально активное пространство, и никого это не смущало.

Прием гостей и ответные визиты занимали важнейшее место в распорядке дня («Бывало, он еще в постеле, к нему записочки несут. Что, приглашенья?..»). В усадьбах гости наезжали часто и гашивали подолгу, особенно те, что приезжали издалека: «По воскресеньям и праздникам гостей съезжалось премножество, обедывало иногда человек по тридцати и более.

И все это придет со своими людьми, тройками и четверными; некоторые гостят по несколько дней, — такое было обыкновение. Батюшка принимал всех приветливо»³⁵⁵, — вспоминала бабушка Д. Благово. Во время таких наездов устраивались совместные домашние постановки, «живые картины», музицирование, танцы, катания, охота, игра в карты.

«Пространствопонимание есть жизнепонимание», — сказал как-то Павел Флоренский. Понятно, что главной и самой нарядной комнатой в таком доме была гостиная, а отнюдь не приватные покои хозяев, на обустройство которых особого внимания не обращали; анфиладное устройство покоев не оставляло места уединению — приватных комнат не было, да и нужды в них не испытывали. Это неудобное анфиладное устройство сохранялось еще долго.

Но наступали новые времена, и уже М. А. Дмитриев, критиковавший неудобство прежнего домашнего уклада, строил свой дом совершенно по-новому, стремясь сделать его комфортабельным прежде всего для себя и своей жены. О своей домашней жизни он вспоминает: «Мы выезжали редко, потому что для нас довольно и нас самих. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь скучали, особенно с Анною Федоровною, которая имела столько запаса в своем уме и просвещении. Менялись мыслями в разговорах о разных предметах мысли было для нас истинным наслаждением... Какое счастье иметь такой ресурс дома!»³⁵⁶

В воспоминаниях и переписке отныне обязательно фиксируются вещи, на которые прежде просто не обращали внимания. Подробно и с нескрываемым восхищением описывает быт англичан Карамзин в «Письмах русского путешественника», рассказывая об их домах, чаепитиях, каминах и лужайках. Более того, он заглянул и на кухню: «Мне хотелось видеть английскую кухню. Какая чистота! На полу нет ни пятнышка; кастрюли, блюда, чашки — все бело, все светло, все в удивительном порядке»³⁵⁷. Карамзина очаровывал английский быт: «В домах все уютно и покойно», — писал он.

Мемуарист В. Сафонович говорит о примерно том же времени: «Совсем недавно... об удобной и покойной мебели понятия не имели даже в богатых домах. Мягкие диваны и кресла были еще мало известны, они принадлежали к изобретениям новейшего времени»³⁵⁸.

В обиход входило новое слово — «комфорт» (не в смысле богатства и избыточности, но как необходимый минимум удобств для культурного человека), а представление о комфорте непосредственно связано с автономией личности. Изменялся повседневный уклад образованного человека, испытывавшего потребность в своем собственном, отделенном от других пространстве.

Внутреннее устройство дома становилось более индивидуализированным, разграниченным, функционально нацеленным. Первыми обособились мужские кабинеты, доступ в которые был ограничен. Хозяин удалялся в свой кабинет, чтобы предаться хозяйственным или ученым занятиям или же для того, чтобы попросту подремать после обеда, — но в любом случае его удинение тревожить было нельзя. «Нам было запрещено входить в кабинет Папá, когда он занимается, но мы и так не посмели бы туда войти. В кабинете Папá был окружен для нас какой-то мистической атмосферой, и мое почтение к нему в раннем возрасте принимало чуть ли не религиозные формы... мы боялись не Папá, а Папá в кабинете», — вспоминал С. Е. Трубецкой. Однажды, когда матери не было дома, к Трубецким заехала близкая знакомая, пригласившая детей к себе. Следовало спросить разрешения отца: «А Папá дома? Спросите его. — Папá в кабинете, — ответил мой младший брат, и, взглянув на нас, графиня поняла, что пойти в кабинет просить разрешения Папá нам представляется почти столь же трудным, как влезть на небо и просить разрешения у самого Господа Бога. Но это, повторяю, был не страх, а какое-то полумистическое чувство»³⁵⁹. Подобное отношение в семьях к «Папá в кабинете» у Трубецких, как и в других семьях, создавалось прежде всего матерью.

Свое собственное, отъединенное от всех остальных пространство стремилась устроить и женщина. В зависимости от достатка это могла быть большая, прекрасно обставленная комната или всего лишь отделенный от других помещений угол. Здесь женщина могла уединиться, читать и писать письма в тишине, принимать своих гостей. «Мама приняла гостей в маленькой гостиной, как мы называли ее спальню, перегороденную дубовой перегородкой»³⁶⁰, — вспоминала Т. А. Кузьминская.

Это частное пространство женщины было зачастую, как отмечали мемуаристы, самым привлекательным и для нее, и для

остальных домашних: «...Везде у нас было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мне лучше всех; в ней было нечто таинственное и малодоступное и для прислуги, и для постоянных, и даже для своей семьи. Это был кабинет моей матери... вся эта половина дома очень часто была заперта на ключ. Мать любила уединение, тишину, чтение и строгий распорядок в распределении времени и занятий». Там было «весело, опрятно и душисто. Летом были почти всюду цветы в вазах, сирень, розы, ландыши, дикий жасмин, зимой — всегда слегка пахло хорошими духами... Мебели в этой комнате было немного: она сама была невелика. У окна ясеневый просторный письменный стол с полками для книг; перед ним старинное кресло с полукруглой спинкой, украшенной двумя точеными бараньими головками; около стола с другой стороны тоже ясеневое большое глубокое вольтеровское кресло, и в другом углу у окна еще кресло и складной столик; но комната вовсе не казалась пустой благодаря трехцветной драпировке и дивану за колонками в таинственной нише. Картин по стенам не было, большие фамильные портреты висели в гостиной; у матери в кабинете были только портреты семерых детей ее и трех посторонних лиц, которых она считала лучшими своими друзьями или даже благодетелями...»³⁶¹

Обособление женского пространства дома было связано с усложнением жизни женщины, с увеличением ее семейных обязанностей и социальных связей. Расширилось жизненное пространство, доступное женщине. (Ведь, как мы знаем, вплоть до второй половины XIX века существовало ограниченное число общественных мест, где женщина могла появляться даже в сопровождении — например, в театре дама из общества могла занимать лишь место в ложе, — а в начале XX века, как мы читаем у Д. С. Лихачева, в Петербурге ресторан Кюба был единственным «такого хорошего тона, что туда можно было пойти приличной даме без сопровождения кавалера»³⁶².) В своей комнате женщина отгораживалась от хозяйственных хлопот и занималась любимыми делами.

В воспоминаниях писательницы Н. И. Ильиной есть запоминающийся эпизод: ее семья в эмиграции жила в Харбине, с огромным трудом зарабатывая себе на хлеб, перебиваясь случайными уроками, журнальной работой — всем, что подвернется. На жизнь едва хватало, но, несмотря на это, ее мать-

бестужевка, экономя на самом необходимом, помимо общей комнаты, где она жила с дочерьми, сняла для себя одной по соседству крошечную комнатку — она была ей просто необходима, чего ее юные дочери в то время понять никак не могли.

Немалый путь был пройден от анфилад, где человек не оставался надине с собой никогда, до харбинской каморки, без уединения в которой образованная женщина начала XX века не мыслила своего существования.

Во второй половине XIX века частное пространство появляется и у купчих, сознательно воссоздававших дворянский бытовой уклад. Комната матери, как вспоминает В. Н. Харузина, была «самая симпатичная во всем доме и самая уютная», в которой «больше всего сосредоточивалась жизнь мамá». Комната разделялась на две неравные части; там находились китот, туалетный стол, письменный стол, ставший необходимой принадлежностью женского кабинета, но при этом мать Харужиной «редко можно было видеть за письменным столом: только тогда, когда она сводила счета по хозяйству». Важное место занимал книжный «шкап буль с любимыми ее книгами в скромных темных коленкорových и шагрeneвых переплетах — почти вся ее библиотека: классики русские и иностранные, также творения Платона были согласно ее вкусу подарены ей нами, детьми...». В углу размещался большой круглый стол с креслами и стульями, где накрывали чай, когда днем или ранним вечером приезжали гости: «Тут пить чай было уютнее, чем в столовой, и разговор лился непринужденнее». Нашел здесь себе место и особый круглый стол поменьше с разложенными там художественными изданиями и альбомами, а также кресла и диванчики³⁶³.

Перемены в отношении к детям также отражались на домашнем укладе. Прежде жизнь детей резко отделялась от жизни взрослых — детские комнаты располагались в маленьких низких комнатах где-нибудь в задних частях дома. Такие детские отличались теснотой, плохо проветривались и не слишком тщательно убирались. Мемуаристка приводит описание детской, довольно обыкновенной и для дворянского, и для купеческого обихода: «Темная комната с одним окном, выходящим на лестницу парадного входа, узкая, длинная, с двумя дверями, такова была детская, в которой жили брат Петя и я. По стенам стояли две кровати, а между дверями в углубле-

нии спала наша няня, маленькая старушка в белом чепчике. Отдельной кровати для няни не полагалось: каждый вечер она приносила стулья, гладильную доску и все принадлежности для постели; все это устраивалось в известном порядке, и няня ложилась вместе с нами. В углу горела лампадка пред образом»³⁶⁴.

Теперь в обеспеченных семьях детским комнатам стали уделять особенное внимание. «И правду говорит папа, что, когда нас воспитывали, была одна крайность — нас держали в антресолях, а родители жили в бельэтаже; теперь напротив — родителей в чулан, а детей в бельэтаж. Родители уже теперь не должны жить, а все для детей... Нет, крайность ни в чем не хороша...» («Анна Каренина»). Правда, во многих семействах по-прежнему детские комнаты были «перенаселены», а дети, которым не хватало там места, устраивались на ночь на диванах в гостиных и т. п. Но речь идет о тенденции: вопрос о детских оказался в сфере обсуждения общественности, что отражало изменение положения ребенка в семье.

Учебные занятия детей требовали специального пространства, части комнаты или даже целого помещения. «В нашем доме прибавился жилец, гувернер Бартоли, и потребовались две особенные комнаты — для него и классная; и чуть ли не была дана особенная комната для меня (прежде я спал вместе с отцом)»³⁶⁵, — вспоминал Д. Н. Свербеев о происходящем в начале XIX века.

Культурные семьи богатых купцов во второй половине XIX века воспроизводили дворянский быт, который становился источником этикетных норм для других сословий. Они долго хранили патриархальные порядки, но во второй половине XIX века перемены в домашнем укладе богатого купечества стали очевидны. Вера Харузина рассказывает: «Семья Ивана Григорьевича держалась старины, традиции и не хотела вовсе вносить новое в уклад жизни. Мама рвалась вперед, к более утонченным формам жизни. Она преобразовала быт, среди которого жила, по другим принципам вела воспитание детей, иначе располагала свой день, досуг и часы труда. Ей приходилось при этом выдерживать жестокую борьбу с мнением и осуждением ближайших родных»³⁶⁶.

Быт среднего купечества не отличался утонченностью: мебель убирали в чехлы, когда не было гостей (впрочем, так же

было заведено у бедного дворянства), специально спускались шторы, чтобы не выцветали обои; вещи были разнокалиберны, неравноценны, рядом со старинными вещами стояли дешевые, аляповатые, купленные по случаю. Комоды и столы покрывались связанными из ниток салфетками, на них представлялись в безвкусовых вазах восковые цветы. Мать Веры Хариузиной завела совсем другой порядок. Их дом отличался от многих других купеческих домов: светлые проветренные комнаты, красивая мебель, спокойного тона обои, рояль, повсюду живые цветы.

Создание дома

«Мир женщины — дом, дом мужчины — мир», — эта крылатая фраза вполне отражает одну из важных сторон патриархального общества. В народе эту мысль выражали менее изящно: «Бабы дорога — от печи до порога». Как бы то ни было, домашний уклад всецело зависел от женщины, ее культурного уровня и притязаний. Убранство дома, распорядок дня, семейный бюджет, закупка и заготовка провизии, стол, поддержание чистоты, заботы об одежде — всего и не перечислить. А еще дети — следовало позаботиться сначала о детской и няне, затем об учебном уголке, самой давать первые уроки грамоты и Закона Божия, подобрать гувернантку или учителей.

В начале XIX века в российском обществе все более распространяется убеждение, что на устойчивости и процветании очага каждой семьи основано преуспевание государства. Спустя столетие, в период кризиса патриархальной семьи, когда привычный жизненный уклад претерпевал изменения, экономист особо обращал внимание читателей на роль женщины в семье и обществе: «Сколько бы мы ни говорили, что муж — “глава дома”, этим главой не по закону, а на деле, поэтически, духовно, нравственно, хозяйственно, всячески была и останется семьянинка. Если мать дома в порядке — весь дом в порядке... В женщине есть какая-то ценная мелочность, понимание и талант к подробностям, наконец, в ней есть притягательная и объединительная сила, и вот всеми этими качествами дом скрепляется как цементом... Какова мать, такова семья, какова женщина — таков народ»³⁶⁷.

Именно женщина делала жилище домом. Вспомним «Анну Каренину»: Левин, получив отказ от Китти Щербацкой, возвратился в огромный пустой дом и велел экономке целиком убрать его, протопить каждую комнату. Да, дом у Левина уже был, но он был пуст, в нем не было жизни. Чтобы в этом доме началась жизнь, нужна была женщина, жена. А когда ожидания оправдались, он не вполне сначала понял, что происходит: «...Еще бывши женихом, он был поражен той определенностью, с которой она (Китти. — *Авт.*) отказалась от поездки за границу и решила ехать в деревню, как будто она знала что-то такое, что нужно, и, кроме своей любви, могла еще думать о постороннем. Это оскорбило его тогда, и теперь несколько раз ее мелочные хлопоты и заботы оскорбляли его. Но он видел, что это ей необходимо. И он... хотя и посмеивался над этими заботами, не мог не любоваться ими. Он посмеивался над тем, как она расставляла мебель, привезенную из Москвы, как убирала по-новому свою и его комнату, как вешала гардины, как распределяла будущее помещение для гостей, для Долли, как устраивала помещение своей новой девушке, как заказывала обед старику повару, как входила в препирания с Агафьей Михайловной, отстраняя ее от провизии. Он видел, что старик повар улыбался, любуясь ею и слушал ее неумелые, невозможные приказания». Толстой пишет о Левине, явно вспоминая себя самого на его месте. Писатель подчеркивает именно подсознательность действий Китти: «Она сама не знала, зачем и для чего, но домашнее хозяйство неудержимо влекло ее к себе. Она, инстинктивно чувствуя приближение весны и зная, что будут и ненастные дни, вила, как умела, свое гнездо и торопилась в одно время и вить его и учиться, как это делать».

Об этом неистребимом женском инстинкте пишут с особым чувством многие писатели-мужчины. Возьмем пример из совсем другого социального слоя. В повести А. И. Куприна «Яма» студент Лихонин, стремясь творить добро и поддаваясь общей моде, распространявшейся в среде «новых» людей, попытался спасти молодую женщину Любу, вызволив ее из публичного дома. Ее присутствие очень скоро стало тяготить студента, неопределенность и двусмысленность ситуации утомляла и оскорбляла его. Взвалив на себя ответственность за человека, он не знал, что делать с Любой дальше. И все же, го-

ды спустя, он вспоминал это время, когда в его маленьком хозяйстве царил эта нелепая девушка, как «самый тихий, мирный, уютный период»: «Эта неуклюжая, Неловкая, может быть, даже глупая Любка обладала какой-то инстинктивной домовитостью, какой-то незаметной способностью создавать вокруг себя светлую, спокойную и мягкую тишину. Это именно она достигла того, что квартира Лихонина очень скоро стала мирным, тихим центром, где чувствовали себя как-то просто, по-семейному, и отдыхали душой после тяжелых мытарств, нужды и голодания все товарищи Лихонина.»

Демократическим кругам, отторгавшим дворянскую культуру, были свойственны упрощенные оценки прошлого. Редактор женского журнала с апломбом заявляла: «Самым распространенным барским женским типом в крепостные времена был тип женщины, совершенно не способный к труду. Все подано, все для нее сделано другими, и девочка, выросши, находит совершенно естественным, что даже об ее носовом платке должна позаботиться горничная. Крепостное право воспитывало барыню беспомощной, как ребенок», и она бессознательно впитывала убеждение, что труд есть позор. Дворянская девушка готовилась в жены помещика, и в таких условиях «ее душевные и умственные силы спали»³⁶⁸.

Но в хозяйстве ничто не делается само. Достаточно вспомнить типичную барыню, образ которой знаком нам со школьной скамьи, — мать Татьяны Лариной. «Она езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы, ходила в баню по субботам...» Своим образом действий она напоминает управляющего небольшим хозяйством — да так оно и было. Долли Облонская в детстве жила в деревне и думала, что жизнь там хоть и не красива, зато дешева и удобна: там есть все свое, и детям хорошо: «Но теперь, хозяйкой приехав в деревню, она увидела, что это совсем не так, как она думала. На другой день по их приезде пошел проливной дождь, и ночью потекло в коридоре и в детской, так что кровати перенесли в гостиную. Кухарки людской не было; из девяти коров оказались, по словам скотницы, одни тельные, другие первым теленком, третьи старые, четвертые тугосиси; ни масла, ни молока даже детям не доставало, яиц не было. Курицу нельзя было достать; жарили и варили старых, лиловых, жилистых петухов. Нельзя было достать баб, чтобы вымыть полы, — все были на

картошках. Кататься нельзя было, потому что одна лошадь замешкалась и рвала в дышло. Купаться было негде, — весь берег реки был истоптан скотиной и открыт с дороги: даже гулять нельзя было ходить, потому что скотина входила в сад через сломанный забор, и был один страшный бык...» Первое время Дарья Александровна, с маленькими детьми на руках и без опыта жизни в деревне, была в отчаянии. Но спустя короткое время, с помощью няни и приказчицы, старосты и конторщица понемногу все было устроено.

Хорошая хозяйка даже при наличии штата подготовленной прислуги должна была сама приглядывать за домом — она определяла образ жизни, который вела семья. Хозяйки победнее, которых было подавляющее большинство, должны были заботиться о многих вещах сами.

Для обеспечения жизнедеятельности больших дворянских семей требовались усилия целого штата прислуги. Е. П. Янкова, которая была дочерью «великодушного» помещика, описывает хозяйство отца, которое во многом носило натуральный характер: «У батюшки были свои мастеровые всякого рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое белье ткали дома, и, кроме того, были ткачи для полотна; был свой кондитер. В комнате людей было премножество, так что за каждым стулом во время стола стоял человек с тарелкой»³⁶⁹. Помещичий дореформенный обиход предоставлял дворовых во множестве.

Но и в пореформенной России количество прислуги было по-прежнему велико. По сравнению с Западной Европой прислуга, «домашняя» и «домовая», являлась значительной прослойкой городского населения: рабочие руки были очень дешевы. В Европе, как отмечали современники, «нередко одна прислуга приходится на несколько семей, она весь день моет, чистит, прибирает в нескольких квартирах поочередно», а «у нас не только в каждом приличном семействе, но часто даже у самых простых людей имеется домашняя прислуга»³⁷⁰. В Петербурге и Москве, согласно переписи 1890 года, на 100 жителей приходилось по два человека домовой прислуги (в основном это дворники); при этом домашняя прислуга превосходила число домовой примерно в шесть раз.

Жалованье прислуги было низким. Няньки получали в конце XIX века от 8 до 10 рублей в месяц и пользовались, по сравнению с другой прислугой, определенными привилегиями.

Жалованье кухарки составляло от 6 до 15 рублей. В небогатых семьях не слишком квалифицированные кухарки выполняли и другие работы за то же жалованье: кроме стряпни, они убирали комнаты и стирали. Горничная со средним окладом в 5—10 рублей должна была убирать комнаты и прислуживать за столом. Жалованье прислуги росло постепенно с общим повышением дороговизны жизни. При этом размеры его очень разнились, поскольку устоявшегося рынка не существовало. Дополнительно к жалованью прислуга получала жилье, «стол» и мелкие вознаграждения.

В богатых домах держали еще лакеев, официантов, поваров, подгорничных, подьянек, кухонных мужиков. Чем выше был статус хозяев, тем более подготовленную и приличную на вид прислугу они нанимали. Об этом читаем у Чехова: «Генеральский чин и известность отняли у меня навсегда... горничную Агашу, говорливую и смешливую старушку, вместо которой подает теперь обед Егор, тупой и надменный малый, с белой перчаткой на правой руке» («Скучная история»).

Среди необходимых домашних забот был и тяжелый, черный труд: топка и чистка печей, приготовление пищи на дровяной печи (в богатых домах нанимался повар, в домах победнее — кухарка), мытье и чистка медной и прочей посуды, столового серебра, самоваров, переноска бесконечных ведер воды, стирка и глаженье, уборка в доме и так далее. Сильное впечатление оставляет описание циклопической кухни большого патриархального дома, где готовилась пища на большое число едоков: «Бучальская кухня современному человеку, наверное, показалась бы музеем. Громоздилась огромная, в шесть конфорок, плита, сбоку которой была вмонтирована цинковая коробка для горячей воды; к плите примыкала напоминающая корабль русская печка; над плитой висела вытяжка в виде огромной — из листового железа — опрокинутой воронки. На полках стояли разных размеров сковородки и кастрюли. Кастрюли были медные с длинными ручками, с княжескими коронами по бокам, наверное, отлитые еще во времена прапрадеда князя Федора Николаевича. Множество разных ножей, дуршлагов, веселок, терок, противней, ложек висело, стояло, лежало. Мясорубка тогда еще не была изобретена, и Степан Егорович, вооружившись двумя ножами, рубил плясовым тактом мясо для котлет. Кухонный мужик Ва-

ня Кудрявый время от времени притаскивал вязанки дров, с шумом их сваливал и подкладывал поленья в печь»³⁷¹. Описанные С. М. Голицыным кухонные приспособления и утварь сподручны были сильному мужчине.

Культурные семьи даже с самым скромным достатком нанимали кухарок, горничных и нянь. Так, писательница Лидия Чарская после развода с мужем сама зарабатывала на жизнь себе и своему сыну, и хотя временами ей жилось в материальном смысле очень тяжело, она содержала кухарку и гувернантку. Писательница «шестидесятница» Е. Н. Водовозова, оставшись на какое-то время без работы и без денег, с ужасом говорила о том, что ей придется расчитать няню, — о том, чтобы уволить кухарку, и речи не шло.

Патриархальный дом в деревне или в городе — это очень большое хозяйство, требовавшее больших хлопот, постоянного внимания. Художник М. В. Добужинский в воспоминаниях, относящихся к концу XIX века, пишет: «Часа в два был обед, и всегда за столом (раздвижным, с массой ножек) бывало человек десять-двенадцать. И семья была большая, и всегда появлялись еще какие-то приживалки и нахлебники»³⁷². В доме дедушки историка Н. И. Кареева в 1850—1860-е годы за столом собиравались его дети — два сына и пять дочерей, из них две замужние («обе имели при себе детей, в общем семь мальчиков»), гувернантка, разные родственники, подолгу жившие у дедушки, какие-то «дедушкины племянники и крестники», старшая сестра дедушки, одна из сестер покойной бабушки; «средним числом за стол садилось всегда человек по крайней мере пятнадцать, а иногда и двадцать»³⁷³. Причем это было не самое большое число сотрапезников для патриархальной семьи.

Молодая жена Достоевского Анна Григорьевна, вступив в права хозяйки дома, столкнулась с тем, что в доме мужа постоянно толкутся посторонние: они являлись к завтраку, потом кто-то уходил, зато приходили другие, а кто-то и оставался вплоть до ужина. Содержание такого хозяйства и постоянные заботы о том, чтобы всех накормить, занимали ее целиком, и она жаловалась, что не остается времени на общение с мужем, на чтение новых книг и журналов. Кроме того, держать «открытый дом» было очень накладно: все доходы ее мужа проедались, тратились на подачки приживальщикам. Анне

Григорьевне пришлось радикально сменить образ жизни семьи — сначала она настояла на отъезде за границу, затем нашла подходящий дом подальше от столицы, в Старой Руссе, где писатель мог спокойно работать, а семья больше времени проводить в своем кругу.

Ценности самореализации оказались в данном случае важнее «коллективистских тенденций сознания и поведения», если говорить в терминах культурной антропологии. Патриархальный образ жизни вступал в противоречие с потребностями человека новой эпохи, которому требовалось все больше времени для индивидуальной жизни.

Многообразны и трудны обязанности хозяйки, но за свои труды всегда она получала признание окружающих. Вот как хозяйку-казачку конца XIX века описывает ее младший современник, племянник: «В зрелых годах та Настя была непревзойденной хозяйкой, знающей, что, когда и как надо делать, чтобы в доме все было путем и ладком, и делающей свои хозяйские дела как-то незаметно, без нагуги и показа, так что казалось — все происходит само собой, и что она тут ни при чем. И хата, и двор, и худоба (домашняя скотина. — Авт.), а тем более детишки, не говоря уже о всяких припасах и “вытребасах”, все у нее было в полном ажуре, все при деле, все вовремя и в лучшем свете. Дети у нее носами не шморгали, всегда были отмыты и накормлены, чугуны не закопчены, хата подбелена, доливка (земляной пол) подмазана, в хате пахло чабрецом и пампушками. Куры у Касьяновны не шастали по чужим огородам, свиньи “в голос” не орали, и даже собаки у нее и то попусту не брехали, а уж ежели гавкнут, то не сомневайтесь — что-то возле база да произошло»³⁷⁴.

При натуральном хозяйстве покупать приходилось не так уж много продуктов — чай, кофе, сахар, свечи; они были дороги, и их берегли. Остальное в изобилии предоставляло собственное хозяйство. В любом сословии хозяйки занимались заготовками. Сушились яблоки, тазами варилось варенье, мочили бруснику, делали пастилы и смоквы из черной смородины, яблук, вишен, слив, солили кадками огурцы и грибы, рубили капусту, засаливали солонину, рыбу, настаивали на всевозможных травах и кореньях водки, делали настойки и наливки.

Конечно, городская жизнь вносила свои коррективы. К примеру, вместо того чтобы выпекать хлеб дома примерно раз в неделю, хозяйки покупали каждый день свежий в булочных, которых становилось все больше. Но и в городе в конце XIX века жизнь во многих семьях сохраняла свою патриархальность. Живший на Васильевском острове Петербурга Михаил Добужинский вспоминал о своем детстве: «Когда я был еще маленьким, тут же в коровнике жила и наша собственная корова!»³⁷⁵.

Горожане, еще не оторвавшиеся от сельского хозяйства, всегда, как только представлялась возможность, заводили живность. Показателен пример поселка Сокол в Москве на Ленинградском проспекте, состоящего сейчас, наверное, приблизительно из сотни частных домов с участками. Еще в 1960–1970-х годах жители Сокола, горожане уже не в одном поколении, устраивали курятники, откармливали свиней. Здесь были уникальные сады с целыми коллекциями кустов русской сирени селекции Колесникова, пионы, розы, вишни и крыжовник — если есть дом и земля, должны быть и яблони, и цветы, и овощи, и птица, а еще лучше — скотина... Стоит ли удивляться, что на Васильевском острове Петербурга в начале XX века семья с детьми держала корову, хотя хлопот с ней полон рот — надо было запастись корм на зиму, выпускать на свежую траву, вставать в четыре часа доить, убирать за ней, а ведь городские жители от такого расписания уже отвыкли.

Распорядок

Усадьба — это родовое гнездо, где жили большими семьями и вели обширное хозяйство, вовлекающее в свою сферу множество людей. Здесь рождалось, вырастало и умирало несколько поколений и особенно ощущалась связь с прошлым, которую подчеркивали семейное кладбище, портреты предков на стенах, старые вещи — дедушкин книжный шкаф, бабушкин комод...

Все многообразие семейной жизни следовало вписать в строгое расписание. Аркадий и Базаров провели дней пятнадцать в усадьбе Одинцовой. «Этому отчасти способствовал порядок, который она завела у себя в доме и в жизни. Она

строго его придерживалась и заставляла других ему покоряться. Все в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, все общество собиралось к чаю; от чая до завтрака каждый делал, что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главной ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать».

«Базарову не нравилась эта размеренная, несколько торжественная правильность ежедневной жизни; “как по рельсам катишься”, — уверял он... Он однажды объяснился об этом с Анной Сергеевной... Она выслушала его и промолвила: “С вашей точки зрения, вы правы, и, может быть, в этом случае я — барыня; но в деревне нельзя жить беспорядочно, скука одолеет”, — и продолжала делать по-своему. Базаров ворчал, но и ему, и Аркадию оттого и жилось так легко у Одинцовой, что все в ее доме “катилось как по рельсам”» (И. С. Тургенев. «Отцы и дети»).

Устойчивость, повторяемость уклада играла наиважнейшую, как сказали бы культурологи, структурообразующую роль в повседневной жизни. Человеку она давала ощущение опоры, уверенность в себе и в окружающем мире. Тот, кто даже в самых тяжелых условиях продолжает придерживаться привычного распорядка, делая усилие над собой, имеет больше шансов выжить. Вспомним М. А. Булгакова: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй», — да, страшное время, но с тем большим упорством в доме Турбиных старались придерживаться прежнего порядка: «Скатерть, несмотря на пушки и на все это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой, колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоты и прочность жизни, несмотря на то, что на подступах к Городу — коварный враг, который, пожалуй, может разбить снежный, прекрасный Город и осколки покоя растоптать каблуками. Цветы... Под тенью гортензий тарелочка с синими узорами,

несколько ломтиков колбасы, масло в прозрачной масленке, в сухарнице пила-фраже белый продолговатый хлеб» («Белая гвардия»).

Академик Д. С. Лихачев был совершенно уверен, что именно домашний уклад позволил его семье выжить в блокадные дни. Он вспоминал: «Садись дети за стол за час, за полтора — как только мама начинала готовить. Я толк в ступке кости. Кости мы варили по многу раз... Дети сами накрывали на стол и молча усаживались. Сидели смирно и следили, как готовилась еда... Ни разу они не заплакали, ни разу не попросили еще: ведь все делилось поровну. От разогретой печурки в комнате сразу становилось тепло. Иногда печурка раскалялась докрасна. Как было хорошо!» И далее: «Утром мы молились, дети тоже. С детьми мы разучивали стихи...»³⁷⁶ Продолжая воспроизводить привычный образ жизни, человек сопротивлялся внешним потрясениям. Совместная трапеза, чтение вслух, молитва — в этих немислимых условиях люди продолжали жить, как прежде. И это поддерживало их.

В пореформенное время все большее внимание в распорядке дня уделялось занятиям с детьми. Происходило это по-разному: одни матери сами много занимались с детьми, брали на себя преподавание части учебных предметов, другие — следили за общим ходом учения.

В «Пошехонской старине» М. Е. Салтыков-Щедрин рассказывает о распорядке, заведенном в его семействе. В течение дня родители почти никогда не виделись; отец в своем кабинете перечитывал старые газеты; мать в своей спальне писала деловые письма, считала деньги, совещалась с разными должностными людьми, а перед детьми являлась только тогда, когда по жалобе гувернантки следовало их наказать. Дети разделялись на три группы по возрасту для учения. Старшая сестра-институтка занималась с самыми младшими. Мать следила за учением, подбирала учителей, поощряла за успехи. Всегда занятая хлопотами по хозяйству, эта быстрая умом женщина, проходя мимо классной комнаты, приостанавливалась на минутку, моментально вникая в ситуацию, сурово бросала на ходу веские слова похвалы или угрозы. Так проходили дни. А на зиму семья снимала особняк, чтобы иметь возможность «вывозить» сестру-невесту.

В распорядке дня свое место занимали гигиенические процедуры, хотя особое внимание чистоте тела начинает уделяться довольно поздно, уже в XIX веке. Источники содержат очень мало сведений о гигиене, о чистом и грязном в физическом смысле. В более ранних скорее отмечаются отрицательные факты — зловоние уборных, нечистота кухонь, неопрятность прислуги. Настоящим контрастом являются рассказы о бане, являвшейся частью повседневности и крестьянина, и дворянина. Бани посещали, как правило, раз в неделю, тогда же и меняли белье на чистое. В остальные дни в лучшем случае гигиенические процедуры ограничивались умыванием по утрам — мыли лицо, шею, уши, а в течение дня — руки.

Софья Ковалевская, родившаяся в 1849 году в культурной дворянской семье, вспоминала, как проходило утро в их доме до появления гувернантки: «...няня, сама еще полуодетая, сменив только ночной чепец на шелковую косынку... вносит поднос с большим медным кофейником и еще в постельке, неумытых и нечесаных, начинает угощать нас кофе со сливками и сдобными булочками». Затем «вытрет нам няня лицо и руки мокрым полотенцем, проведет два раза гребешком по нашей растрепанной гриве, наденет на нас платьице, в котором нередко не хватает нескольких пуговиц, — вот мы и готовы!»³⁷⁷. Гувернантка, взяв полностью детей в свои руки, установила свой режим, который показался невероятно жестким по контрасту с няниным «воспитанием».

Мы знаем, что гувернантки, прежде всего немки и англичанки, приучали своих воспитанников каждое утро умываться в холодной, а то и ледяной воде; тот же утренний туалет ежедневно выполняли институтки. Перед едой их классные дамы строго проверяли чистоту рук и ногтей. Возвращаясь домой, институтки занимались воспитанием-своих младших братьев и сестер, а затем и собственных детей. Именно так, непосредственным образом, быстрее всего внедрялись культурные привычки.

Как всегда действенным был пример коронованных особ. Императрицы-немки были воспитаны в протестантской культуре, которая впервые на особую высоту поставила «чистоту тела и дома», не ограничиваясь свойственным другим религиям вниманием лишь к чистоте духа. Особое значение, как отмечали современники, императрицы Мария Федоровна (жена

Павла I) и Елизавета Алексеевна (жена Александра I) придавали чистоте помещений, их регулярному проветриванию. Мария Федоровна, пока ей хватало сил, ежедневно подолгу каталась верхом, а постарев, сменила конные прогулки на пешие (в те времена русское провинциальное дворянство, как рассказывает С. Т. Аксаков, смотрело на поездки женщин верхом с большим предубеждением). Известно, что Елизавета Алексеевна очень любила плавание, а это было новинкой — русские дворяне обычно пользовались купальнями, в которых скорее окунались в воду, чем плавали в современном смысле слова. Привычки императриц естественным образом перенимались русской элитой, а затем становились достоянием более широких кругов дворянства.

В распространении гигиенических навыков и интереса к физическим упражнениям сыграло свою роль и англоманство. О том, как традиционно англичане выделялись на фоне остальных континентальных наций по гигиеническим стандартам, пишет О. Б. Вайнштейн. Для джентльмена собственное достоинство начиналось с облагораживания своих элементарных телесных потребностей. «Новая модель телесности» — ежедневная смена белья и утренние ванны — была введена в обычай английскими денди³⁷⁸. Русские денди следовали их примеру. Общеизвестно, к примеру, что любителем принимать ледяные ванны был А. С. Пушкин, который к тому же культивировал и всяческие физические упражнения. В целом особое внимание к чистоте, физическому развитию самым непосредственным образом связано с возрастанием личностного начала, когда человек стал проявлять особое внимание к себе самому, своему телу, его физическому здоровью.

Появление подробных рассказов, касающихся «чистоты тела и дома», подчеркивает новизну события, его неукоренности в повседневности. Откроем знаменитый роман «Что делать?» (1863). Автор нацелен на новое — он рассказывает о «новых людях», новых личных отношениях, новых общественных начинаниях. И о новой гигиене: сибаритка Вера Павловна любит «брать ванну» (иностранный оборот слов подчеркивает чуждость обычая) каждый день поутру: «сначала вода самая теплая, потом теплый кран заворачивается, открывается кран, по которому стекает вода, а кран с холодной

водой остается открыт, и вода в ванне незаметно, незаметно свежее, свежее, как это хорошо! Полчаса, иногда больше, иногда целый час не хочется расставаться с ванной...» Устроить такую ванную «стоило порядочных хлопот: надобно было провести в ее комнату кран от крана и от котла в кухне; и правду сказать, довольно много дров выходит на эту роскошь...». То есть у Веры Павловны нет еще отдельной ванной комнаты — ее ванна водружена прямо в спальне. Но этот пример в отличие от швейных мастерских на общественных началах не вызвал особого интереса у читателей.

К концу XIX века в городской быт культурных сословий прочно входят умывальники, сменившие кувшин с тазом для умывания. Располагавшие средствами покупают дорогие красивые мраморные умывальники, которые помещают в спальне за ширмой, если нет специального помещения. Роль стационарной ванны очень часто выполняет ее демократичный резиновый аналог — тэб, который разворачивают в любом месте, становятся в него и поливают себя из ковшика, обтираются специальным душистым уксусом. Это устройство было так мобильно и удобно, что получило широкое распространение, его брали в дорогу, не желая отказывать себе в привычном ежедневном омовении.

В богатых домах ванная комната становится предметом особого внимания и гордости, ее демонстрируют гостям. Это большие удобные комнаты со всеми приспособлениями, какие только были известны современной цивилизации, — денег на них не жалели. Роскошными ванными отличались особняки богатого купечества, возводившиеся по проектам знаменитых архитекторов. Во дворцах помимо ванн устраивались бассейны (любителем плавания в бассейне был Николай II). В журналах и газетах того времени постоянно встречается реклама всевозможных гигиенических приспособлений и средств. Чистота тела на рубеже XIX—XX веков — признак культурного человека. Но все же первое место для очищения тела занимала по-прежнему баня, любимая всеми слоями населения.

В замечательной книге О. С. Муравьевой мы встретили такой рассказ, услышанный ею от одного очевидца: «В конце 1940-х годов на одной из постоянных баз геологических экспедиций был исключительно грязный общественный туалет. Но,

разумеется, не это привычное для всех обстоятельство привлекало общее внимание, а то, что на базу в составе одной из экспедиций должен был приехать потомок древнего княжеского рода. “Мы-то ладно, потерпим, — шутили геологи, — но что будет делать Его светлость?” “Его светлость”, приехав, сделал то, что многих обескуражило: спокойно взял ведро с водой, швабру и аккуратно вымыл загаженную уборную... Это и был поступок истинного аристократа, твердо знающего, что убирать грязь — не стыдно, стыдно жить в грязи»³⁷⁹.

Пища

Совместная трапеза во все времена являлась эффективной формой социального взаимодействия — тем, что антропологи называют «комменсальность». Во всех культурах совместная трапеза — важный момент укрепления социальных связей.

На рубеже XVIII–XIX веков общий стол, разделяемый с родными и близкими, поэтизировался в русской культуре, как и вся частная жизнь. Поэт-сентименталист Петр Шаликов писал:

За обед сажусь с родными,
Сердцу милому сему;
Все приятно, вкусно с ними;
Царской предпочту ль ему?

*Приятное и полезное препровождение времени.
Ч. IX. 1796.*

Подобные мысли стали поэтической банальностью, что говорит об их распространенности в обществе.

Перечень блюд, которые поглощались за столом в XVIII — начале XIX века, поражает современного человека. Кажется, столько невозможно одолеть. Представим себе усадьбу состоятельного помещика — вот меню его воскресного завтрака: кулебяка с осетром и вязигой, зернистая икра, паюсная, сыр, сельди. За обедом здесь подавались всегда «два горячих: стерляжья уха и суп; огромная кулебяка, огромная рыба, два холодных: ветчина и говядина; два соуса: фрикесе из цыплят и рагу. Пирожное и бланманже, потом дыни и арбузы...». По-

сле обеда полагалось «часа два» поспать. А попозже вечером следовал ужин: поросенок под хреном, ветчина, к тому же выпивалось «на это еще и стакан сливок»³⁸⁰. В морозное время года все это не казалось чересчур тяжелым.

Представление о том, сколько, что и как надо есть, постепенно менялось. В записках С. П. Жихарева, который уделил еде множество страниц, читаем: «Умеренность — лучший пир», — сказал Державин в стихотворном приглашении своем к обеду... что кажется умеренным одному, то для другого казаться может излишеством, а для третьего сущим недостатком... По-моему, вчерашняя трапеза моя была очень умеренна: именинный пирог, щи, окорок ветчины да часть телятины; но для моего Кобыкова она казалась роскошною; а попотчуй я такими же блюдами его дражайшего родителя... он наверно сказал бы: “Жить не умеет, обед у него как на постоялом дворе”»³⁸¹.

Иные требования уже предъявлялись к внешнему виду: фигуры молодых дам и девиц должны были отличаться изяществом. Плотные формы остались в представлении общества наследием прошедших времен: «Девицы, дочери его, почтенные благородные дамы; сложение дам елизаветинского века, плечистые, благообъятные, благоприятные! Бюст возвышенный опирался на твердом, массивном пьедестале»³⁸², — писал современник в начале XIX века.

Изобилию стола и, скажем прямо, хроническому перееданию способствовало то, что продукты для стола были «свои», они готовились из того, что выращивалось и производилось в собственном хозяйстве. Продукты были дешевы, и даже на рубеже XIX—XX веков, несмотря на все подорожание жизни во всех областях, сохраняли относительно низкую стоимость.

Русская кухня, как и любая народная кухня, складывалась на протяжении долгих веков и имела свои особенности. Помещик и профессор химии А. Н. Энгельгардт, сосланный в 1870 году в свое имение и там близко соприкоснувшийся с народной жизнью, утверждал, что «составом русской пищи, состоящей из растительных веществ известного рода (черный хлеб, гречневая каша)», обуславливается «необходимость кислоты». «Отсутствие кислоты в пище отражается и на количестве работы, и на здоровье, и даже на нравственном состоянии рабочих людей». Ставшая привычной пища вошла в плоть

и кровь культуры, и уже для всех русских, а не только для людей физического труда, стали необходимы и квашеная капуста, и квас, рассольники, а летом — шавелевые щи. («Скучно без икры и без кислой капусты»³⁸³, — пишет из Крыма А. П. Чехов в 1900 г.)

Тяжелый труд в русском климате требовал «прочной еды», а «если при этом есть стакан водки перед обедом и квас, чтобы запить эту прочную, крутую пищу, то пища будет образцовая, самая прочная, такая, при которой можно сделать maximum работы, вывезти наибольшее количество земли, нарезать наибольшее количество дров, выпилить наибольшее количество досок. С такой пищей можно перейти Альпы, перетащить через Балканы, под звуки дубинушки, пушки, отмахать поход в Индию».

Основные блюда, повторял Энгельгардт вслед за нашими бабушками, — это «щи и каша. Уничтожить кашу — обед будет не полный, уничтожить щи — нет обеда»³⁸⁴ (в южнорусских землях говорили: «борщ без каши — вдовец, а каша без борща — вдова»³⁸⁵). В русском дворянском обиходе каша в начале XIX века сохраняла свое место на столе. Мемуарист С. П. Жихарев не раз упоминает и «горшок с кашей» (это была каша «с рублеными яйцами и мозгами, словом, объедение»), и «миску шей» с холодным пирогом, которые с аппетитом поедались под травничек, под рябиновку; на свадьбе мелкопоместных дворян среди других многочисленных и обильных блюд подавали «три или четыре каши» (Э. Стогов).

Богатой была русская молочная кухня: простокваша, топленое молоко, ряженка, сметана, творожные изделия. У Чернышевского Вера Павловна непрерывно наслаждается жирными сливками; утром она «пьет не столько чай, сколько сливки... сливки — это тоже ее страсть... У ней есть мечта иметь свою корову; что ж, если дела пойдут, как шли, это можно будет сделать через год». Чашка пьется за чашкой, но чай пополам с густыми сливками не насыщает привычный к плотной пище желудок, он только «будит аппетит».

Из молочных продуктов наша народная кухня не признавала сыра. Да он и не изготовлялся в России. Исключением были известные сыроварни князя Мещерского. Но как князь ни старался, его труды приводили лишь к относительному успеху. Хотя, как говорил сам хозяин, «сыр готовится совсем

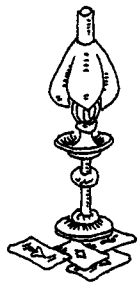
так же, как в Швейцарии» — дело вел выписанный швейцарец, скот тоже был швейцарский, «но одного нет — швейцарской природы, другая растительность, другая трава, и оттого качеству сыра недостигает того, что получается в Швейцарии»³⁸⁶. Сыр подавался только на господский стол наряду с другими иноземными блюдами.

Не производилось в России до известного времени и свое виноградное вино. Первым это начал делать князь Лев Голицын, который изготавливал на «своих великолепных крымских виноградниках “Новый Свет” и продавал в розницу чистое, натуральное вино по двадцать пять копеек за бутылку: “Я хочу, чтобы рабочий, мастеровой, мелкий служащий пили хорошее вино!” — заявил он» (В. А. Гиляровский. «Москва и москвичи»).

Русский стол отличало богатое рыбное меню. В европейских странах к рыбе, как правило, относились несколько свысока, как к простонародной пище. В России же «много ели рыбы — любили леща с кашей, пироги с вязигой, уху из ершей, особенно же карасей в сметане»³⁸⁷, — вспоминал о начале XX века М. Добужинский. Любимые рыбные блюда не перечить: расстегай с соусником ухи, холодная осетрина с хреном, волжский залом. Чтобы представить себе рыбную русскую кухню, достаточно перечить Чехова или Бунина, Куприна или Боборыкина, которые отдали должную дань любимым блюдам. К сожалению, в современном мире, как отмечают исследователи, «рыба в рацион Человека Потребляющего практически не входит»³⁸⁸.

Достойной едой небогатых людей были пироги со множеством всевозможных начинок, кулебяки, расстегаи — с говядиной, ливером, капустой, рыбой и вязигой, яйцами, грибами или курицей. Эта сытная пища в бедных семьях становилась главной: здесь пекли большие пироги, иногда с двумя-тремя начинками. Постные пироги выпекали и ели не только в пост, они ценились в любой день недели. Пирожники, блинники, торговцы гречневиками, жаренными на постном масле, разносчики горячих калачей, баранок, пряников, саек предлагали свои изделия — еду недорогую, демократичную и в отличие от нынешнего фаст-фуда еще и довольно здоровую...

С 30-х годов XIX века и адресаты, и авторы кулинарных пособий — женщины. Тексты обращены к совершенно новому

персонажу, не к поварам или кухаркам, как это было прежде, — а к рачительной хозяйке, которая сама следит за приготовлением пищи и даже сама готовит. Ключевыми становятся «простота» рецептов (правда, современному читателю они никак простыми не покажутся), дешевизна и доступность продуктов, необходимых для приготовления блюда. Иностранные блюда соседствуют в меню со щами и пирогами, коньяк с квасом, формирующий новый слой перемалывает и народные обычаи, и иностранные заимствования.

Завтрак, обед, ужин

Город диктовал свои правила. Ранним утром начинал работать рынок. За свежей провизией отправлялись кухарки, а иногда и сами хозяйки с прислугой. В начале девятого, напившись горячего чаю с булкой или кренделем с маслом, отправлялись в гимназию дети. Они несли с собой завтраки, съедаемые на перемене. Отца семейства ждала чашка кофе или стакан чая (чай пили из стаканов с подстаканниками), молоко или сливки, сдоба, свежее масло и — газета. На столе подолгу стоял самовар, вечный символ уюта, долго хранивший тепло. Женщины оставались дома на хозяйстве, хотя во второй половине XIX века все больше было среди них таких, кто так же, как и мужчины, отправлялся на службу — учительницы, врачи, чиновницы.

Около 12 часов было принято сделать перерыв. Школьники разворачивали принесенные с собой завтраки, чиновники отправлялись в буфет. Оставшихся дома детей кормили кашей с маслом, подавали для старших на стол хлеб, масло, рубленое мясо, чайную колбасу.

Обед был поздним, на стол накрывали от пяти до половины седьмого (обычно в это время возвращались со службы чиновники, приходили домой купцы). Для бедных людей именно обед был главной пищей — на завтрак и ужин беднякам доставались, как правило, только чай и хлеб. Маленькая семья, новое явление эпохи конца XIX — начала XX века, описана в маленькой повести Лидии Чарской: «Мама целый день проводила на службе», домой возвращалась «всегда к пяти часам, усталая... В ту же минуту няня приносила миску с супом,

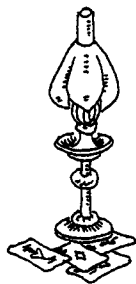
и мы сядились обедать» («Записки сиротки»). Это обыкновение было просто необходимо усталому и продрогшему человеку, только пришедшему домой, — едва он успевал перешагнуть порог, ему тут же подавали горячее. Усталость и озноб отступали.

В состоятельных домах стол был гораздо обильнее, чем тот, о котором говорит Чарская. Так, в доме богатых купцов Андреевых «за завтраком подавалось два блюда — первое: мясное (ростбиф, бифштекс, мясные котлеты с соответствующим гарниром) или рыба (белуга, осетрина, навага); на второе что-нибудь мучное: творожники, блинчики. За обедом три блюда: на первое суп с пирожками; на второе — жареный гусь, утка, кура (по воскресеньям рябчики или индейка); на третье — гурьева каша, воздушный пирог, пломбир, мороженое»³⁸⁹.

К обеду вся семья собиралась к определенному часу, и опозданий не допускалось, — так было и в XVIII веке, и в начале XX. Совместная трапеза была священнодействием, и за столом было принято придерживаться строжайшего порядка. Каждый занимал свое место. Перед хозяйкой ставили супницу, она разливала половником горячее по тарелкам, и их раздавали всегда строго по раз и навсегда установленному порядку. Последними в этой очереди были дети. (Кстати, дети не могли отдавать слугам приказы от своего имени, а только передавали их от имени старших: «маменька приказали» или «папенька велели сделать».)

Около 10—11 часов вечера во многих домах подавался легкий ужин из закусок — селедка, колбаса, сардинки, сыр с маслом, остатки жаркого от обеда, чай или пиво. После ужина — отход ко сну. «Таков образ жизни чиновника семейного, живущего своим домом»³⁹⁰.

Стол должен был быть накрыт в соответствии с заведенным порядком. Самовар начищали до блеска, ему надлежало блестеть «как жар», салфетки — белоснежны, безупречна скатерть, начищены приборы. В дворянских и богатых культурных купеческих семьях не подавали пестрых скатертей, вязанных салфеток, разрозненных сервизов, надколотой посуды. Торжественный ритуал совместных трапез сохранял весь свой сложный порядок в семьях аристократии, о чем подробно повествуют мемуары С. Е. Трубецкого, С. В. Голицына и многих других.

В интеллигентской среде стол накрывали подчеркнуто спартански, отношение к сервировке было таким же, как и к одежде, к мебелировке. В бедном доме принимали гостей так: «На столе, на простых фаянсовых тарелках, лежали нарезанная тоненькими ломтиками чайная колбаса, холодная корюшка, стояла сахарница, наполненная доверху ванильными сухариками...» (Л. Чарская. «Во власти золота»).

О праздничном столе

Праздничный стол, разумеется, был гораздо более обильным и богатым в любом семействе. Торжественнее всего праздновались именины: уже с утра знакомые присылали «кондитерские пироги». Отправляясь в гости, можно было зайти в хорошую кондитерскую, чтобы купить конфет или пирожных. Горожане хорошо знали, где можно было купить самые лучшие яства. В Петербурге, как говорят разные мемуаристы, лучшие конфеты приобретали в магазинах М. Конради и Г. Бормана, витрины которых перед Рождеством и Пасхой украшали снежными глыбами сахара, елками, рождественскими дедами, нарядными коробочками и бонбоньерками, и петербуржцы специально приходили любоваться на них. В дореформенные времена богатые помещики обучали своих крепостных профессии кондитера и имели к своему столу конфеты, мороженое и всевозможные десерты домашнего производства. Позже каждый горожанин даже с не слишком большим доходом мог позволить себе изредка приобрести разные и хорошо приготовленные лакомства. Такие возможности предоставлял своим обитателям город.

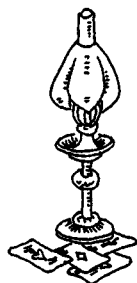
Собирались в 8—9 часов, на ужин, — к обеду же гостей приглашали редко. Пили чай, играли в карты, музицировали, пели и танцевали под собственный аккомпанемент. Часов в 12 или в начале первого шли ужинать. На первое в домах средней руки подавалась обычно рыба — отварная форель или лососина под соусом с гарниром, холодная осетрина, приправа из соусов или из хрена с уксусом; на второе приготавливали жареную дичь — рябчиков, индюшатину, цыплят; на третье — мороженое или фрукты. Ужин продолжался самое меньшее полтора часа, вставали из-за стола около двух часов ночи.

Шампанское, как говорили, «в сапожках ходит», «кусаётся», оно подавалось редко, в самых торжественных случаях³⁹¹.

Времена года, четко определенные в русском климате, создавали острое чувство перемен. В разделении буден и праздников, поста и обильной пищи имелся глубочайший смысл. Этот порядок позволял по-настоящему ощутить и то, и другое, глубже прочувствовать их.

Каждый сезон нес свои события, приход которых предвкусывали. Любимейшими праздниками были Рождество и Новый год, когда наряжалась елка, готовились подарки: «...Идет волшебница-зима и ведет за собой волшебную вереницу балов, пикников, *folie journée*, *soirée travestie*, словом, весь пестрый кортеж праздников»³⁹². Детям эти дни запоминались навсегда. Т. Л. Сухотина-Толстая рассказывала, как мать приносила мешок с грецкими орехами, которые дети сами с ее помощью золотили и серебрили, также клеили нарядные бонбоньерки, корзиночки, звезды, соревнуясь, кто придумает игрушку интереснее. Для малышек было принято устраивать сюрприз — елку наряжали тайком, зажигали на ней свечи, и только тогда она предстала перед изумленными детьми во всем своем великолепии.

Любимым праздником была масленица, не случайно имевшая прозвище «веселая». Как писали журналисты, в это время «из всех труб целый день вьется дым: везде пекут блины»³⁹³. После долгого Великого поста с особым чувством ожидалась Пасха. Заботливо приготавливались праздничные блюда: пеклись затейливые куличи, по многообразным рецептам делались пасхи (вареные и невареные, сметанные и творожные, шоколадные и фисташковые). В купеческой семье «приготовления к Светлому празднику начинались с первых дней страстной недели. Из сливочного масла, например, делали форму барашка, лежащего на тарелке. Рога заменялись восковой свечой... глаза делали из корицы, а в рот барашку клали немного зелени, которая висела вниз, изображая траву... Каждый стремился принять участие в приготовлениях к празднику»³⁹⁴. Дети собирали яйца, «начинали заготавливать краски, резали цветные бумажки, щипали разноцветные ниточки, заготавливали луковую шелуху — и в Великий четверг торжественно красились яйца»³⁹⁵.

Новые времена

В 1870-е годы, проезжая по старым московским кварталам, где жили дворяне, современник видел явственные следы разорения дворянского сословия: «Он видел кругом одно падение... Каждый раз, как он попадает в эти края, ему кажется, что он приехал осматривать “катакомбы”. Он так и прозвал дворянские кварталы. Едет он вечером по Поварской, по Пречистенке, по Сивцеву Вражку, по переулкам Арбата... Нет жизни. У подъездов хоть бы одна карета стояла. В комнатах темнота. Только где-нибудь в передней или угловой горит “экономическая” лампочка...» (П. Д. Боборыкин. «Китай-город»).

Но разорение помещичьего сословия не привело к исчезновению в городах особняков и односемейных домов, окруженных садами. При этом уже с 1830-х годов начиналось строительство доходных домов. Горожане нуждались в жилье, и рост этажей вверх был неизбежен.

Жизнь в городской квартире влекла за собой изменение домашнего уклада. Пространство квартиры — не то что собственный дом. Квартира замкнута в своих границах, а дом имеет выход в сад, и тем самым пространство не только увеличивается, но и имеет другое качество: человек не отчуждается от природы так радикально, как в многоэтажке.

В городских домах было то, чего не знали деревенские жители, — черная лестница, «слабая сторона существования петербуржцев, вечный источник беспокойства и хлопот для полиции и санитаров, изнанка жизни. Однажды какой-то философ выразился так: “Если хочешь знать, как живет петербуржец, — изучай его с черного хода!”»³⁹⁶. По черной лестнице передвигалась прислуга, поднимали вверх дрова, на черной лестнице располагались уборные. Черная лестница, темная, грязная, была, как писали журналисты, «суцкая клоака грязи и заразы», здесь всегда плохо пахло. У выхода с черной лестницы устраивали помойную яму и канализационные выходы: «приемники для отхожих мест сплошь и рядом устраивались чуть ли не под самым жилым помещением, без всяких приспособлений к их проветриванию»³⁹⁷.

Мало кто из горожан владел недвижимостью в городе — домовладение было большой редкостью. Так, в Петербурге до-

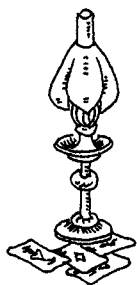
мовладельцев насчитывалось всего полпроцента населения, в Москве их было немного больше. Сдача жилья в аренду не являлась для них исключительным средством получения дохода — в Москве таких было около 50 процентов домовладельцев, и около 70 процентов насчитывалось в других городах³⁹⁸, остальным приходилось искать дополнительный заработок. Даже элита чиновничества снимала квартиры — лишь 4 процента высших государственных служащих имели собственное жилье в столице.

С середины августа на воротах дворов и в окнах домов вывешивали «билетики» — объявления о сдаче жилья. Значительное число домовладельцев организовывали пансионы — сдавали комнаты и квартиры «с дровами» и со столом, и это было большим подспорьем в бюджете. Немало женщин (вдовы чиновников, офицеров) сделали сдачу комнат своим промыслом³⁹⁹.

В начале XX века ситуация на рынке жилья складывалась так, что специалисты делали однозначный вывод: «Домовладение как способ извлекать прибыли — вот усиливающаяся тенденция городского влияния. Квартиры дорожают»⁴⁰⁰, и эта картина хорошо нам понятна.

Новой чертой городской жизни становится самостоятельно живущая женщина «из хорошей семьи». Женщины-курсистки начинают жить так, как уже давно жили студенты: снимались квартиры на несколько человек, велось общее хозяйство. Так, в 1873 году в Киеве возникла «коммуна интеллигентной молодежи», в которую входили студенты и девушки, учившиеся на акушерских курсах. Они сняли две большие комнаты и кухню в светлом, сухом полуподвале. Жильцы часто сменялись, у них останавливались участники «молодежного революционного движения». В этой коммуне было принято самим убирать за собой, из прислуги была лишь кухарка⁴⁰¹. Питирим Сорокин, студент университета Шанявского, подрабатывавший репетиторством, снимал с друзьями комнату в квартире, а в трех остальных жили студенты и две курсистки-бестужевки и хористка Народного дома⁴⁰². Подобным образом устраивали свою жизнь подавляющее число студентов и студенток.

Дворянский уклад был воспринят только незначительной частью «нового» общества. Демократические слои, которые активно вовлекались в общественную жизнь во второй поло-

В. Маковский. Вечеринка. 1897

вине XIX века, в большинстве своем не получили достойного воспитания, не имели хороших манер, гигиенических привычек и в односторонности приобрести культурный навык не могли. Для них дворянская культура являлась не просто чужой, но, более того, воспринималась как враждебная и вызывала отторжение. Ненависть к барству, к элите, переносилась и на дворянскую культуру во всей ее совокупности.

«Новые люди», противопоставляя себя элите, культивировали свои недостатки, возводя их в разряд достоинств. «Опрощение во всем обиходе домашней жизни и в привычках считалось необходимым условием для людей прогрессивного лагеря... Каждый должен был одеваться как можно проще, иметь простую обстановку; наиболее грязную работу, обыкновенно исполняемую прислугой, делать по возможности самому»⁴⁰³.

Владимир Маковский, написавший «Вечеринку», не льстит своим персонажам. На полотне — стол с нечищеным самоваром, прямо на скомканной бумаге свалена закуска, рядом стаканы с недопитым чаем. На переднем плане стоит, сгорбившись, молодой человек в толстовке. Его руки засунуты в карманы, штаны пузыряются на коленях, волосы всклокочены. В центре композиции — молоденькая девушка в темной юбке и глухой блузке, самозабвенно декламирующая что-то наизусть. Пол комнаты усыпан мусором и окурками. Каждый жест, поза персонажей, каждая деталь интерьера — все это бьет в глаза, противоречит нормам традиционного общества. Эта неряшливость, безытность не случайна — она декларативна. Подобную же обстановку описывает и художественная литература: «Всюду — и на паркетном полу, и на столах, и между бумагами, валяются окурки папирос. Хотя все комнаты оклеены всего несколько месяцев, но местами обои оказываются уже сорванными или обрызганными чернилами. Брызги чернил также не пощадили ни сукна конторских столов, ни зеленый репс редакторских диванов» (С. В. Ковалевская. «Нигилист»). Молодые люди, собравшись на вечеринку, собирают наскоро на стол. Соседка подает юноше кусок колбасы: «Нужно бы покрасивее, да лучше не умею. — Бросьте это... Вы все убиваетесь по отсутствию красоты, а вам бы давно пора понять, что настоящая красота в том, чтобы избавить человека от голода»⁴⁰⁴, — даже простой бутерброд для «ново-

го человека» становится поводом для провозглашения своего кредо. Таков был общественный настрой, заражавший широкие слои молодежи: «Я помню, с каким шиком и вкусом две барышни уписывали ржавую селедку и тухлую ветчину из мелочной лавки, и я убежден, что никакие тонкие яства в родительском доме не доставляли им такого наслаждения на студенческой мансарде»⁴⁰⁵.

«Равнодушие ко всем благам быта чисто спартанское», — типичная особенность идейной русской интеллигенции начиная с 60-х годов XIX века, когда даже «новые тюлевые занавески казались развращающим мещанством»⁴⁰⁶. Наиболее ярко эти взгляды выразила писательница и мемуаристка Е. Н. Водозова: «У нас небольшие достатки, а если бы и были лишние деньги, нам стыдно было бы бросать их на такой вздор, как обстановка. Особенно это стыдно теперь, когда народ пухнет от голода!.. По части обстановки, одежды и всяких житейских удобств в молодом поколении уже выработано два непоколебимых принципа: человек должен иметь только то, без чего он не может обойтись, и постоянно стремиться к тому, чтобы сокращать свои потребности, довести их до минимума, иметь только самое-самое главное, только то, от недостатка чего страдает организм...»⁴⁰⁷

Бедностью нередко бравовировали. Мы читаем в воспоминаниях, как мужчина, не мучаясь «ложной скромностью», просит девушку подвезти его на извозчике — у него, мол денег нет и нога болит.

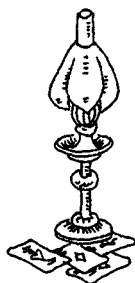
Расхлябанность и неряшливость культивировались как признаки богемы, чистота и опрятность воспринимались как признаки ограниченности, бюргерски однообразной жизни. Мемуаристка вспоминала, как однажды, уже в начале XX века, пришла в гости к популярнейшей фельетонистке Тэффи (Лохвицкой): «В ее комнатухе стоял диван, из которого вылезали конский волос и мочала, на столе шипел плохо вычищенный самовар и лежали в бумаге сыр, масло и колбаса — по-студенчески», сама хозяйка полулежала на диване, закинув красивые руки за голову, и декламировала: «Я люблю купаться в жемчугах»⁴⁰⁸.

Но стремление к чистоте, уюту, покою и домашнему теплу оставалось непреодолимым. Молодая жена сотрудника журнала «Современник» с любовью обживает в своей небольшой

квартире при редакции собственный, дамский уголок: «Марусин будуарчик весь капитонирован кретонном в больших розовых букетах. Пол устлан брюссельским ковром. Всюду поставлены кушетки и пуфы разные; на стенах всюду полочки, уставленные разными нарядными безделушками... Муж и все его волосатые приятели трунят над Марусей за ее пристрастие ко всему нарядному и изящному. “Отсталая вы, — говорят ей, — не знаете вы, сударыня, что эта эстетичность отжила свой век. Порядочные люди живут теперь просто, по-мужичьему”. Да, все они над ней смеются, а вот, поди, сами так и норовят забраться к ней в будуарчик. И много приходится бедной Марусе спорить со всеми волосатыми приятелями мужа за чистоту и неприкосновенность своего будуара», они все так и пытаются «входить в грязных сапогах прямо с улицы» и кидать окурки папирос на ковер (С. В. Ковалевская. «Нигилист»).

Городская жизнь, как известно, повсюду означает уменьшение зависимости от времен года и погоды. Обеспеченные люди, имевшие в своем распоряжении различные средства, в наибольшей степени выпадали из естественного природного ритма. К их услугам было постоянное и ровное тепло, яркое освещение, удобная теплая одежда, собственный транспорт. И все же в России климатический фактор всегда будет иметь особое значение, и поэтому приспособление к нему имеет вечный смысл. Традиционное устройство дома, одежда, пища и питье — все это нацелено на то, чтобы помочь человеку выживать и устраиваться в сложных условиях. Городская жизнь и индустриальная эпоха меняли эти условия, но все же не до конца — кое-что оставалось неизменным.

Интересно, что объем квартир измеряли не только в квадратных саженях, но и в кубических, потому что в конце XIX века очень большое значение стали уделять вопросам гигиены: и санитарных врачей, и архитекторов волновало, сколько было воздуха в жилье.

Всеми достижениями современной цивилизации снабжались барские квартиры. Словосочетание «барская квартира» было вполне устойчиво и общеупотребительно, оно использовалось не только в устной речи, но и в периодике, мемуарах, художественной литературе. Самыми престижными считались те, что располагались на втором, третьем и четвертом этажах. Журнал «Домовладелец» в 1898 году пишет, что квар-

тиры во вторых этажах нередко состоят из 15 комнат и на комнату приходился один человек.

В лучшие из барских квартир вели светлые мраморные лестницы, они имели большие балконы, телефоны, камины и даже фонтаны, к ним прилагались холодильные камеры в подвалах и стоянки для экипажей и автомобилей. К услугам их обитателей были «подъемные машины», иначе говоря, лифты, которые в это время начинают постепенно распространяться в столице, и в журналах мелькает реклама: «Лучшая подъемная система Отис». Хотя, конечно, в конце XIX века лифты оставались большой редкостью: «В некоторых домах Петербурга имеются подъемные машины, и они служат пока только редкой диковинкой, приспособленной исключительно для комфорта богатых людей»⁴⁰⁹.

В модных журналах давалось описание дамских будуаров, спален, кабинетов, рекомендовалось оформлять в бело-розовых цветах комнаты для брюнеток, а в бело-голубых для блондинок. Адресатами таких «гламурных» текстов было ничтожное число богатых квартиросъемщиков. В богатых квартирах подчеркнуто роскошно устраивались детские: «...Комнатка, оклеенная новыми голубыми обоями, с мягкой будуарной мебелью, с японскими ширмочками, за которыми приютилась уютная нарядная кровать и похожий на игрушку умывальник»; кроме того, в комнате «изящный столик со всеми принадлежностями для письма, не исключая нарядного бювара из голубой кожи с вытесненными на нем золотом миниатюрными голубками» (Л. Чарская. «Белые пелеринки»).

В Петербурге в начале XX века выше четвертого этажа, в квартирах, которые считались самыми неудобными, жило 13 процентов населения⁴¹⁰. Но эти квартиры, схожие по размеру и уровню комфорта, были и едва ли не самыми доступными. В повести Л. Чарской «Гимназистки» такую квартиру снимают бабушка с сиротой-гимназисткой на пенсию в 35 рублей 62 копейки.

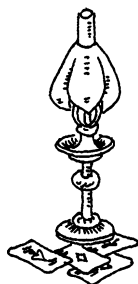
Но даже в самой бедной каморке рубежа XIX–XX веков можно было встретить сохраняющие память семейные фотографии. Пришедшие на смену заказным, доступным немногим живописным портретам, они выражали глубокую потребность человека ощутить себя частью рода. Фотография в известной мере демонстрировала демократизацию жизни.

До последних дней Российской империи в обществе сохранялись сословия, и каждое сословие имело свой домашний уклад. Но при этом начиналось смешение сословий, появлялась все большая прослойка городского населения, выходцев из разных сословий, которую иногда совершенно неверно называют «интеллигенцией». Это были образованные, культурные горожане, стремившиеся делать карьеру и получать достойное жалованье за свой труд, ориентированные на устойчивую семейную жизнь (а часто и многодетность). Среди важных для них вещей помимо хорошего образования для детей обязательной составляющей являлся комфорт в повседневной жизни.

В конце XIX века начинал выработываться новый стиль городской квартиры, который, при отсутствии устойчивой культуры, складывался медленно, да так и не успел сформироваться. Прежде состоятельные помещики и владельцы особняков в городах по большей части нанимали архитекторов и художников, которые не только возводили дома, но и продумывали всю их обстановку. Теперь же, когда образованный класс расширился, потребитель нередко сам занимался домашним интерьером. Советчиками хозяев становились журналы, в которых давались рекомендации по домашнему устройству и этикету.

В конце XIX века такой же популярностью, как ныне слово «экология», пользовалось слово «гигиена». Исходя из гигиенических соображений, критиковался обычай, согласно которому в спальнях «кровати часто отделяются перегородкой, двери которой увешаны тяжелыми занавесками, согласно требованиям всемогущей моды»⁴¹¹. Все чаще говорилось о том, что тяжелые занавеси, драпри, перегородки собирают пыль и препятствуют движению воздуха. Не обходилось и без ссылок на науку: «Нашими психиатрами давно доказано, что цвета имеют большое влияние на расположение духа, а потому, где по неволе приходится мириться с полутемною комнатою, ее не только следует оклеить желтыми (солнечного цвета) обоями, но и шторы в ней должны быть из желтого же колленкора»⁴¹².

Центром русского жилья, его, как сказали бы римляне, «фокусом» была печь. «...Самая важная по ценности и по назначению — печная часть здания»⁴¹³, — утверждает специализированный журнал. Печи в домах рубежа XIX–XX веков

были нескольких типов: голландские изразцовые, круглые железные и камины, которые отапливались в основном дровами, реже — углем и торфом. Ломовик с возом дров — привычная фигура на улице дореволюционного города; топливо хранили в деревянных сараях во дворах домов, откуда их по мере надобности забирали и доставляли в квартиры дворники. При сдаче квартиры обязательно оговаривалось, сдается жилье «с дровами» или без — этот пункт имел существенное значение: расход дров был немалым, и цена, соответственно, увеличивалась или уменьшалась.

Автор одной специальной статьи, из «гражданских инженеров», с сожалением констатировал, что пока не существует идеальных систем отопления и «в большинстве случаев наши комнатные печи были устроены так, что они никогда не поддерживали в наших жилищах более или менее равномерной теплоты; нагревшись хорошо, они повышают комнатную температуру градусов до 18 и даже более, часов же через пять температура падает до 13, а еще часа через 3—4 становится уже прямо холодно»⁴¹⁴.

Не меньшее внимание уделялось кухонным плитам. Авторы публикаций занимались подсчетом экономичности: утверждалось, что «электричество в десять раз дороже газа», варка на газовом топливе на 1/3 быстрее, чем на каменном угле, а газовая варка на 1/5 дешевле дровяной⁴¹⁵. В журналах описывались наисовременнейшие грелки, кипятильники, кухонные очаги, камины, печи на газу.

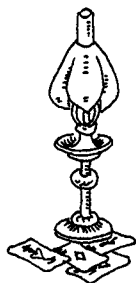
В повседневный быт только-только начинала входить столь привычная для нас газовая плита (самые простые их варианты стоили не дешевле 7 рублей). Но непривычных кухарок газовые плиты порой отпугивали. Характерный случай найма прислуги описывает современница: хозяйка, договорившись о найме кухарки, «имела неосторожность похвастать перед ней, что у нее газовая плита. Та встрепенулась: — Газовая плита? В жизни не видала. Нет уж, как хотите, боюсь. — Да, Господи, ведь это гораздо удобнее. Подумайте, сколько возни, пока растопите плиту, а тут чиркнул спичкой и готово... — Да нет уж, не пойду»⁴¹⁶.

Журналы рубежа XIX—XX веков полны описаний идеальных кухонь. Вот одно из них, сопровождаемое симпатичной картинкой: «Медный рукомойник с тазом на шкафчике. Мед-

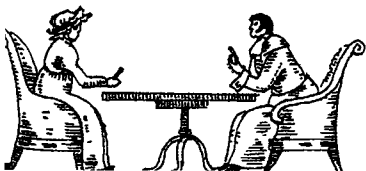
ная посуда: кастрюли, сковородки, сито, воронки, тазы для варенья, рыбные кастрюли, котелки. Кухонные столовые ножи. Машинка для котлет. Мраморная ступка... Газовый рожок. Ящик для сора, ведро для воды. Плита. Газовый аппарат для жарения на вертеле. Весы, сосуд для сохранения бульона горячим. Фильтры, кофейники, лоханочка для мытья посуды, чугуничик, глазированные горшки»⁴¹⁷. «Лоханочка для мытья посуды» вызывает вопросы — в литературе встречается описание встроенной в кухонную столешницу емкости, которую, как жаловались современники, было очень трудно освободить от жира и грязи (ведь тогда еще не знали эффективных моющих средств): «В небольших квартирах в очаг вделывают открытые чугунные котлы, в которых производится и нагревание воды, и мытье посуды»⁴¹⁸.

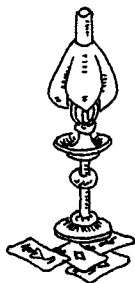
В домашний быт постепенно внедрялись технические новинки. Запасы провизии издавна хранились в ледниках — в подвалах домов, в специальные деревянные срубы укладывался заготовленный зимой на реках лед. На смену этой патриархальной системе приходят «ледоделательные и холодильные машины»⁴¹⁹, русские инженеры формируют собственный, Русский комитет первого Холодильного конгресса в Париже. В журналах появляется реклама «искусственного льда», «комнатных переносных шкафов-ледников».

Корреспондентка «Женского дела», говоря о занятости современной женщины⁴²⁰, утверждает, что наступает новая эра в домашнем хозяйстве: теперь «каждая отдельная отрасль домашнего хозяйства перешла к специалистам», в крайнем случае женщина только белье шьет сама, и лишь «приготовление обедов упорно удерживается в семье». Дальнейшие соображения журналистки вызывают в памяти речи Клары Цеткин, призывавшей к «эмансипации от печного горшка»: «Как бы велики ни были материальные неудобства домашнего хозяйства, все-таки они незначительны сравнительно с тем вредным влиянием, какое это занятие оказывает на нравственную и умственную природу женщины... Занятие домашним хозяйством делает женщину мелочной и раздражительной, — утверждает корреспондентка и дает рецепт, как избавиться от этого зла. — Упразднение кухни из домашнего обихода, вместе с упразднением необходимой при кухне прислуги, устранит много домашних огорчений и неприятностей».

Такие идеи имели большое распространение в первые десятилетия XX века. Но попытки их реализации доказывали, что благополучная семейная жизнь вне домашнего уклада, который создает женщина, невозможна. Когда сбита с толку женщина устранилась от домашнего уклада, воцарялся хаос, и от этого страдали прежде всего самые слабые — старики и дети. С другой стороны, наряду с подчеркнуто демократическим опрошенным бытом с конца XIX века формировался новый, более рациональный домашний обиход, создательницей которого становилась образованная работающая женщина.

С конца XVIII до начала XX века русская семья прошла в своем развитии колоссальный путь: от патриархальной, освященной религией и традицией, авторитарной, многодетной, где воедино были слиты продолжение рода, владение и управление собственностью, — до современной, малодетной, детоцентристской семьи городского типа. Изменения происходили в высших слоях общества, прежде всего затрагивая дворянство, верхушку купечества и интеллигенцию. Именно здесь был выработан новый тип городской семьи. В это время семья продемонстрировала невероятные возможности развития, и одновременно проявлялись тенденции, приводящие к ее разрушению.

Кризис дворянских патриархальных семей был связан с реформенным разорением дворянства. И самое важное следствие этого — изменение положения женщины в семье и обществе. К концу XIX — началу XX столетия женщины получили разветвленную систему образования, дававшую им подготовку, практически не уступающую мужской. Выбор доступных женщинам профессий расширился — отныне женщины не только учителя и врачи, но и агрономы, инженеры, экономисты, ученые, государственные служащие.

Возможность получить образование и заниматься профессиональной деятельностью давала женщинам выбор — создать семью, посвятить себя профессии или постараться совместить то и другое. Развитие городской цивилизации все в большей степени предопределяло третий путь. Традиционное распределение гендерных ролей предполагало, что женщина выра-

жает себя через других, создавая условия для роста и развития мужа, воспитывая и образовывая своих детей. Но если раньше эта великая способность женщины любить и жертвовать была в большей степени предписанной, то теперь она становится вопросом личного выбора. Современный мир дает возможность женщинам прожить разные жизни в одной судьбе: получить образование, работать, а потом выйти замуж и родить детей или, наоборот, — вырастив детей, пойти работать или же совместить то и другое.

Какое-то время новый тип семьи, сложившейся в верхних слоях общества, сосуществовал с крестьянско-патриархальным миром. Однако эволюционное развитие России было прервано политическими катаклизмами начала XX века и даже озаменовано революционным экспериментаторством в семейных отношениях — попытка коллективного воспитания детей, обобществленный быт, проповедь свободной любви.

Пройдя период потрясений, общество с неизбежностью возвращается к пониманию ценности семьи. Патриархальная семья в ее прежнем виде уже не может стать численно преобладающей, в обществе сосуществуют и взаимодействуют разные типы семей.

Патриархальность становится, как правило, прекрасной метафорой для определения семей, основанных на любви и уважении, почитании старших, мудром воспитании детей. Здоровый инстинкт нации заставляет нас стремиться к таким образцам. В современном ритме XXI века сохраняются элементы патриархального уклада, и, несмотря на все гендерные сдвиги, женственность покоряет людей, а выживание нации зависит от выбора, сделанного женщиной.

- ¹ См.: Вортман Р. Российская императорская семья как символ // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 51.
- ² Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 359–360.
- ³ Рассказы бабушки [Рассказы Е. П. Яньковой]. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 292.
- ⁴ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 46.
- ⁵ Гончаров Ю. М. Социальное развитие семьи в России в XVIII — начале XX века // Семья в ракурсе социального знания. С. 29.
- ⁶ Кизеветтер А. А. Взгляды старой и новой России на общественное положение женщины // Журнал для всех. 1902. № 5. С. 587.
- ⁷ Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881. С. 157 (курсив наш. — *Авт.*).
- ⁸ Рассказы бабушки. С. 49.
- ⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁰ Там же. С. 123.
- ¹¹ Там же. С. 197.
- ¹² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 373.
- ¹³ Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 16.
- ¹⁴ Рассказы бабушки. С. 201.
- ¹⁵ Подробнее см.: Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII — начало XX века. М., 2006. С. 115–119.
- ¹⁶ Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. М., 1995. С. 286.
- ¹⁷ Аксаков С. Т. Семейная хроника. М., 1991. С. 11.
- ¹⁸ Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи. Нижний Новгород, 1913. С. 4–5.
- ¹⁹ Аксаков С. Т. Семейная хроника. С. 103.
- ²⁰ Рыбникова М. А. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. М., 1913. С. 44.

- 21 В литературе, впрочем, высказываются и прямо противоположные точки зрения, где, к примеру, Анна Каренина «представляет собой европейский тип брачности», и противопоставлена традиционному типу: Белякова Е. Брак и развод в России XIX в. // Первое сентября. 2001. № 15.
- 22 Кристи А. Автобиография. М., 2007. С. 190.
- 23 Толычева Т. Семейные записки. М., 1865. С. 44.
- 24 Пушкин А. С. В 179* году возвращался я... // Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1975. С. 441.
- 25 Рассказы бабушки. С. 12.
- 26 См.: Зилоти В. П. В доме Третьякова. М., 1998.
- 27 Башкирцева Н. Д. Из украинской старины // Русский архив. 1900. Кн. 1. С. 336; мн. др.
- 28 Старушка из степи. Приживальщики и приживалки // Русский архив. 1883. Ч. 3. С. 71–79.
- 29 Вяземский П. А. Московское семейство старого быта // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 311.
- 30 Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 169.
- 31 Харузина В. Н. Прошлое. М., 1999. С. 157.
- 32 ПСЗ. Т. V. № 2789.
- 33 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 1. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. СПб., 1905.
- 34 Цит. по: Дубовников А. Воспоминания «корчевской кузины» Герцена // Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. М., 1963. С. 12–13.
- 35 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. М., 1987. С. 61–62.
- 36 Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 2006. С. 27. Знаки препинания автора.
- 37 Морозов С. Д. Демографическое поведение сельского населения европейской России (конец XIX — начало XX в.) // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 99.
- 38 См.: Городское дело. 1910. № 20. С. 1407.
- 39 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 78.
- 40 Там же. С. 79.
- 41 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 2. М., 1987. С. 156–157.
- 42 Рассказы бабушки. С. 338.
- 43 Чехов А. П. Письмо О. Л. Книппер от 1–2 февраля 1903 г. // Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т. 12. С. 474. Письмо написано за год до введения закона о праве женщин получать вид на жительство без согласия мужа.

- ⁴⁴ Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин в XVIII — начале XIX века // Семья в ракурсе социального знания. С. 203.
- ⁴⁵ Дмоховский А. О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. Кн. 7. С. 75.
- ⁴⁶ Безобразов В. П. О правах женщины. М., 1895. С. 6.
- ⁴⁷ Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург, 2000.
- ⁴⁸ Кристи А. Автобиография. С. 190.
- ⁴⁹ Жизнь в свете // Вестник моды. 1888. № 37. С. 396.
- ⁵⁰ Иванова. Наши депутаты // Женский вестник. 1909. № 3. С. 84–87.
- ⁵¹ См., к примеру, о подобном скандальном заседании Думы: Женское дело. 1911. № 6. С. 2.
- ⁵² Ковалевская С. Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 57.
- ⁵³ Там же. С. 33.
- ⁵⁴ Там же. С. 32.
- ⁵⁵ Там же. С. 66.
- ⁵⁶ Там же. С. 70–71
- ⁵⁷ См. о фиктивных браках: Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. С. 246–248.
- ⁵⁸ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 90.
- ⁵⁹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. С. 110.
- ⁶⁰ Там же. С. 178.
- ⁶¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 177.
- ⁶² Шкловский В. Б. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Жилибыли. М., 1973. С. 21.
- ⁶³ На помощь матерям. 1899. Декабрь. С. 341.
- ⁶⁴ Хроника городской жизни // Городское дело. 1910. № 3. С. 211.
- ⁶⁵ Практические советы при кормлении грудью // Новь. 1908. № 3. Эта тема поднимается постоянно: Хозяйка дома. Приложение к журналу «Новь». 1909. № 1. С. 8. Регулярно материалы на эту тему публикуются в журнале «На помощь матерям». См. также: Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6 (в статье говорится о том, что высокая смертность младенцев была обусловлена тем, что «в православных, то есть по большей части русских семьях... традиционно было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм или лишать его вообще грудного молока»). Мы так подробно останавливаемся на этой теме, поскольку она является дискуссионной.
- ⁶⁶ Мы имеем в виду не этнографический термин. Слово «большая семья» употребляется нами в его первобытном смысле, то есть многочисленная семья.
- ⁶⁷ Шкловский В. Б. Лев Толстой // Шкловский В. Б. Собр. соч. Т. 2. М., 1974. С. 546 (курсив наш. — *Авт.*).

- ⁶⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXIX. М., 1954–1965. С. 317.
- ⁶⁹ Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 10.
- ⁷⁰ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № II. С. 177.
- ⁷¹ Вересаев В. В. Воспоминания // Вересаев В. В. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1948. С. 13.
- ⁷² О «синих чулках» мы уже писали, см.: Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. С. 144.
- ⁷³ Местр Ж., де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 47.
- ⁷⁴ Письмо В. А. Жуковского к графине Ю. К. Барановой 2 (14) марта 1824 г. // Русский архив. 1885. № 6. С. 323 (курсив наш. — Авт.).
- ⁷⁵ См.: Жихарев С. П. Записки современника. М. — Л., 1955.
- ⁷⁶ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 107.
- ⁷⁷ Семья и школа в деле женского воспитания. Б/м, 1862. С. 4–5.
- ⁷⁸ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 384 (Дамский журнал. 1830. № 10).
- ⁷⁹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 76.
- ⁸⁰ Львов Г. Е., кн. Воспоминания. М., 2002. С. 27.
- ⁸¹ Шкловский В. Б. Собр. соч. Т. 1. С. 34.
- ⁸² Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 110.
- ⁸³ Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи.
- ⁸⁴ Бунин Ю. Взгляды крестьян на женскую грамотность // Женское дело. 1910. № 33–34. С. 2–3.
- ⁸⁵ См.: Журнал для всех. 1900. № 12. С. 1527.
- ⁸⁶ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 37.
- ⁸⁷ Панченко А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. 2004. № 3. См. также о воспитании в допетровские времена: Пушкарева Н. Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X — XV веках) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6.
- ⁸⁸ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. С. 143.
- ⁸⁹ См.: Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университет для России. Т. 3. Университетский благородный пансион 1779–1830. М., 2007. Глава «Воспитание».
- ⁹⁰ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 125.
- ⁹¹ Рыбникова М. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. С. 32.
- ⁹² Грот Н. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. Издание семьи. СПб., 1900.

- ⁹³ См.: Жизнь в свете. С. 395.
- ⁹⁴ Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 79.
- ⁹⁵ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 41, 52.
- ⁹⁶ Харузина В. Н. Прошлое. С. 144.
- ⁹⁷ Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М., 1996. С. 34.
- ⁹⁸ Кузьминская Т. А. Моя жизнь. М., 1959. С. 47–48.
- ⁹⁹ Голицын С. М. Записки уцелевшего. С. 67.
- ¹⁰⁰ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 114.
- ¹⁰¹ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. С. 121–122.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Кузьминская Т. А. Моя жизнь. С. 59.
- ¹⁰⁴ Лихачев Д. С. Воспоминания. М., 2007. С. 23–24, 27.
- ¹⁰⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921.
- ¹⁰⁶ Кузьминская Т. А. Моя жизнь. С. 421.
- ¹⁰⁷ Успенская А. Воспоминания шестидесятницы // Былое. 1922. № 18. С. 24.
- ¹⁰⁸ См.: Кузнецова И. А. Луи Давид. М., 1965.
- ¹⁰⁹ Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 111.
- ¹¹⁰ Шюккинг Л. Социология литературного вкуса. Л., 1928. С. 157.
- ¹¹¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 107.
- ¹¹² Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 74.
- ¹¹³ Николаева М. К. Как воспитывать женщину // Образование. 1896. № 4. С. 54.
- ¹¹⁴ С. Ш. Моды, платья и наряды московских дам // Москвитянин. 1856. № 7–8. С. 363.
- ¹¹⁵ Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999. С. 6.
- ¹¹⁶ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 50.
- ¹¹⁷ См.: Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания.
- ¹¹⁸ Ермильченко Н. В. Русский дворянин эпохи Пушкина. М., 2004. С. 68–69.
- ¹¹⁹ Старчевский А. Александр Васильевич Дружинин // Наблюдатель. 1885. № 4. С. 115.
- ¹²⁰ Ольховский Е. Р. Женская издательская артель // Российские женщины и европейская культура. Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 85–89.
- ¹²¹ См.: Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII — XX веков. М., 2002.
- ¹²² См., например: Образование. 1898. № 4. С. 8 и мн. др. Подобные рассуждения, постоянно встречавшиеся на страницах периодики, вызывали критику здравомыслящих современников. Так, обозреватель журнала рассуждает: «...Публицисты тужат, что женщинам не дают “реального, жизненного образования, кото-

- рое дало бы ей почву...» А реальное образование какую может дать женщине «почву»?» (Прозоров Л. Областной отдел // Северный вестник. 1894. № 4. С. 32).
- 123 Новикова М. Худая участь дамских журналов в России // Женское дело. 1910. № 29–30. С. 15.
- 124 Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. С. 61.
- 125 Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва). 1814–1842 // Русская старина. 1886. Т. 51.
- 126 Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 47.
- 127 Вите С. Ю. Избранные воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 16.
- 128 Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 34–35.
- 129 Олинская Е. Л. Мои воспоминания. Т. 1. Frankfurt, 1971. С. 22.
- 130 Жукова Ю. Об инструменте для написания «Женской истории» // Феминистская теория и практика: Восток — Запад. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 295.
- 131 Тургенев А. М. Записки // Русская старина. 1895. Т. 84. № 7. С. 269.
- 132 Семенов-Тянь-Шанский П. П. Детство и юность // Русские мемуары. 1826–1856. М., 1990. С. 479.
- 133 Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 362.
- 134 ПСЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 63, 91.
- 135 Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. С. 57.
- 136 См.: К вопросу о браках военных // Женский вестник. 1911. № 10. С. 209.
- 137 См.: Смирнов С. Н., Ветошко Т. А., Сергеев Г. С. Брак и семья по российскому законодательству XVII — начала XX века: правовое регулирование заключения и расторжения брака и имущественных отношений членов семьи. Тверь, 2006. С. 19–20.
- 138 О союзе брачном. ПСЗ. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1896. Ст. 1566. С. 38.
- 139 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 49.
- 140 Санглен Я. И. де. Записки Якова Ивановича де Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина. 1882. № 12. С. 479.
- 141 Рассказы бабушки. С. 42.
- 142 Рыбникова М. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. С. 45.
- 143 Там же. С. 54.
- 144 Там же. С. 55.
- 145 Аксакова Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1. С. 87–88.
- 146 См.: Колесникова А. В. Бал в России. XVIII — начало XX века. СПб., 2005.
- 147 Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1988. С. 68.

- ¹⁴⁸ Кирсанова Р. Павел Андреевич Федотов. Комментарии к живописному тексту. М., 2006. С. 86.
- ¹⁴⁹ Рыбникова М. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. С. 55–56.
- ¹⁵⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. 2. 1762–1771. С. 223, 248.
- ¹⁵¹ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. С. 183–184.
- ¹⁵² Рыбникова М. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. С. 54.
- ¹⁵³ Зилоти В. П. В доме Третьякова. С. 164.
- ¹⁵⁴ Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М., 1994. С. 56.
- ¹⁵⁵ Вяземский П. А. Московское семейство старого быта. С. 305–314.
- ¹⁵⁶ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 74.
- ¹⁵⁷ Высшее образование женщин в России. Речь князя С. М. Волконского на международном конгрессе в Чикаго // Образование. 1893. № 11–12. С. 88.
- ¹⁵⁸ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. С. 57.
- ¹⁵⁹ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 270.
- ¹⁶⁰ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 2. С. 88.
- ¹⁶¹ Араловец Н. А. Российское городское население в 1897–1926 гг.: Брак и семья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. М., 2004. С. 20–22.
- ¹⁶² Николаева [Щебрикова]. Наши бабушки (по поводу женских характеров в романе «Война и мир» // Отечественные записки. 1868. № 6. С. 175–192.
- ¹⁶³ См., например: Покровская М. И. Женский тип Максима Горького // Женский вестник. 1906. № 3; Райх Мария. Женщина в мирозерцании Толстого // Женское дело. 1910. № 29–30; Холмогорова В. Женщина в произведениях Горького, Айзмана и Зайцева // Женский вестник. 1911. № 10; Покровская М. И. Н. А. Добролюбов и героини темного царства // Женский вестник. 1911. № 12 и т. д.
- ¹⁶⁴ Закрепощение жен // Женский вестник. 1909. № 7–8. С. 139.
- ¹⁶⁵ Права замужних женщин // Женский вестник. 1914. № 4. С. 116.
- ¹⁶⁶ О гражданском браке // Женский вестник. 1906. № 1. С. 2–5.
- ¹⁶⁷ Неомальгузианство и женский вопрос // Женское дело. 1910. № 27–28. С. 10–11.
- ¹⁶⁸ См.: Зореч Н. Спрут // Образование. 1906. № 3. С. 50.
- ¹⁶⁹ Женское дело. 1899. № 3. С. 149. Редакция сумела создать для своего журнала редкий для тех лет по своей гармоничности облик: здесь велась бескомпромиссная борьба за женскую эман-

- сипацию, и при том множество материалов имели ярко выраженный «женский» характер. В большом и толковом разделе мод помещались сведения о новейших направлениях моды, давались советы по кройке и шитью, переладке вещей.
- 170 Успенская А. Воспоминания шестидесятницы. С. 33.
- 171 Цит. по: Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 284.
- 172 Ваховская В. Жизнь революционерки. М., 1928. С. 8.
- 173 См.: Жидкова М. «Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще» (первые русские феминисты и женский вопрос) // Преображение (Русский феминистский журнал). 1997. № 5.
- 174 Подробнее см.: Веремко В. А. Дворянская семья и проблема «содержания» одним супругом другого в России во второй половине XIX — начале XX века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006.
- 175 Напр.: Елагин Н. В. О передаче брачных дел из Духовного суда в светский. М., 1879; Золотарев Л. А. Супружеские измены, их значение и причины. М., 1897; Золотарев Л. А. Мимолетные связи и брак. 2-е изд., доп. М., 1898; Кулишер М. И. Развод и положение женщины. СПб., 1896; Розенштейн М. Л. Практическое руководство для ведения бракоразводных дел. СПб., 1915; Соколовский А. З. О брачном союзе. О расторжении брака. СПб., 1888; Способин А. Д. О разводе в России и мн. др. В 1877 году в России на 590 776 браков приходилась 1005 разводов, из них «по неизвестному отсутствию одного из супругов — 661, по близкому родству — 34, по причине ссылки на каторжные работы и поселение — 218» (см.: Всемирная иллюстрация. 1877. № 421. С. 106). В 1882 году было расторгнуто 920 браков, из них «по неизвестному отсутствию» — 482, «за ссылкой» — 259, из-за супружеской неверности — 121, «по неспособности к брачному сожитию» — 17, из-за «слишком близкого родства» — 9. Обозреватель считает, что ничтожное число разводов связано не с «высокой моральностью общества», а трудностями расторжения брака (Всемирная иллюстрация. 1882. № 716. С. 210).
- 176 Гончаров Ю. М. Социальное развитие семьи в России в XVIII — начале XX века. С. 33.
- 177 См.: Ежемесячный журнал. 1916. № 2. С. 176.
- 178 См.: Женское дело. 1911. № 15. С. 18
- 179 Развод на международном конгрессе // Женское дело. 1910. № 33–34. С. 18.
- 180 Михайлов В. М. (Лопатин). Воспоминания из прошлого моей жизни. Рукопись. Из архива Н. В. Лопатина. Т. 1. С. 274–377.
- 181 Женский вестник. 1909. № 7–8. С. 151.

- 182 Журнал для хозяек. 1915. № 17. С. 30.
- 183 Жизнь и суд. 1911. № 4. С. 15.
- 184 См.: Способин А. Д. О разводе в России. С. 199.
- 185 Елагина Е. И. Семейная хроника // Русский архив. М., 2005. С. 273.
- 186 См.: Зоткина Н. М. Провинциальный рынок любви: очерк о развитии проституции в Пензенской губернии на рубеже XIX—XX вв. // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Вып. 3. Пенза, 2002; Голод С. И., Голосенко И. А. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние). СПб., 1998.
- 187 Вестник моды. 1888. № 37. С. 395.
- 188 XX век. 1892. № 3. С. 225. Для сравнения: в Германии, согласно подсчетам 1909 года, вне брака рождался каждый десятый ребенок.
- 189 Подробнее см.: Рогович М. Об обеспечении средств на содержание и воспитание новых поколений (Закон 3 июня 1902 года) // Женский вестник. 1914. № 1. С. 8 и далее.
- 190 Жуковская Е. И. Записки. С. 191.
- 191 Отсылаем к воспоминаниям титулованных особ — С. Е. Трубецкого, Г. Е. Львова, С. Н. Волконского и др., которые специально останавливались на этом обстоятельстве.
- 192 Глуховцева Е. Женщина с прошлым // Женский вестник. 1909. № 3. С. 69.
- 193 Наболевшее // Новый журнал для хозяек. 1917. № 3—4. С. 2.
- 194 Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 171 (Начало статьи в № 2).
- 195 См.: Эндерлайн Э. Размышления о «дневнике» Марии Башкирцевой // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995. № 3. С. 75—78.
- 196 Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. С. 227. Но, преодолев подростковый бунт, Андреева-Бальмонт, воспитанная в любящей культурной семье, сама стала прекрасной женой в духе вполне традиционном.
- 197 Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М., 2004. С. 81.
- 198 Домовладелец. 1897. № 10. С. 186.
- 199 Шкловский В. Б. Лев Толстой. С. 388.
- 200 Олинская Е. Л. Мои воспоминания. Т. 1. С. 16—17.
- 201 Вересаев В. В. Воспоминания. С. 17, 55—57, 60.
- 202 Аксакова Т. А. Семейная хроника. Кн. 1. С. 87.
- 203 Золотарев Л. А. Мимолетные связи и брак. С. 57.
- 204 Семенов Д. Д. Кое-что о семейных идеалах // Образование. 1893. № 1. С. 26.
- 205 Виноградова М. Заметка о типе современной матери // Образование. № 1. 1893. С. 136—139.

- ²⁰⁶ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 29, 24–25.
- ²⁰⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 191.
- ²⁰⁸ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 320.
- ²⁰⁹ См.: Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна (1759—1828). СПб., 1892; Вилламов Г. И. Хронологическое начертание деяний... императрицы Марии Федоровны... СПб., 1897; др.
- ²¹⁰ Рослякова А. И. Из истории женского профессионального образования // Российские женщины и европейская культура. С. 149.
- ²¹¹ Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 91.
- ²¹² Вяземский П. А. Московское семейство старого быта. С. 314.
- ²¹³ См.: Русское слово. 1865. Июль. С. 4.
- ²¹⁴ Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Женское дело. 1899. № 7. С. 38.
- ²¹⁵ Аппельрод Г. Образование женщин среднего и высшего сословий // Отечественные записки. 1858. № 2. С. 671.
- ²¹⁶ Новый журнал для хозяек. 1917. № 1. С. 1.
- ²¹⁷ Вернадская М. Н. Женский труд // Вернадская М. Н. Сочинения. М., 2007. С. 118–119.
- ²¹⁸ Вернадская М. Н. Назначение женщины // Вернадская М. Н. Сочинения. С. 133.
- ²¹⁹ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 177.
- ²²⁰ Там же. С. 175.
- ²²¹ Шварц Е. Л. «Живу беспокойно...». Из дневников. Л., 1990. С. 66.
- ²²² Успенская А. Воспоминания шестидесятницы. С. 23–27.
- ²²³ Труханова Н. И. Воспоминания. На сцене и за кулисами. М., 2003. С. 21, 22.
- ²²⁴ Женский вестник. 1867. № 5. С. 75–76.
- ²²⁵ Ведомости московской городской полиции. 1890. № 9. С. 3.
- ²²⁶ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. М., 2006. С. 20.
- ²²⁷ Будничная история // Женский вестник. 1905. № 6. С. 198–199; Хроника. 1905. № 9. С. 283 и т. д.
- ²²⁸ Хроника городской жизни в России // Городское дело. 1910. № 2. С. 116–117.
- ²²⁹ Хроника городской жизни в России. С. 117–118.
- ²³⁰ Женское дело. 1900. № 3. С. 60.
- ²³¹ Женское дело. 1899. № 1. С. 134.
- ²³² Женское дело. 1910. № 33–34. С. 21.
- ²³³ Женское дело. 1911. № 7–8. С. 167.
- ²³⁴ Жизнь и суд. 1911. № 2. С. 15.
- ²³⁵ Женский труд // Женский вестник. 1905. № 6. С. 181.

- 236 Новый журнал для хозяек. 1917. № 1. С. 4.
- 237 Первые шаги после гимназии (из записок учительницы) // Образование. 1894. № 7–8. С. 91.
- 238 Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 4.
- 239 Первые шаги после гимназии (из записок учительницы). С. 91.
- 240 Аксакова Т. А. Семейная хроника. Кн. 1. С. 34.
- 241 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 1. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX.
- 242 Щепкина Е. Женское население Петербурга // Образование. 1892. № 5–6. С. 224–227.
- 243 Броневский С. Б. Записки из моей жизни // Исторический вестник. 1889. Т. 38. Декабрь. С. 505.
- 244 Женское дело. 1899. № 4. С. 112.
- 245 Волконский С. Н. Высшее образование женщин в России. С. 85.
- 246 Верунчак А. Учительницы среди народа и арестантов // Женское дело. 1899. № 4. С. 111.
- 247 Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи.
- 248 Женский труд // Женский вестник. 1905. № 6. С. 181. См. также: Из быта сельских учительниц // Женское образование. 1878. № 8. С. 529 и пр.
- 249 Русские отголоски // Женское дело. 1899. № 3. С. 85.
- 250 Там же. С. 84. См. также: Положение сельских учителей // Образование. 1899. № 1–3.
- 251 Журнал для народного учителя. 1912. № 12. С. 33.
- 252 Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 43.
- 253 Женское дело. 1900. № 3. С. 123.
- 254 Женское дело. 1899. № 11. С. 97.
- 255 Женское дело. 1911. № 7–8. С. 30.
- 256 Журнал для народного учителя. 1912. № 12. С. 33.
- 257 Женское дело. 1911. № 9. С. 24, 29.
- 258 Образование. 1896. № 3. С. 14.
- 259 Журнал для всех. 1900. № 8. С. 1525.
- 260 Женский труд в Германии // Образование. 1894. № 2. С. 86–87.
- 261 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 1. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам.
- 262 Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 г. Оренбург, 1897; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1903 год. Оренбург, 1902; и др.
- 263 Гоген-Торн Н. Memoria. М., 1994. С. 8–9.
- 264 Олинская Е. Л. Мои воспоминания. Т. 1. С. 21.

- 265 Е. Т. «Педагогические курсы» при Московском обществе воспитательниц и учительниц // Образование. 1893. № 1. С. 183–190; см. также: Двадцатипятилетие Педагогических женских курсов в Москве // Русская школа. 1897. № 3.
- 266 См.: Владимирский И. М. Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С. Н. Фишер. 1872–1912 гг. М., 1912.
- 267 Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской. М., 1916. С. 67.
- 268 Тевлина В. В. Социальная работа в России в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 117.
- 269 Женщины-крестоносицы // Мир женщины. 1914. № 15. С. 3.
- 270 Мы уже говорили о замечательной культурной традиции, существовавшей до 1917 года, посвящать конкретным просветительским учреждениям особые исследования и сборники. Таким вниманием пользовались многие начинания, в том числе славные медицинские учреждения. См., например: Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Петербурге за 50-летие (1844–1894). СПб., 1894; Исторический очерк общины сестер милосердия Св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870–1895). СПб., 1895; и мн. др.
- 271 Петербургская жизнь. 1892. № 10. С. 119.
- 272 Из воспоминаний сестры милосердия Ф. Н. Слепченко // Отечественные архивы. 1996. № 8. С. 62.
- 273 Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 126, 281–284.
- 274 Тевлина В. В. Социальная работа в России в конце XIX — начале XX века. С. 118.
- 275 См.: Мир Божий. 1898. № 4. С. 148.
- 276 Женские врачебные курсы в Петербурге // Женское образование. 1877. № 2. С. 109.
- 277 Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 42.
- 278 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 2. С. 33.
- 279 Цит. по: Бердяева Л. Профессия: жена философа. М., 2002. С. 6.
- 280 Женские врачебные курсы в Петербурге. С. 113.
- 281 Одно из ранних упоминаний этого слова см.: Надеждин Н. И. Сонмище нигилистов // Вестник Европы. 1829. № 1.
- 282 См.: Пушкирева Н. Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура.
- 283 Покровская М. И. Как я была городским врачом для бедных (Из воспоминаний женщины-врача). СПб., 1903.
- 284 Думские врачи в С.-Петербурге // Сб. статей по вопросам, относящимся к жизни русских и иностранных городов. Вып. VII. М., 1898. С. 149–153.
- 285 Образование. 1892. № 5–6. С. 168.

- 286 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 1—2. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам.
- 287 Образование. 1896. № 1. С. 102.
- 288 Первые курсы аптекарских учениц // Образование. 1892. № 5—6. С. 164—165.
- 289 См.: Женский вестник. 1909. № 7—8. С. 160.
- 290 Женское дело. 1900. № 6—7. С. 185.
- 291 Женский вестник. 1905. № 3. С. 96.
- 292 Иванова. Адвокатки // Женский вестник. 1911. № 12. С. 274.
- 293 Женский вестник. 1905. № 3. С. 95.
- 294 Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Л., 1990. С. 202—203.
- 295 На операции // Женская жизнь. 1914. № 2. С. 6.
- 296 См.: Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 561.
- 297 Покровская М. И. Женщины на государственной службе // Женский вестник. 1909. № 10. С. 185.
- 298 Русские отголоски // Женское дело. 1899. № 11. С. 92.
- 299 К вопросу о разработке общегородской пенсионной кассы // Городское дело. 1913. № 7. С. 422.
- 300 Женский вестник. 1912. № 7—8. С. 168.
- 301 Женщина и война. 1915. № 1. С. 12.
- 302 Женский вестник. 1905. № 4. С. 156.
- 303 Барышня-машинка // Новь. 1908. № 1. С. 2—3.
- 304 Женский вестник. 1914. № 1. С. 29.
- 305 Городское дело. 1913. № 6, № 9 и т. п. Сейчас в здании университета им. А. Л. Шанявского находится Российский государственный гуманитарный университет.
- 306 Неотложный вопрос // Женское дело. № 27—28. С. 9—11.
- 307 Губернатор — защитник женского труда // Женский вестник. 1910. № 7. С. 15.
- 308 Хроника «Женского дела» // Женское дело. 1910. № 29—30. С. 17.
- 309 Покровская М. И. Женщины на государственной службе. С. 187.
- 310 Образование. 1893. С. 28.
- 311 Журнал для всех. 1900. № 12. С. 1526—1527.
- 312 Свенцицкий Е. Забытая // Женское дело. 1911. № 16. С. 14. Автор очерка — сын героини.
- 313 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 1. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам.
- 314 Рубакин Н. А. Россия в цифрах. СПб., 1912. С. 116.

- 315 Иванова. Адвокатки. С. 273.
- 316 Женское дело. 1911. № 23. С. 18.
- 317 Женский вестник. 1909. № 7–8. С. 159–160.
- 318 Женский вестник. 1905. № 3. С. 93.
- 319 Женский вестник. 1905. № 4. С. 159.
- 320 Мужское превосходство // Женский вестник. 1905. № 3. С. 65–66.
- 321 Глинский Б. Очередной вопрос женского образования. О сельскохозяйственном образовании для женщин // Женское дело. 1899. № 1. С. 73.
- 322 Там же. С. 83.
- 323 См., напр.: Голос из деревни о женском сельскохозяйственном образовании // Образование. 1892. № 2; Женское сельскохозяйственное образование // Образование. 1892. № 4, др.
- 324 Сб. статей по вопросам женского сельскохозяйственного образования. СПб., 1905. С. 10.
- 325 См.: Бахрушин Ю. А. Воспоминания. С. 617.
- 326 Женские сельскохозяйственные курсы // Журнал для всех. 1900. № 8. С. 977–980.
- 327 Женский вестник. 1905. № 3. С. 95.
- 328 Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 274.
- 329 Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 68–69, 72 и т. д.
- 330 Князь Сергей Волконский. Родина. Воспоминания. М., 2002. С. 215.
- 331 Зилюти В. П. В доме Третьякова. С. 40.
- 332 Петроградский избиратель в цифрах // Городское дело. 1917. № 9–10. С. 355.
- 333 Женское дело. 1911. № 1. С. 19.
- 334 Покровская М. И. Гоголевские женские типы // Женский вестник. 1909. № 3. С. 68.
- 335 Хроника // Женский вестник. 1914. № 9. С. 199.
- 336 Женщина и война. 1915. № 1. С. 12.
- 337 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 2. С. 279–280.
- 338 Белова А. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 44.
- 339 Письма сестер М. и К. Вильмот из России // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 285.
- 340 Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 18.
- 341 Там же. С. 99.

- 342 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 95.
- 343 Чадаев П. Я. Философические письма к даме. М., 2000. С. 28–29.
- 344 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 96.
- 345 См.: Грот Н. П. Из семейной хроники.
- 346 Рассказы бабушки. С. 22–23.
- 347 Там же. С. 22.
- 348 Жихарев С. П. Записки современника. С. 61, 95.
- 349 Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 91.
- 350 Тур Е. Семейство Шалонских. Из семейной хроники. СПб., 1896. С. 24.
- 351 Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 205.
- 352 Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1997. С. 123–124.
- 353 См.: Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 101–106.
- 354 Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. С. 362–363.
- 355 Рассказы бабушки. С. 23.
- 356 Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 247.
- 357 Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 410 и др.
- 358 Сафонович В. Воспоминания // Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 169.
- 359 Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 18.
- 360 Кузьминская Т. А. Моя жизнь. С. 155.
- 361 Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. М., 2002. С. 110.
- 362 Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 49.
- 363 Харузина В. Н. Прошлое. С. 192–195.
- 364 Волкова А. И. Воспоминания, дневник, статьи. С. 4.
- 365 Сербеев Д. Н. Записки. 1799–1826. М., 1899. С. 55.
- 366 Харузина В. Н. Прошлое. С. 162.
- 367 Сб. статей по вопросам женского сельскохозяйственного образования. С. 149.
- 368 Женский вестник. 1911. № 10. С. 207.
- 369 Рассказы бабушки. С. 23.
- 370 Домовладелец. 1896. № 5. С. 105–107.
- 371 Голицын С. М. Записки уцелевшего. С. 72.
- 372 Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 41.
- 373 Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 49–50.
- 374 Радченко В. Г. Байки деда Игната. История старинного казачьего рода, рассказанная стариком-конвойцем. М., 2008. С. 231.
- 375 Добужинский М. В. Воспоминания. С. 6.
- 376 Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 326–327.

- 377 Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. С. 11.
- 378 Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 152–153.
- 379 Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. С. 196.
- 380 Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 49.
- 381 Жихарев С. П. Записки современника. С. 491. О том, как, что и когда ели в 1830-е годы, см.: Лаврентьева Е. В. Культура застолья XIX в. Пушкинская пора. М., 1999.
- 382 Тургенев А. М. Записки. С. 276.
- 383 Чехов А. П. Собр. соч. Т. 12. С. 372. Из письма к А. М. Горькому из Ялты. 1900 г.
- 384 Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем (1872–1887). М., 1999.
- 385 Радченко В. Г. Байки деда Игната. С. 108.
- 386 Михайлов В. М. (Лопатин). Воспоминания из прошлого моей жизни. Т. 1. С. 287.
- 387 Добужинский М. В. Воспоминания. С. 41.
- 388 Николаева С. Человек потребляющий: культурологические аспекты антропологии ТВ-рекламы // Человек в культуре массовых коммуникаций. Материалы конференции Института европейских культур. М., 2003.
- 389 Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. С. 39.
- 390 Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия. СПб., 1998. С. 20.
- 391 Там же. С. 19.
- 392 Петербургская жизнь. 1892. № 4. С. 46.
- 393 Петербургская жизнь. 1893. № 13. С. 145.
- 394 Волкова А. И. Воспоминания, дневник, статьи. С. 12.
- 395 Рыбникова М. А. Горбовская хроника. По архивам семьи Шукиных. С. 33.
- 396 Петербургская жизнь. 1892. № 7. С. 81.
- 397 Наше жилище. 1895. № 3. С. 2.
- 398 Домовладелец. 1896. № 24. С. 458–459.
- 399 Григорьев М. А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005. С. 177.
- 400 Союз потребителей. Изд. Московского союза потребительских обществ. 1908. № 24. С. 462.
- 401 Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. С. 15.
- 402 Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 53.
- 403 Водозова Е. Н. На заре жизни. Т. 2. С. 36.
- 404 Там же. С. 44.
- 405 Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 292.
- 406 Сабашников М. В. Воспоминания. С. 202.

- ⁴⁰⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 2. С. 30.
- ⁴⁰⁸ Щепкина-Куперник Т. Л. Воспоминания. М., 2005. С. 378.
- ⁴⁰⁹ Подъемники в жилых зданиях // Домовладелец. 1896. № 8. С. 176.
- ⁴¹⁰ Городское дело. 1900. № 10. С. 645.
- ⁴¹¹ Домовладелец. 1898. № 3. С. 45.
- ⁴¹² Петербургская жизнь. 1892. № 45. С. 439.
- ⁴¹³ Как правильно купить дом // Домовладелец. 1896. № 1. С. 4.
- ⁴¹⁴ Домовладелец. 1896. № 5. С. 147.
- ⁴¹⁵ Городское дело. 1909. № 7. С. 299.
- ⁴¹⁶ Равич С. На бирже труда. В женском отделении (из наблюдений дежурной) // Русское богатство. 1917. № 4/5. С. 110.
- ⁴¹⁷ Скромная приветливая кухня // Вестник моды. 1888. № 46. Ноябрь. С. 503.
- ⁴¹⁸ Наше жилище. 1895. № 6. С. 10.
- ⁴¹⁹ Земское дело. 1914. № 17.
- ⁴²⁰ Женщина и кухня // Женское дело. 1911. № 6. С. 5.

Предисловие	5
-----------------------	---

Семья

Воспитание девочек.	57
«В семье нас держали строго, очень строго...»	65
Иерархия в семье: место ребенка	71
Воспитание: распределение ролей	73
Главные направления воспитания и образования девочек.	76
Как быть красивой	82
Женский идеал, облаченный в слово.	83
Перемены в образовании и воспитании девочек	85
Замужество	93
Семья на переломе	108
Отношение к замужеству.	110
Какой должна быть семья?.	113
О материнстве	116
О разводе	119
История одной любви. Надежда Александровна и Владимир Михайлович Лопатины	122
«Мать-одиночка» и внебрачные отношения	126
Незаконнорожденные	130
Свободный брак и свобода от семьи	133
Независимая и одинокая.	137
«Новые» матери	139
Что же выбрать?	141

Профессия

Женщина выходит на работу	145
Получить работу.	155
Труд педагога	161
О женщинах-медиках.	175
Женщина на службе.	189
Телеграф и почта	191
Железная дорога	193
Подготовка к профессиональной деятельности	195
Земские и губернские учреждения	196
Юриспруденция	199
О сопротивлении власти и общества.	202
Сельское хозяйство	203
Швейное искусство	207

Домашний уклад

Патриархальный дом	214
Создание дома	229
Распорядок.	236
Пища	242
Завтрак, обед, ужин.	246
О праздничном столе	248
Новые времена.	250

Заключение.	261
---------------------	-----

<i>Примечания</i>	263
-----------------------------	-----

Пономарева В., Хорошилова Л.

П156 Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века / Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова. — М.: Ломоносов. — 2019. — 288 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-505-0

Со второй половины XIX века все больше русских женщин содержат себя сами — поступают на государственную службу, добиваются признания в педагогике, медицине, журналистике, даже в такой сугубо «мужской» области, как юриспруденция... У материально независимой женщины появляется выбор — выйти замуж и рожать детей, посвятить себя профессии или постараться совместить то и другое. При этом значительные перемены претерпевает патриархальная семья, и возникает новый домашний уклад. Книга Варвары Пономаревой и Любви Хорошиловой — это первая попытка, опираясь на документы эпохи, проследить эволюцию мира русской женщины в условиях, когда с постепенным обретением прав и индивидуальной свободы у нее возникает возможность самостоятельно решать свою судьбу, в том числе устраивать личную жизнь и получать профессиональное образование.

Варвара Пономарева и Любовь Хорошилова — кандидаты исторических наук, научные сотрудники Лаборатории культуры исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

УДК 94(47).06-83

ББК 63.3(2)47-52

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Варвара Пономарева
Любовь Хорошилова

**Мир русской женщины:
семья, профессия, домашний уклад
XVIII — начало XX века**

Редактор М. Кузьмин
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 22.11.2018.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 18. Заказ 11429

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8 (499) 270-73-59

ЕРИИ ВЫШЛИ:

- Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- Дмитрий Колосов. АРИИ
- Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ,
КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- Людмила Ивоина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТУАРТОВ
- Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ
- Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»

Георгий Вернадский. Звенья русской культуры

Владимир Соколов. Занимательная история
древней Церкви. От гонений к триумфу

Антон Горский. Средневековая Русь

Вера Курская. История лошади в истории человечества

Антон Горский. Москва и Орда

Александр Васильев. История Византии от основания
Константинополя до эпохи Крестовых походов.
324—1081 годы

Дмитрий Занков. Русь за трапезой

Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. Русские царицы
и царевны XVII века

Виктор Бердинских. Русские у себя дома

Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. Держава Сасанидов.
224—652 годы

Станислав Чернявский. Митридат Великий,
«последний эллин»

Московское государство XV—XVII веков
по сказаниям современников-иностранцев

Владимир Соколов. Занимательная история древней Церкви.
На пути к расколу

Елена Смилянская. Волшебники, богохульники, еретики
в сетях российского сыска XVIII века

Андрей Дёмкин. Лейб-компания императрицы
Елизаветы Петровны

Лариса Печатнова. Древняя Спарта и ее герои

Татьяна Лабутина. Мир английской леди. Воспитание,
образование, семья. XVII — начало XVIII века

Георгий Вернадский. Русские земли в Средние века

СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Нонна Марченко. Быт и нравы пушкинской эпохи
- Наталья Петрова. Повседневная жизнь русской школы
- Дмитрий Расовский. Половцы, торки, печенег, берендеи
- Олег Ивик. Троя. Пять тысяч лет реальности и мифа
- Юрий Селезнёв. Русские князья при дворе ханов
Золотой Орды
- Владимир Безгин. Повседневный мир русской крестьянки
периода поздней империи
- Светлана Плетнева. Кочевники русских степей IV–XIII век
- Андрей Дёмкин. Истории русских фрейлин
- Ирина Опимах. Художницы, музы, меценатки
- Анатолий Новосельцев. Хазарский каганат
- Георгий Вернадский. Московское царство
- Эрнест Альфред Уоллис Бадж. Религия и магия
древнего Египта
- Георгий Федотов. Святые древней Руси
- Владислав Смирнов. Образы Франции. История, люди,
традиции
- Мария Сергеенко. Помпеи
- Ольга Добиаш-Рождественская. Эпоха крестовых походов
и ее герои
- Нина Пигулевская. Культура Сирии в средние века
- Илья Шифман. Набатейское царство
- Владимир Печенкин. Исторические камни.
Мифы и реальность
- Георгий Вернадский. Древняя Русь
- Юрий Виноградов, Владимир Горончаровский. Военная история
Боспорского царства

Самуил Лозинский. ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ
Петр Черкасов. ПРАВИТЕЛИ ФРАНЦИИ XVII—XVIII ВЕКА
Андрей Дёмкин. ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ НЕМИЛОСТИ
Евгений Тарле. ИСТОРИЯ ИТАЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова. РУССКАЯ ЖЕНЩИНА:
ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, СУДЬБА. XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА
Илья Шифман. МИР ВЕТХОГО ЗАВЕТА
Олег Ивик. МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. БОГИ
Марк Котлярский, Петр Люкимсон. ОТ ПРЕДПИСАНИЙ ТАЛМУДА ДО
ПОЛОВЫХ ЗАПОВЕДЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА
БЫТ И НРАВЫ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ ГЛАЗАМИ ФРЕЙЛИН
Сергей Васильевич. КНЯЖЕСКИЕ, ГРАФСКИЕ И БАРОНСКИЕ РОДЫ
РУССКОЙ ИМПЕРИИ. СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
Виктор Бердинских. РУССКИЙ НЕМЕЦ. РОМАН О ВРЕМЕНИ
Владимир Волков. ИВАН III. НЕПОБЕДИМЫЙ ГОСУДАРЬ
Ирина Опимах. БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРА
Антон Горский. ТОГДА ВСТУПИ КНЯЗЬ В ЗЛАТОЕ СТРЕМЯ...
ЛИЧНОСТИ И ТЕКСТЫ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА
Евгений Беляев. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
Вера Бокова. ДЕТСТВО В ЦАРСКОМ ДОМЕ.
КАК РАСТИЛИ НАСЛЕДНИКОВ РУССКОГО ПРЕСТОЛА
Михаил Рабинович. РУССКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД.
ДОМАШНИЙ БЫТ, ЗАНЯТИЯ, ОБЫЧАИ ГОРОЖАН
Владислав Даркевич. ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ.
ОТ КУРТУАЗНЫХ УВЕСЕЛЕНИЙ ДО КАРНАВАЛОВ И ПРАЗДНИКОВ
ДУРАКОВ. IX — XVI ВЕКА
Павел Ковалевский. ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПАВЛА I

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Варвара
Пономарева
Любовь
Хорошилова

Мир
русской
женщины:
семья,
профессия,
домашний уклад
XVIII —
начало XX века

Со второй половины XIX века все больше русских женщин содержат себя сами — поступают на государственную службу, добиваются признания в педагогике, медицине, журналистике, даже в такой сугубо «мужской» области, как юриспруденция... У материально независимой женщины появляется выбор — выйти замуж и рожать детей, посвятить себя профессии или постараться совместить то и другое. При этом значительные перемены претерпевает патриархальная семья, и возникает новый домашний уклад. Книга Варвары Пономаревой и Любови Хорошиловой — это первая попытка, опираясь на документы эпохи, проследить эволюцию мира русской женщины в условиях, когда с постепенным обретением прав и индивидуальной свободы у нее возникает возможность самостоятельно решать свою судьбу, в том числе устраивать личную жизнь и получать профессиональное образование.

Варвара Пономарева и Любовь Хорошилова — кандидаты исторических наук, научные сотрудники Лаборатории культуры исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

ISBN 978-5-91678-505-0

9 785916 785050